

Камикадзе. Эскадрильи летчиков-смертников

Будущей дружбе Японии и Америки посвящается

Авторы: Кувахара Я., Оллред Г. Т

Предисловие

Ему было всего двадцать шесть, когда летом 1955 года мы встретились с ним в его доме в Кобэ. Приятный, сдержанный – что, впрочем, типично для японца, – любезный молодой человек. Если бы не неопишуемая глубина его глаз, я решил бы, что он еще моложе. Только глаза – глаза, которые видели поистине фантастические вещи, делали парня старше.

С этого момента в течение десяти месяцев вплоть до самого моего отъезда из Японии я часто встречался с Ясуо Кувахарой и стал относиться к нему, как к своему другу и человеку чести. Какими бы трагичными и жестокими ни были пережитые им события, он, казалось, испытывал удовлетворение от того, что участвовал в них. Ясуо не стремился к славе. Напротив, был далек даже от мыслей о ней. Просто этот человек обладал опытом, о котором необходимо рассказать, – опытом, который мог бы улучшить взаимопонимание между людьми и нациями.

Конечно, камикадзе (божественный ветер) – самый необычный вид воинов, их было более пяти тысяч человек, которых родина превратила в живые бомбы. Японские летчики-смертники причинили самый большой урон американскому военно-морскому флоту за всю его историю.

Никто никогда не поймет чувства этих людей, заключивших сделку со смертью. Даже приговоренному к смерти преступнику не понять их до конца. Правосудие определяет преступнику меру наказания, он искупает свое злодеяние. Конечно, в каждом народе есть герои, готовые пожертвовать своей жизнью. Но где и когда

встречалось такое обдуманное самоуничтожение? В какой еще стране тысячи людей столь неумолимо готовились к собственной гибели, просчитывая все детали в течение недель, иногда месяцев?

Ни идея синтоизма с ее загробной жизнью в качестве воина, охраняющего духовный мир, ни буддийская философия нирваны не предусматривали вечного утешения. Очень часто «сумасшедший японец-фанатик» представлялся нам как хнычущий школьник, запутавшийся в паутине судьбы.

Каково же оно, существование из недели в неделю, месяц за месяцем, когда жизнь раскачивается в соответствии с каждым движением минутной стрелки, когда не знаешь, в какой момент поступит приказ умереть?

Остались ли люди, выполнявшие одну из этих трагических миссий, которые могли бы рассказать о своем прошлом? Вдруг все-таки шанс есть... Да, где-то должны были жить хотя бы несколько человек, бросавших в свое время вызов смерти и неизвестности.

Именно такие размышления и заставили меня разыскать мистера Кувахару, жителя японского города Кобэ на острове Хонсю. День за днем он подробно описывал то, что ему пришлось пережить во время Второй мировой войны, и каждая наша встреча все сильнее потрясала меня, внушала безмерное уважение к рассказчику. Происшедшее с ним в течение восемнадцати месяцев пребывания в имперских ВВС казалось просто ошеломляющим. Эта жизнь, каждый ее день, я должен признать, выглядела для меня совершенно невероятной.

Трудно представить, что Ясуо Кувахара в пятнадцать лет прошел всю программу подготовки, которая была столь ужасной, что девять его товарищей покончили с собой. Еще труднее поверить, что такая программа вообще могла существовать. И кто мог бы себе представить, что этот человек, уцелевший под бомбами, в воздушных боях, в атаках, получив приказ пожертвовать собой, останется жив только лишь по ужасающему стечению обстоятельств?

Жизнь всех оставшихся камикадзе удивительна, но жизнь Кувахары уникальна. Воспоминания летчика впервые были опубликованы в сокращенном виде как документальный очерк в издании «Кэвелир» в 1957 году. После этого я получил массу писем от читателей, которые писали, что «изложенные в очерке события кажутся слишком невероятными, чтобы в них можно было поверить». Действительно, обычному человеку трудно понять, как столько событий могло произойти всего лишь за восемнадцать месяцев.

Должен сказать, что главной проблемой в написании как статьи, так и этой книги было сокращение текста. Прежде всего это касалось правильного отбора из огромной массы материала с тем, чтобы, с одной стороны, как можно достовернее

изложить драматические события, а с другой – не вызвать у читателей отвращения.

Что же касается правдивости истории, то у меня и у мистера Кувахары есть документы, подтверждающие отдельные эпизоды. Существуют и свидетели: пилот-камикадзе Сэйхи Хирои из Осаки, лично знавший главного героя, и бывший командир 4-й эскадрильи, располагавшейся на авиабазе Хиро, Есиро Цубаки, который отдавал летчику Кувахаре последний приказ. Издатели «Кэвेलир» и «Баллантайн букс» ознакомились с этими документами.

Однако эта книга не является просто собранными фактическими данными. В ней представлено документальное свидетельство, попытка передать мысли и переживания мальчика, который в пятнадцать лет был брошен в водоворот самой чудовищной в истории человечества резни. Эта повесть может быть интересна еще и тем, что отражает позиции спутников главного героя и взгляды японцев на войну в целом.

Надеюсь, книга вызовет у читателей сочувствие. Человек, обладающий столь высоким понятием мужества и чести, заслуживает того, чтобы быть оцененным по достоинству.

Где-то в Тихом океане покоится прах нескольких тысяч пилотов-камикадзе и американцев, которых они забрали с собой... История их гибели, как это ни парадоксально, может сослужить добрую службу для людей во всем мире.

Гордон Т. Оллред

Часть первая

Пролог

На авиабазе Хиро на западе острова Хонсю наступает Новый год. 1945 год. Капитан Есиро Цубаки только что собрал особое совещание. Среди нас царит тишина. Только дождь барабанит по крыше. Капитан разрешает нам сесть, а сам остается стоять, сложив руки на груди. Его немигающие темные глаза, кажется, пронзают нас одного за другим.

После долгого молчания он высокопарно произносит:

– Время, наконец, настало. Мы стоим перед великим решением.

Капитан снова берет паузу, но я уже чувствую, что меня охватывает страх – огромный, как никогда. Смерть среди нас. Она обволакивает каждого человека, медленно двигается и становится все сильнее. И слова, срывающиеся с губ нашего капитана, звучат так странно:

– Того, кто не хочет жертвовать своей жизнью, как подобает преданному сыну Японской империи, никто не будет к этому принуждать. Тот, кто не способен принять такую честь, пусть поднимет руку. Прямо сейчас!

Снова тишина и смерть становятся почти осязаемыми. Даже барабанивший дождь стихает и становится морозящим. Медленно, робко вверх поднимается рука, затем вторая и еще одна... Пять, шесть. Всего. Решение за мной. Я могу выбрать: жить или умереть. Разве не это только что сказал капитан? Но почему-то... Конечно... Да, конечно же я хочу жить! Только вот мои руки – дрожащие, они по-прежнему опущены. Я хочу поднять руку и не могу. Но я хочу! Даже моя душа жаждет этого. Я трус? Я? Я не могу этого сделать!

– Итак! – Капитан Цубаки пристально смотрит на тех, кто поддался слабости. – Хорошо точно знать, какова ситуация.

Поднявшие руки стоят перед нами.

– Вот, господа, шесть человек, – указывает капитан на посеревшие лица, – открыто признавшиеся в измене. Так как они совершенно лишены чести и силы духа, наша обязанность исправить положение. Эти люди станут первой атакующей группой нашей эскадрильи!

Вздых, так долго державшийся внутри меня, пытается вырваться наружу. Я хочу набрать в легкие побольше воздуха и с облегчением выдохнуть, но что-то сжимается во мне. Шестерых ребят из моей эскадрильи только что приговорили к смерти. Это первые живые бомбы с авиабазы Хиро.

Глава 1

Национальный чемпион по планерному спорту

Совершенно невозможно сказать, каково происхождение силы японских самоубийц в войне, которую они вели. Самой странной силы в мире, зародившейся в этой стране. Спросите у почтенного старика с развевающейся бородой, который все еще ходит по улицам в кимоно и деревянных сандалиях, поскольку он человек из прошлого. Возможно, он скажет, что таинственные силы были рождены вместе с этой страной две с половиной тысячи лет назад, с первым императором Дзимму, потомком богини солнца Аматэрасу. А может поведать, что их настоящее рождение произошло двадцатью веками позже, отраженное в гордом духе самураев, славных и доблестных воинов времен феодализма.

Впрочем, каким бы ни было происхождение этих сил, они сосредоточились на мне в 1943 году. Тогда мне было всего пятнадцать лет. И случилось это после того, как я выиграл национальный чемпионат по планерному спорту.

Среди своих смутных воспоминаний я могу разглядеть маленького мальчика, каждый день с завистью наблюдающего за ястребами, которые кружат над бархатными горами Хонсю. Помню, что он завидовал даже воробьям, с громким чириканьем порхавшим с крыши на крышу.

Почему-то я был уверен, что мое будущее будет связано с небом. В четырнадцать лет я ходил в среднюю школу в Ономити и был уже достаточно взрослым, чтобы посещать тренировки по планерному спорту, которые оплачивала префектура Осаки. В этих тренировках для меня было два положительных момента. Во-первых, такого шанса я ждал всю свою жизнь – шанса подняться в воздух. Во-вторых, по всему миру гремела война, и в то время, как многим ученикам

приходилось проводить часть отведенного урокам времени на фабриках, мне было позволено учиться летать на планере по два часа в день. В то время все учащиеся либо работали на военном производстве, либо готовили себя для защиты родины, занимаясь дзюдо, искусством владения мечом и стрельбой. Даже младших школьников обучали защищаться заостренными бамбуковыми копьями.

Наши тренировки проходили на травяном поле и первые три месяца были совершенно неинтересными, потому что мы ни разу так и не оторвались от земли. Ребята учились просто буксировать друг друга. Одни будущие летчики таскали планеры на веревках, другие тем временем сидели в кабинах, ожесточенно манипулируя закрылками на хвосте и крыльях с помощью ручного и ножного управления, делая вид, будто они взмыли на головокружительную высоту. Хорошая часть нашего времени посвящалась ритмической гимнастике, но даже тогда было очевидно, что эту подготовку рассчитали так, чтобы потом нам стало интереснее. Я же не мог этого понять почти целый год.

Наконец мы начали подниматься в воздух. Сначала всего на несколько футов над землей, но как это было радостно! Постепенно и довольно быстро мы добрались до шестидесяти футов – до максимальной высоты полета планеров для начинающих. В лучшем случае какие-то тридцать секунд в воздухе, но все же это был полет.

Освоив основы управления планером для начинающих, мы перешли к аппаратам следующей ступени. Они уже могли парить в воздухе на высоте в течение нескольких минут, и буксировал их перед взлетом автомобиль. Эти планеры имели полузакрытую кабину, нечто вроде штурвала и руль в форме бабочки для дополнительного управления.

Помимо понимания основных требований механики при полетах на планере пилот должен был чувствовать потоки воздуха, автоматически оценивать их направления и интенсивность и реагировать на них рефлекторно, как ястреб над горами.

Как далеко я мог пролететь по ветру? Часто я определял это, только высунув голову из кабины. Во время снижения – перед самым разворотом, чтобы забраться на восходящие потоки, – стремительное воздушное течение было столь мощным, что сбивало дыхание. А еще могучий удар воздуха происходил перед самым взлетом, и тогда я изо всех сил вцеплялся в штурвал управления.

Как далеко лететь в одном направлении до разворота, насколько поднять закрылки, чтобы избежать потери скорости и оставаться при этом на максимальной высоте. Подобные вещи не были внесены заранее в полетную карту. Однако у меня был инстинкт птицы, и я смог пилотировать свой планер настолько успешно, что прошел отбор на национальные соревнования следующего года.

Примерно шестьсот планеристов со всех концов Японии (в основном ученики средних школ) попали на турнир у горы Икома неподалеку от Нары, и потому состязание разделили на два вида: групповые и индивидуальные. Соперники могли участвовать в обеих программах. Судьи оценивали такие показатели, как время, проведенное в воздухе, расстояние, преодоленное на определенной высоте,

способность разворачиваться в пределах установленного количества футов и угол снижения.

Может быть, благодаря нашим интенсивным тренировкам, а может, так распорядилась судьба, но шесть учеников школы Ономити, что на западе острова Хонсю, выиграли групповые соревнования. И двое из наших были выбраны для индивидуальных выступлений против пятидесяти остальных участников, лучших планеристов страны. Одним из них оказался я.

Каждый должен был совершить по четыре полета. Очки, заработанные после каждой попытки, суммировались, и по общим результатам определялся победитель. К огромной моей радости, после трех первых полетов судьи выставили мне почти максимальные оценки. Победа забрезжила на горизонте!

Солнце согрело вершину горы Икома, когда на огромном поле, расположенном пятьюдесятью ярдами ниже, начался последний этап чемпионата. Я замер в кабине планера, чувствуя, как дрожит хрупкая конструкция летательного аппарата. Она состояла из изогнутой фанеры, покрытой шелком и скрепленной легкими алюминиевыми деталями. Один конец буксировочного троса был прикреплен к машине, другой к кольцу под носом планера. Расслабив руки на штурвале и вновь крепко вцепившись в него, я глубоко вздохнул. «Ты должен сделать это». Я повторял эти слова и старался отогнать противное чувство – слабость. Затем я начал постепенно собираться. Это было важнейшее испытание в моей жизни – завоевать звание лучшего пилота планера в Японской империи.

Мой летательный аппарат накренился и заскользил по траве. Через несколько секунд я уже парил над Икомой, чувствуя сильные порывы ветра у ее вершины. Поднявшись на высоту, я очень осторожно работал закрылками, управляя планером, чтобы не потерять поток воздуха под средней частью крыльев.

Аппарат стал подчиняться каждому моему движению, словно был живым существом, и я взмыл вверх при порыве ветра. В какое-то мгновение я оглянулся через плечо, увидел полоску земли, задранные вверх лица и начал разворот. Мой планер сделал три круга, поднимаясь вверх, а затем резко снижаясь. Через тридцать восемь минут после взлета я приземлился.

Судьи долго подсчитывали очки, и я с волнением ждал, когда они огласят результаты. Я знал, что справился с задачей, и у меня был шанс победить. Но все равно это казалось нереальным. Вдруг назвали мое имя.

– Кувахара Ясуо – триста сорок очков. Первое место в индивидуальном зачете!

Я почти не расслышал, кто стал вторым. Я почувствовал слабость и дрожь, потом вдруг эти ощущения пропали. Друзья хлопали меня по плечам, обнимали. Родители прорвались ко мне сквозь толпу. Я стал чемпионом Японской империи по планерному спорту.

Тогда я еще не знал, что эта победа вскоре изменит всю мою жизнь.

Глава 2

Предопределенное решение

На железнодорожной станции Ономити была большая суматоха. Меня встречали учителя, одноклассники, близкие друзья – все пришли поздравить нового чемпиона. Родители устроили в честь моей победы настоящий праздник. Однако через несколько дней мое достижение было забыто.

Тренировочные полеты на планере продолжались, но впервые за много месяцев я не заглядывал в будущее. Когда радость победы угасла, меня стало одолевать беспокойство. Жизнь вдруг потускнела.

Вечерами после тренировок я брел с друзьями домой, любуясь закатом, когда солнце опускалось за горы. Сияющий шар окрашивал море, делая его похожим на расплавленную сталь. Вечер был временем особым – временем, когда надо было принять горячую ванну, надеть юката,[1] опустить раму окна и задумчиво смотреть вдаль или сидеть где-нибудь в саду и разглядывать филигранные очертания тутового дерева на фоне темнеющего неба, медленно потягивая из чашки горячий чай.

Однако с начала 1943 года такие вечера случались все реже и реже. Американцы захватили остров Гуадалканал, и у людей начали появляться первые смутные тени сомнений. Не то чтобы об этом много говорили... но страх вползал, как стелющийся туман, и солнце уже не могло рассеять его.

Мы, совсем еще мальчишки, говорили о войне с большим энтузиазмом, чем кто бы то ни было. У моего приятеля Тацуно брат служил в морской авиации. Он сбил американский самолет, и это событие на много дней стало главной темой наших обсуждений по дороге домой из школы.

Мы были еще маленькими и слабыми, но в Тацуно чувствовалась какая-то сила, когда он смотрел в небо и рассказывал про своего брата. Если в вышине пролетали самолеты, он качал головой и торжественно говорил:

– Я знаю, он станет асом и принесет славу императору.

Конечно, я всегда соглашался. Было приятно осознавать, что наши пилоты превосходили врага в мастерстве, смелости и летали на лучших машинах. Во всяком случае, в этом каждый день уверяли нас газеты и радио. Однажды вечером, когда я вернулся из школы, к нам домой пришел незнакомец. Я услышал, как он представился:

– Капитан Миками Хироёоси. Имперские военно-воздушные силы.

Через мгновение офицер разулся и переступил порог.

Мой отец был подрядчиком и одним из самых состоятельных людей Ономити.

Служанка Рэйко провела его в гостиную, обставленную в западном стиле, и побежала за моим отцом.

Ему не хотелось вылезать из теплой ванны, и он направил к гостю маму. Потом, правда, отцу все равно пришлось выполнить все формальности знакомства. Мама тем временем пошла проверить, как служанка готовила наше главное блюдо дня.

Я с волнением ждал развития событий, поскольку понимал, что этот визит был преддверием чего-то очень важного, и внимательно вслушивался, пока отец с капитаном обменивались в гостиной обычными в таких случаях любезностями, обсуждая какие-то пустяки и осторожно упоминая в беседе разные слухи.

– Зима на пороге, – заметил капитан.

– Да, действительно, – ответил отец, изящно пригубив чай.

Пока они в такой манере беседовали ни о чем, пришло время подавать главное блюдо. Мама уже собиралась подавать ужин, поэтому все восприняли как само собой разумеющееся то, что капитан Миками останется.

Когда мы сидели на подушках вокруг низенького круглого стола, служанка бегала между гостиной и кухней, накрывая на стол, а моя сестра Томика следила за огнем в хибати-жаровне. Мама, приготовив и посыпав сахаром кусочки говядины, спросила:

– А где соевый соус?

Служанка с жалобными извинениями бросилась на кухню.

Время от времени я украдкой внимательно следил за капитаном Миками, всякий раз опуская глаза, когда его взгляд встречался с моим. Это был пронзительный, твердый взгляд!

Во время ужина говорили только два человека, а мы обозначали свое присутствие лишь осторожными улыбками и легкими поклонами, когда беседа касалась нас. Я испытывал сильное напряжение и видел, какими встревоженными были мама и Томика.

Папа и капитан вяло разговаривали о войне, касаясь обстановки на Иводзиме, Окинаве и других островах. Когда речь зашла о Гуадалканале, отец повторил мысль, которая крепко засела в то время в голове у японцев: отступление наших войск из этого района было просто стратегическим маневром и никоим образом не означало победу неприятеля. Капитан Миками согласился и стал обстоятельно обсуждать мужество наших солдат. Когда разговор коснулся бомбардировок родной Японии, он выразил еще одно общее мнение: наши военные всегда знали, что нас будут бомбить, и, следовательно, тут не из-за чего беспокоиться. Это было предусмотрено, когда готовилась операция в Пёрл-Харборе. Да, бомбежки неизбежны, но мы готовы к ним. Фактически мы готовы к любым трудностям, в глубине души осознавая, что наша священная империя в конце концов все равно победит.

После обеда меня попросили остаться с мужчинами в гостиной, и, наконец, наш любезный гость перестал ходить вокруг да около и приступил к делу.

Бросив на меня ястребиный взгляд, офицер повернулся к отцу и сказал:

– У вас достойный сын. Он добился редкой для своего возраста славы. Да и не только для своего возраста. Он уже становится мужчиной, которым уважаемый отец может гордиться.

Отец слегка поднял голову, пососал свою трубку, выпустил изо рта дым и пробормотал в ответ благодарность:

– Домо аригато.[2]

– Им может гордиться страна, – продолжал капитан. – Ваш сын может принести великую славу семье Кувахара.

Внутри у меня все задрожало. Такое же чувство я испытывал перед своим чемпионским полетом.

Тем временем капитан снова быстро заговорил:

– Наш великодушный император, наши почтенные военачальники из имперского управления в Токио, как вы знаете, ищут таких молодых людей, преданных его

императорскому величеству, талантливых, любящих свою страну... людей, которые полетят на врага, как мстительные орлы.

Глаза моего отца заблестели.

– Это правда! Хорошо, что у нас есть такие люди. Пришло время ударить по врагу со всей силой. Как ветер с небес!

– Как вы, наверное, поняли, – продолжил капитан, – я представитель имперских военно-воздушных сил, присланный сюда поговорить о вашем сыне.

Вспыхнув и осторожно изобразив удивление, папа воскликнул:

– Ах, вот как?

Капитан Миками действительно говорил обо мне совсем немного. Потом я едва слышал его слова о славе военно-воздушных сил и наборе добровольцев. Я сидел улыбаясь и чувствуя, как меня бросает то в жар, то в холод. В тот момент у меня не было никаких соображений по поводу предложения капитана. Всю свою жизнь я мечтал поступить на службу в воздушные войска. Сколько часов, дней и ночей представлял я себя отважным летчиком истребителем, асом! Как часто видел себя пикирующим с золотистого неба на врага. Сколько воображаемых героических боев провели мы с Тацуно!

Но сейчас это становилось реальностью, причем так внезапно, что мозг мой не мог успокоить сердце. Во время всего ужина я ощущал волнение мамы и Томики, и сейчас холод их дурного предчувствия коснулся меня, как ледяной ветер.

Капитан обратился ко мне:

– Что скажешь ты?

Вот и все, что он спросил. Я начал отвечать, но запнулся и больше не мог выдать из себя ни слова.

– Подумай несколько минут, – разрешил офицер. – Я подожду.

Несколько минут! Мне вдруг стало дурно. Я провел ладонью по лицу, волосам и почувствовал, что они стали влажными от пота. Комната начала кружиться перед моими глазами. Слабо улыбнувшись, я пробормотал:

– Простите, пожалуйста. Я пойду попить.

Я хотел сказать, что мне не нужно было думать. Ни один настоящий мужчина в таких случаях не сомневался бы. Ни один настоящий мужчина не почувствовал бы тревоги и холода в сердце или душе. По традиции бусидо[3] он заговорил бы о почетной смерти: «Я иду умирать за свою страну. Император выбрал меня – это наполняет мое сердце смирением». Но я... я был тогда больше мальчиком, чем мужчиной. Мне захотелось увидеть маму.

Я быстро помчался в ее комнату. Там никого не оказалось. Я тихо позвал. Никакого ответа. Решив, что, возможно, мама сидела на свежем воздухе в саду, я выскользнул в ночь и снова позвал. Луна отбрасывала на деревья призрачный, сияющий свет. За оградой нашего дома шла темная дорога, освещенная лишь случайными красными огоньками. Ни звука вокруг.

В окне второго этажа горел свет. Я бросился обратно в дом и побежал по крутой лестнице. Там в моей комнате сидела Томика и рассматривала мои фотографии в альбоме.

– Где мама? – спросил я.

Томика ответила не сразу.

– Она пошла... прогуляться.

Я осторожно взглянул на сестру и тут же забыл обо всех проблемах.

– В чем дело, Томика? – Я нежно коснулся ее блестящих черных волос. – Что там такое?

В альбоме была моя фотография, снятая в тот день, когда я выиграл чемпионат среди планеристов, – мое расплывшееся в гордой улыбке лицо. Крошечная слезинка упала и затуманила эту улыбку. Томика плакала.

Когда моя сестренка плакала, ее лицо становилось каким-то неземным.

– Томика, – почти прошептал я. – Что случилось? Ты не должна плакать!

Отложив альбом в сторону, я сел рядом с ней. Томика сжала мои руки и посмотрела мне в глаза. Это мгновение длилось очень долго. Мы сидели неподвижно и смотрели друг на друга, пока Томика не начала покачивать головой.

– Мой маленький брат... мой маленький братик...

У меня ком застрял в горле. Было такое ощущение, будто кто-то сильно нажал мне пальцем на кадык.

– Томика, – еле выговорил я, – что... что я могу сделать?

Я вдруг хлопнул себя ладонями по лицу и глубоко вздохнул. Так можно было отогнать подступавшие к глазам слезы. Сестра обняла меня и прижалась ко мне щекой.

– Нет, нет, – прошептала она, – ты не просто маленький братик. Ты еще ребенок!

Последние слова сильно ударили по моему самолюбию, и я вспомнил своих друзей, особенно Тацуно. Что бы он сейчас обо мне подумал, увидев такую слезливую сцену? А еще я подумал о капитане, который с нетерпением ждал меня внизу, удивляясь, почему я так медлю. Может, он уже начинал считать меня трусом? Эти мысли нахлынули на меня в одно мгновение. Я рассердился на себя и на сестру.

– Я уже не ребенок, Томика.

Она попыталась крепче прижать меня к себе, но я отпрянул от нее. Ребенок! На какую-то секунду я возненавидел сестру.

– Я мужчина! Мне пятнадцать лет! Как ты можешь называть меня ребенком, когда я стал лучшим пилотом планера в Японии! Разве ты непонимаешь, Томика, что я удостоился чести быть выбранным самим императором?

– Да, – тихо ответила она. – Я это знаю. Ты даже умрешь за императора!

Тут мы оба заплакали.

Через несколько мгновений я вырвался из объятий сестры и бросился в ванную к раковине, чтобы ополоснуть лицо холодной водой, а затем взглянул на себя в зеркало. Раскрасневшееся несчастное лицо. В ужасе я еще раз умылся холодной водой и насухо вытерся полотенцем.

Смущенный, но уверенный в себе, насколько это было возможно, я вернулся в комнату, где сидели мой отец и капитан, улыбнулся и поклонился, лихорадочно пытаясь понять, заметили ли они проявление моей слабости. Оба молча посмотрели на меня. На секунду я заколебался, и капитан приподнял бровь.

Я отчаянно боролся с собой, словно стоял на краю пропасти, окруженный врагами, и понимал, что выбор невелик – либо прыгнуть в бездну самому, либо меня сейчас туда толкнут.

Толкнул меня мой отец:

– Ну что, сын?

Поклонившись капитану, я с трудом выговорил:

– Это для меня огромная честь, господин. Я с гордостью и уважением к нашему императору приму ваше великодушное предложение.

– Хорошо, – просто ответил наш гость, достал бланки, которые заполняли добровольцы, и протянул нам, чтобы мы их прочитали. Слова расплывались у меня перед глазами, и я даже не понимал их смысла.

– Кувахара-сан, – обратился капитан к моему отцу, – будьте любезны, распишитесь здесь. А ваш сын распишется вот тут.

– Пусть будет так, – пробормотал в ответ папа и стал внимательно читать документы, затем указал тонким загорелым пальцем на один из них и процедил сквозь зубы: – Авиационная база Хиро?

– Да. – Капитан Миками улыбнулся, и оба посмотрели на меня, чтобы увидеть мою реакцию.

Да, я был доволен. И вообще я вдруг почувствовал себя гораздо лучше. Хиро находилась меньше чем в пятидесяти милях от нашего города.

Отец встал, взял свою особенную факсимильную деревянную печать, прижал ее к чернильной подушечке, а потом к документу. Вот и все. Несмываемый оранжевый овал с надписью «Кувахара» навсегда остался на бумаге. Затем я тоже подписал документ, и все формальности были соблюдены.

Капитан Миками собрался уходить, и мы проводили его до двери.

– Ты принял мудрое решение, – заявил он мне.

Мы поклонились друг другу, попрощались, и гость медленно исчез в ночи.

Когда он ушел, моя служба в ВВС стала почему-то казаться менее реальной. До отъезда оставалось целых три месяца... Огромный срок. Мы с отцом еще немного поговорили. Когда-то он дослужился в армии до лейтенанта и сейчас стал вспоминать свой славный военный опыт.

Один из моих братьев, Сигэру, служил в контрразведке на острове Ява, а другой, Тосифуми, работал дантистом в Токио. Его еще не призывали в армию.

– Хорошо иметь достойных сыновей, которые защищают родину и свою семью, – сказал папа. – А ты, Ясуо, добьешься величайшей славы.

Мы сидели у окна и смотрели в небо. Рука отца легла на мое плечо. В вышине, мигая красными и зелеными огоньками, пролетел транспортный самолет. Из-за чередования цветов казалось, что двигался он не очень ровно. Мы наблюдали за ним и прислушивались к затихающему гулу двигателей, пока он не растаял вдали.

– Может, через несколько месяцев ты уже будешь летать на бомбардировщике «суйсэй».

– Больше всего мне хотелось бы стать летчиком-истребителем, – ответил я.

– Ага! Так я и думал! Да... да, это было бы здорово, – согласился папа. – Так было бы лучше всего. Есть что-то особенное в летчике-истребителе. Он настоящий самурай. Самолет – это его меч. Он становится его душой.

Истребитель может работать с остальными, как член команды, но и прекрасно умеет сражаться в одиночку. – Отец сделал паузу. – Да, я уверен, ты должен стать истребителем, Ясуо. Истребитель может сделать для императора больше, чем тысяча солдат. Своей смелостью он может добиться огромной славы. Может быть, даже самой большой среди всех военных. А ты, сын мой Ясуо, смелый человек. – Отец сжал мое плечо, и я почувствовал на себе его взгляд.

– Надеюсь, папа.

– Ты смелый человек, сын! – Он еще крепче сжал мое плечо. – Род Кувахара всегда был отважным. Ни у кого нет более благородных предков.

– Это так, – подтвердил я и несколько секунд смотрел на профиль отца: слегка вздернутый твердый подбородок, загибающийся книзу нос и светящиеся глаза. Казалось, они поглощали свет неба.

– Ты защитишь свой дом и страну, увидишь день, когда вражеские силы отступят, уплывут в Тихий океан. Ты заставишь их сделать это. А может, ты станешь человеком, который покорит Америку. Сила империи нахлынет, как штормовые волны на берег.

– На это могут уйти месяцы, – неуверенно пробормотал я. – У Запада большая армия и сильный флот, много самолетов. Разве не так?

– Так, – признал отец. – Это правда. В один день победы не добьешься. Но запомни, Ясуо, материальное всегда вторично. В расчет идет только решимость духа. И учти тысячи взятых нами в плен американцев... тысячи!

Поднявшись, он тихо постучал пальцами по моему плечу и очень доверительно спросил:

– А сколько наших сдались американцам?

Как я был горд, беседуя с отцом на такие серьезные темы почти на равных!

– Очень мало.

– Какая-то горстка. Понимаешь? Американцы теряют нескольких людей и уже пугаются. Они готовы сдаться. Наши лагеря для военнопленных полны трусливыми американцами. Конечно, попадают среди них и отважные люди. Глупо недооценивать противника... Но давай посмотрим на это так, Ясуо. Допустим, сотня американских пехотинцев окажется против наших превосходящих сил на маленьком острове. Сколько американцев нужно убить, чтобы остальные сдались? Сколько?

– Не больше десятка, я думаю.

Отец слегка покачал головой:

– Нет, все-таки больше десятка. Двадцать пять или тридцать. А допустим противоположную ситуацию. Сколько наших нужно положить, чтобы сдались остальные?

– Они никогда не сдадутся!

– Вот видишь? За редким исключением японцев берут в плен только серьезно ранеными или без сознания от большой потери крови. Дело тут не в физической силе и вооружении. Дело в смелости и решимости... в силе духа! Поэтому Япония обязательно победит. Ты понимаешь меня, сын?

– Да, папа.

Глава 3

Долгие зимние дни

На следующий день в школе я рассказал друзьям о той чести, которой удостоился, и снова стал важной персоной. Во время обеда у меня почти не было времени достать из коробочки суси и перекусить. Одноклассники обступили меня и стали задавать бесконечные вопросы.

– Он приехал прямо к вам домой? – спросил кто-то.

– Да, – ответил я. – Капитан пробыл у нас несколько часов и даже обедал с нами. Кэнжи Фуруно, один из лучших планеристов, обстреливал меня одним вопросом за другим:

– Он приехал и прямо спросил тебя? Что он делал? Он сказал, что от тебя будет требоваться?

– Конечно, он спросил меня, – ответил я. – Естественно, мы с отцом все обстоятельно обсудили.

– Ну и что капитан сказал? – настаивал Кэнжи. – Он так и спросил: «Не будешь ли ты любезен оказать честь имперским военно-воздушным силам и вступить в их ряды?»

Несколько учеников натянуто рассмеялись.

Я оставался серьезным. Кэнжи по иерархии вдруг оказался ниже меня. И остальные ученики тоже.

– Капитан Миками сказал только, что я выбран на службу его императорского величества.

– Он даже не дал тебе времени подумать? – спросил один из младших ребят. – Ни одного дня?

Почти неосознанно я посмотрел на него так, как вчера вечером посмотрел на меня капитан. Улыбка исчезла с лица паренька.

– Разве в таких случаях надо думать?

– Да... Наверное, нет. – Парень запнулся.

Тацуно ел абсолютно молча и слушал нас. И казалось, его обуревали мысли, больше свойственные взрослому человеку, чем старшекласснику.

– Не думаю, что кто-то откажется от такой чести, – произнес он. – Сомневаюсь даже, что кто-то на это осмелится. Сам я больше всего на свете хочу стать летчиком, как мой брат. В то же время, когда думаешь об этом... Ведь Ясуо уезжает. Да... и никто не знает, вернется ли он когда-нибудь.

– Это правда, – согласился я и крепко сжал губы.

Какое-то время все молчали, глядя себе под ноги или в окно. Пришло время дневного урока.

Я провел его в полузабытьи, словно каким-то образом на время покинул этот мир. Старый учитель Танака-сэнсэй, одноклассники... даже парты, книги и темные стены – все казалось другим. Я смотрел и слушал с абсолютной беспристрастностью. Где-то за окнами в белом небе летел самолет. Гул его моторов был едва различим. Временами он казался просто эхом, но по всему моему телу пробежала дрожь.

На тренировке по планерному спорту я работал с огромным старанием, выполнял каждое действие идеально. Просто я вдруг решил, что теперь никогда не допущу ни одной даже малейшей ошибки в полете на планере. Это стремление к совершенству впоследствии укрепилось еще и из-за того, что через несколько месяцев я должен был с таким же рвением приступить к обучению полетам на настоящем самолете. Я должен был стать прекрасным летчиком. Я должен был сбить тысячу вражеских машин. И должно было наступить время, когда имя Кувахара прославилось бы на всю Японию. В день рождения императора меня должны были выбрать, чтобы показать мастерство высшего пилотажа в небе над Токио, а публика зачарованно смотрела бы на меня. Затем меня провезут над поросшим зеленой травой рвом по деревянному мосту. Я буду смотреть сверху на прудики, белоснежных лебедей и огромных апатичных карпов, а потом войду во дворец императора, где его величество лично наградит меня орденом Кинси, самым желанным знаком отличия после ордена Золотого сокола.

В тот вечер я вернулся домой в мечтах о славе. Мы шагали по грязной дороге и некоторое время молчали, с удовольствием прислушиваясь к стуку своих деревянных сандалий. В конце концов Тацуно, угадав мои мысли, заметил:

– Знаешь, Ясуо, если бы ты не был моим лучшим другом, я бы стал тебе завидовать.

После короткого раздумья я ответил:

– Тацуно-кун, я отдал бы все на свете за то, чтобы поехать вместе с тобой. – Я хлопнул его по узкому плечу. – Поверь мне, Тацуно. Все на свете отдал бы.

Мой друг обнял меня, и мы зашагали дальше.

– Знаешь, очень возможно, что ты... – Я запнулся. – Ну, я хочу сказать, что не удивлюсь, если ты скоро получишь такой же шанс.

Но Тацуно покачал головой:

– О, это вряд ли. Я сомневаюсь. Ведь подумай, кто ты! Чемпион страны!

– Это ничего не доказывает. – Я пожал плечами. – Ты сам хороший пилот. Дошел до финала. Кроме того, в армии будет не так много летчиков, если туда станут призывать по одному чемпиону в год, правда ведь?

Тацуно молчал.

– Правда? – настаивал я и начал трясти приятеля, чтобы вывести его из равновесия.

Он не отвечал, но уже начал улыбаться.

– Правда? – Резким движением я надвинул длинный козырек его школьной шапочки ему на глаза.

– Правда!

Это сработало. Тацуно рассмеялся и схватил мою шапку. Мы с хохотом побежали дальше, то и дело толкая друг друга. Наши деревянные сандалии громко стучали по брусчатой мостовой.

Потом мы попрощались, и я пошел к себе домой. Мама сидела, склонившись над книгой. Это была пугающая сцена, потому что она редко читала. Я нерешительно поздоровался с ней.

– Привет, Ясуо, – ответила мама.

– Папы еще нет?

– Нет, – быстро ответила она.

– Он на работе?

– Нет. Наверное, он вообще сегодня не придет.

Тогда я все понял. Это всегда было для нее тяжело, даже после стольких лет. Руками со вздутыми венами мама закрыла книгу и посмотрела на обложку. «Повесть о Гэндзи».

– Твоя бабушка подарила мне эту книгу, когда я была еще маленькой девочкой. И я до сих пор помню почти всю ее наизусть.

– Да, да, это хорошая книга, – сказал я, сел рядом с мамой, решив коснуться той самой тяжелой темы. – Никто и никогда не сможет занять твое место. Ты же знаешь, как папа любит тебя, правда, мам?

– Да, – ответила она, покачав головой. – Твой папа любит меня. Просто... просто я уже не так молода. Не такая, как его Кимико, Тосико и все остальные. – Мама уныло улыбнулась. – Было время, когда твой папа не смотрел на других женщин. Он был далеко не единственным, кто считал меня красивой.

– Ты и сейчас красивая! Ты самая красивая женщина на свете!

Слегка покраснев, мама ответила:

– Я-то думала, что Ясуо уже совсем взрослый... а он говорит такие глупости. – Она поцеловала меня в щеку. – Конечно, твой папа любит меня. Он завтра вернется. И мои дети любят меня. Это моя самая великая радость.

В такой момент больше нечего было сказать. Японский мужчина имел право заводить себе столько любовниц, сколько мог содержать. Гейши не проститутки, отец посещал одну из них регулярно. Я узнал это от моих старших братьев. Она была его женой вне дома.

Японки сильно отличаются от западных женщин. Прежде всего, они обычно оказывают большее почтение к противоположному полу. Хотя уже не с таким подострастием, но даже в наши дни японки редко противоречат своим мужчинам. Они занимают место подчиненной стороны, признавая мужа хозяином, принимающим решения. Подчинение – одна из наиболее важных женских черт. Так думают мужчины.

Поэтому, когда мой отец уходил, мама тихо продолжала вести хозяйство. Подобное выражение ее чувств, насколько я знал, было крайне редким. Возможно, оно прорвалось от сознания, что я вскоре должен был покинуть дом. Обычно, когда отец отправлялся в «деловую поездку», только молчание и грустное лицо выдавали переживания мамы. Возвращался отец обычно сердитым и неприступным. Это были слабовольные попытки скрыть свою вину, вину, которую он с трудом переживал, несмотря на японские традиции.

Однако в некоторой степени я радовался, когда отец отлучался из дома. Не то чтобы я не любил его, нет! Просто я чувствовал себя более свободным в его отсутствие. У меня появлялась возможность побыть с мамой и Томикой, стать центром их внимания. Пока шли недели за неделей и приближалась дата моего отъезда, мне было все приятнее находиться рядом с ними.

Из-за моего отъезда особенно убивалась Томика. Она была мне больше чем сестра, всегда заступалась за меня перед старшими братьями. Томика, как и мама, стирала мою одежду, готовила мои любимые блюда и баловала меня.

Часто мы бродили по пронизываемому ветрами берегу океана, по холодному песку, пахнувшему солью и рыбой. В редкие январские дни, когда солнце пробивалось сквозь тучи, мы собирали ракушки и прислушивались к шороху тростника в заливе. Даже в холодные дни мужчины и женщины сушили здесь около длинных грязных лачуг и коптели рыбу. Морщинистые смуглые старики в лохмотьях, согнувшись, тащили свои сети. Я никогда не знал о нуждах рыбаков, не ходил босым и полураздетым, как их дети, а потому их жизнь казалась мне интересной благодаря своей абсолютной простоте. Иногда мы наблюдали, как рыбаки раскладывали крошечную поблескивающую рыбу по плетеным корзинам сушиться. Когда солнце нагревало пляж, они отдыхали, зарыв свои босые ступни в песок. И голоса их всегда были спокойными, совершенно непохожими на те, которые звучали в суеде города.

В этих людях словно заключались вечность и тишина, благодаря которым война переставала выглядеть реальностью. Враг бомбил нашу родину, но это тоже казалось нереальным, как что-то, что происходит только в книгах и фильмах.

Такое же умиротворение чувствовалось, когда мы шли дальше мимо крестьянских земель вдоль гор, любуясь их ступенчатыми склонами. Зимой луга и рисовые поля были блеклыми и безжизненными, но с приходом весны они взрывались изумрудными искрами. На унавоженной почве рис рос все выше и выше и оставался зеленым целое лето. А горы, поросшие деревьями, с течением времени становились темными.

Стремительно пролетели отведенные мне три месяца. Я вдруг понял, что скоро расстанусь с семьей и друзьями. Может быть, навсегда. Я мог больше никогда не вернуться в Ономити. Однажды, незадолго до конца января, мы с Томикой сидели в моей комнате, и меня вдруг поразило чувство, что всему приходит конец. Завтра уезжать! Эта мысль была одновременно волнительной и страшной. Она смутила и расстроила меня. Я был на пороге чего-то невероятно важного, не описуемого словами.

Взглянув в сторону гор, я с тревогой в голосе проговорил:

– Хорошо бы, сейчас было лето. Тогда бы мы могли ходить в походы и купаться.

– Ясуо, – отозвалась Томика, – разве такое может быть? Сейчас действительно идет война? И мы действительно воюем с людьми, которые ненавидят и хотят поработить нас?

– Почему нет? – ответил я. – И мы их ненавидим и хотим поработить, не так ли?

Союзники были крупными людьми с бледной кожей и странными волосами – у одних они были рыжими, у других песочного цвета. Они были надменными, богатыми и ленивыми, купающимися в роскоши. Их солдаты были дикими и говорили гортанными голосами.

– Ты веришь в то, что говорят про американских моряков? Будто их заставляют убивать и съедать своих бабушек? Так почти все в школе говорят.

– Нет, – твердо ответила Томика. – Это глупости! Никто никогда не станет делать таких вещей.

Несомненно, подобная пропаганда велась и среди американцев. Для них мы были желтокожими узкоглазыми обезьянами, живущими в бумажных домах. В нас не было и искры оригинальности. Мы могли только подражать. Наши солдаты, да и

все японцы считались подлыми, вероломными и фанатичными. «Грязный джап» – такой эпитет я слышал много раз. С тех пор я часто поражался, как много подобных форм невежества (с обеих сторон) способствуют войнам.

Но в январе 1944 года я не очень задумывался о таких проблемах. Меня воспитали с верой в то, что праведная императорская власть выше всего и что она обязательно должна завоевать весь мир. И тогда все народы объединятся в одну иерархическую систему во главе с Японией. Очевидно, этого нельзя было достичь без военных действий. Значит, в условиях быстрого роста населения и маленьких площадей мы должны были завоевывать новые территории.

И все-таки я не мог заставить себя по-настоящему ненавидеть врага. Когда мы с Томикой размышляли об этом, я понимал, что просто хочу жить. Тем не менее во мне росли волнение и тревога. Скоро я буду летать на настоящем самолете. Одно это делало меня героем в глазах всех моих друзей из Ономити.

В последние дни пребывания дома чувство реальности становилось все сильнее. Я попрощался с учителями и одноклассниками. К тому же я с радостью узнал, что два других ученика тоже выбраны для призыва в воздушные войска и что Тацуно был одним из них. Ему предстояло приехать позже, и нас обоих распирало от счастья при мысли о таких перспективах. Мы теперь часто ходили вместе. Наша связь с авиацией сблизила нас еще больше. Мы стали почти братьями. Когда Тацуно сообщил мне о том, что он тоже призван, я хлопнул его по спине и крикнул:

– Вот видишь! А что я тебе говорил!

Мой друг лишь слабо улыбнулся, и это была улыбка старика в обличье мальчика, и я понял, что он испугался.

В свой последний день дома я позвал Тацуно с собой, и мы зашли к другим ребятам, а оставшиеся часы я провел с семьей. Папа был очень горд, он говорил со мной гораздо более доверительно, чем всегда, а мама и Томика готовили для меня особые суси, сасими[4] и другие деликатесы.

Незадолго до полуночи я пожелал всем спокойной ночи и заполз на свой тонкий матрац. Но сон долго не шел. Мои мысли крутились, как стеклышки в калейдоскопе, – прошлое, будущее, фантазии. Вдруг меня охватил страх. Я был на год, даже на два моложе тех, кого призывали в армию. Смогу ли я держаться наравне с ними? Смогу ли выдержать суровые условия жизни и наказания, о которых так много слышал?

В полусне я некоторое время ворочался и извивался, затем вдруг вернулся в реальность. Какие-то самолеты пролетали в небе и таяли в ночи. Рядом со мной сидела и гладила мои волосы мама. Я протянул руку и нащупал ее теплые пальцы. В темноте раздался приглушенный звук, и я понял, что Томика тоже была рядом. Кружение мыслей в голове остановилось, и наконец-то пришел сон.

Часть вторая

Глава 4

Укрепление духа

Военно-воздушная база Хиро находилась всего в двух часах езды на поезде от моего дома, но это был совершенно другой мир.

Меня предупредили о том, чего там можно ожидать, да и сам я постарался подготовиться. Но никто не мог предположить, в каких условиях мы окажемся на базе.

Шестьдесят новичков расселили в четыре из сорока восьми казарм. Размером база Хиро была три мили по периметру. Ее территорию пересекала узкая взлетно-посадочная полоса. Здесь же располагались тренировочные площадки, медицинский пункт, склады и множество других служебных строений.

По одну сторону взлетно-посадочной полосы стояли сборочные цеха и испытательная площадка для истребителей. В это время Япония сильно нуждалась в деньгах и материалах, особенно в алюминии. На конвейерах работали в основном мальчишки, и около пяти из каждых тридцати собранных самолетов падали, а иногда и разваливались прямо в воздухе.

Перед тем как расселить нас по казармам, сержант прочитал вводную лекцию. Нам подробно рассказали, как заправлять кровати, как носить форму и наводить глянец на сапоги или ботинки. От нас жестко требовались идеальный порядок и абсолютная чистоплотность. Затем нам сообщили, что сигнал к отбою будет звучать строго в двадцать один час.

Эти правила мало чем отличались от порядков в армиях других стран. Военные всех национальностей жили по одним и тем же правилам. Разница заключалась в том, как эти правила претворялись в жизнь. Например, плохо выбритый или не начистивший перед осмотром свою обувь американец мог лишиться на пару дней увольнения или получить дополнительный наряд.

Для нас же, как и для всех японских курсантов, малейшее нарушение, незначительная ошибка автоматически означала мучительную расплату. То, что я могу назвать не иначе, как террором безжалостной дисциплины и жестоких наказаний, началось сразу же после нашего прибытия на базу и продолжалось впоследствии в течение всей нашей подготовки, – террором столь ужасным, что некоторые его не выдержали.

Американских пленных, «жертв японских зверств», постигала едва ли более горькая участь. А с некоторыми на самом деле обращались гораздо лучше, чем с нами. Солдаты, попавшие в лагеря в Умэде и Осаке, организовали собственные пункты раздачи лекарств и имели гораздо лучшее, чем у нас, медицинское обслуживание. Многие американцы, работавшие на разгрузке кораблей и железнодорожных вагонов, умудрялись таскать еду не только для себя, но и для охранников, покупая таким образом их содействие и молчание.

Конечно, по их меркам, с ними обращались ужасно, но совершенно точно не хуже, чем снами. Как бы мы ни выполняли поставленные перед нами задачи, сержант всегда находил повод для наказаний. Они являлись составной частью нашей подготовки и преследовали две цели: создать железную дисциплину и неукротимый боевой дух.

Перед нами не просто стояла задача овладения мастерством. Это был вопрос жизни и смерти. Тот, кто мог выдержать школу сержанта, уже никогда не побежал бы от врага и предпочел бы плену смерть.

Не могу сказать, действительно ли такая политика способствовала воспитанию превосходного бойца. У понятия «смелость» может быть второй, скрытый смысл. Тем не менее так действительно воспитывались бесстрашные и преданные люди, которые практически всегда дрались до смерти. Враг признавал, что до последних дней войны на сотню наших убитых солдат приходился всего лишь один пленный. И то в плен попадали только те, кто был серьезно ранен или терял сознание.

Словно на экране кинотеатра вижу я сейчас испуганного, тоскующего по родному дому мальчика, каким я был в первый вечер своего пребывания на базе. Я лежал на своей койке и чувствовал себя загнанным зайцем, пытаюсь представить, какие испытания меня ждут, думая о том, что принесет завтрашний день. Тревога отнимала у меня силы и не давала заснуть.

Вдруг распахнулась дверь. Дежурный по казарме сержант проводил свой первый осмотр. Затаив дыхание, я прислушивался к его ворчанью, следил за желтым лучом фонарика и понимал, что все пятнадцать человек, так же как и я, замерли в тревожном ожидании. Должно быть, все мы молились, чтобы сержант ушел, но наши молитвы не были услышаны.

Вспыхнул свет, и, сопровождаемые шлепками, толчками и резкими командами, мы вскочили со своих коек.

– На выход, болваны! На выход, маменькины сынки!

Ошеломленный и моргающий, я поднялся, и тут меня схватила крепкая рука.

– Эй, лысый, – сказал кто-то, увидев мою стриженую голову, – на выход!

Сильный толчок, и я вылетел за дверь.

В одних фундоси[5] мы выстроились вдоль казармы, и толстый сержант начал поносить нас на чем свет стоит. Таким было наше первое знакомство со старшим сержантом Ногуми по прозвищу Боров.

– Вы все жили дома, как животные? – рявкнул он. – И вы решили жить так и теперь, когда оторвались от материнских юбок? Вас сегодня предупреждали, чтобы вы содержали свою казарму в чистоте. Может, вы подумали, что мы говорили это для самих себя? – Несколько секунд старший сержант молча смотрел на нас, затем хитро усмехнулся: – Ха, они даже не знают, как стоять по стойке «смирно».

На какое-то мгновение он стал почти похож на бранящегося отца.

– Сопляки, – хмыкнул старший сержант и покачал головой.

Я вздохнул с облегчением. Может, подготовка окажется не такой уж тяжелой. Может, теперь политика изменилась...

Боров подошел к одному из сержантов и подмигнул ему. Тот принес ему биты.

– Спасибо. – Боров произнес это подчеркнуто вежливо. Я вдруг понял, что передо мной стоял человек, в совершенстве умеющий обращаться с новобранцами, который прекрасно знал все проблемы и любил свою работу. Скривив губы, он указал на надпись в изгибе биты.

– Знаете, что здесь написано?

Все мы прекрасно знали значение слов и назначение этого инструмента для укрепления японского боевого духа.

– Вы знаете, для чего служит этот предмет? – спросил старший сержант.

– Да, господин, – пробормотал кто-то из нас.

– Тсс! – Боров выглядел огорченным и полным сострадания. – Вы что, каши мало ели? Я почти не слышу, что вы там бормочете. А теперь серьезно, вы действительно не знаете предназначения этой биты?

Теперь ему ответили больше голосов, но звучали они по-прежнему робко.

– Вы их только послушайте. Не громче, чем выпускают газы в ванне. И давно вы перестали сосать маменькину сиську? – Боров пронзительно захихикал и кивнул одному из сержантов. – Сопляки! Скажи, Сакигава, ты видел когда-нибудь таких сопливых ублюдков?

Сержант искоса взглянул на нас, и несколько человек в шеренге едва заметно улыбнулись.

– Стереть улыбки! – заревел Боров. – Быстро стереть!

В ужасе мы провели руками по губам, глядя на него вытаращенными глазами. При этом он громко загоготал. Некоторое время Борова сотрясал смех, затем он со стоном вытер глаза.

– О боже, как давно я этим занимаюсь! – Подавив в себе смех, старший сержант сказал: – Боюсь, нам придется начать вашу тренировку. Кругом!

Мы повернулись лицом к казарме и увидели металлическую решетку высотой нам по пояс, тянущуюся вдоль всего строения. Сержант приказал всем нагнуться и взяться за прутья обеими руками. Опять мы услышали маниакальный смех.

– Вы только посмотрите на эти маленькие задницы! – Почти сатанинское ликование. Потом Боров взял себя в руки. – Ладно, ребята, сейчас мы вобьем в вас немного боевого духа!

Эти слова наполнили меня ужасом, и я стал бороться с желанием броситься бежать. Послышался глухой удар, и первый из нас со стоном схватился за свои ягодицы. Два сержанта шли с битами в руках.

– Держаться за прутья! – крикнул один из них.

Жертва подчинилась и скорчилась от боли, когда бита обрушилась на нее.

– Стоять смирно!

Бита опустилась в третий раз. Звук дерева, бьющего по плоти, приближался. Стоны стали доноситься все чаще и чаще. Те, у кого с губ срывался даже едва слышный звук, получали дополнительные удары.

Стиснув зубы, я изо всех сил вцепился в прут решетки и устоял на стене казармы. Парень слева от меня получил удар биты. Один страшный момент я ждал. Затем все мое тело сотряслось. Белая вспышка, огонь, пробежавший по ягодицам и переметнувшийся на спину. Никогда в жизни я не испытывал такой боли. Но как-то мне удалось не застонать и почти не пошевелиться. Может, потому что у меня было больше времени подготовиться, чем у других.

Человек с битой остановился, глядя на мою искривившуюся спину, затем двинулся дальше. Наконец экзекуция была закончена, и мы толпой побрели в казарму. Когда мы со стонами бросились на свои койки, дверь снова распахнулась.

«Только не это! Только не это!» – молотом стучала мысль в моей голове.

Наш друг Боров снова стоял на пороге. Свет падал на его жирное лицо. Некоторое время он стоял так, затягиваясь сигаретой и выпуская дым через ноздри. Я лежал на животе, вцепившись в матрац, и смотрел, как дым спиралями поднимался к лампочке на крыльце.

Наконец Боров бросил окурок в корзину для мусора и сказал почти дружелюбным и заговорщическим тоном:

– Ну, теперь вы поняли, для чего служат биты?

– Да, господин, – хором ответили мы.

Усмехнувшись, старший сержант тихо закрыл дверь.

Глава 5

«Тайко бинта» – отличная игра

На следующее утро Боров собрал нас на лекцию и торжественно заявил:

– С сегодняшнего дня я хочу, чтобы вы относились ко мне как к старшему брату. Если у вас есть какие-то вопросы, просьбы или проблемы, я надеюсь, вы поделитесь ими со мной. Для этого я здесь и нахожусь.

Трудно было поверить, что перед нами стоял тот же человек, который напугал и избил нас всего восемь часов назад. Сейчас он говорил с нами с достоинством и пониманием. Мне сразу захотелось полюбить Борова. Я даже почувствовал укол совести, что старший сержант получил такое прозвище. Теперь мне хотелось рассказать ему о своих трудностях и встретить в его лице понимание.

– Я прекрасно знаю, – продолжал он, – что вы уже слышали, насколько трудна подготовка в военно-воздушных силах. На самом деле она может такой и не оказаться, если вы будете исполнять все, что вам говорят. Просто делайте то, что от вас требуют. Это очень просто. – Закончил старший сержант свою речь такими словами: – Для вас пришло время становиться мужчинами. Вскоре на ваши плечи ляжет ответственность за родину, за весь мир. Кроме всего прочего, вы должны научиться подчиняться приказам безоговорочно! Немедленно! Не думайте о причинах этих приказов. Они отдаются потому, что они правильные! Мы – голова. Вы – руки и ноги. Вчера вы получили четкие указания соблюдать чистоту в казармах и не выполнили их. В одной казарме пропал сапог! В двух других пепельницы стояли не точно в центре столов. Если такие нарушения будут случаться и дальше, мне придется наказать вас по-настоящему. – Старший сержант молча осмотрел наш строй, затем хитро взглянул на другого сержанта, своего помощника. – Взбучка, которую вы получили вчера, еще далеко не все. Это вовсе не больно. Когда вы закончите курс обучения под руководством сержанта Ногуты, вы сможете выносить все. Удары биты по заднице будут вас только смешить. Я сделаю из вас настоящих мужчин!

Распорядок дня был устроен довольно разумно. В шесть часов мы вставали и через десять минут строились. Затем двадцать минут гимнастики и кросса перед завтраком. Кормили нас хорошо. Рацион состоял из рыбы, риса и бобового супа.

Еду приносили из столовой в казармы в огромных деревянных бадьях. Наша утварь ограничивалась мисками и палочками.

После завтрака нас инструктировал дежурный офицер, а затем лично Боров. Кроме обеда, остальная часть утра и дня проходила в классных занятиях, гимнастике, строевой подготовке и учебных полетах на планерах. С четырех до шести вечера мы чистили свои казармы и готовили снаряжение и форму перед страшным ночным обходом. Вдобавок мы должны были следить за чистотой в казармах сержантов, стирать и гладить их белье и обмундирование.

После ужина мы выслушивали брань Борова, которая обычно длилась от тридцати минут до двух часов. Остальное время до девяти перед вечерней проверкой было свободным. После нее давали отбой и гасили свет.

Таким был наш распорядок дня. Но как раз эта рутина превращала нашу жизнь в кошмар. Да, свет гасили в девять, но именно тогда дежурный по казарме сержант начинал свой обход, и редко когда он не находил, к чему придраться, несмотря на все наши усилия содержать помещение в идеальной чистоте.

Через несколько дней после знакомства с битами нас научили интересной игре под названием «тайко бинта». И все из-за того, что один из курсантов не положил на место щетку для обуви.

После того как нас выгнали на холод в одних набедренных повязках, Боров злобно осмотрел строй и сказал:

– Ладно, дружочки. Мое предупреждение на вас не подействовало... Эй, вы, там! Смирно!

Он принял дурацкую, неуклюжую позу, выпятив живот и по-обезьяньи опустив руки. Некоторые из нас едва заметно улыбнулись. Боров полностью оценил свою роль и продолжал принимать другие странные позы. Он мог бы пародировать разных людей, изображая их манеры, выражения лиц, задирая нос вверх, выкатывая глаза или глядя перед собой с поддельным ужасом.

При других обстоятельствах Боров мог бы стать превосходным комедиантом. Я никогда не переставал удивляться его двуличности. Он был совершенно непредсказуем. Всего через несколько мгновений после своего представления Боров подверг нас новому садистскому наказанию.

– Сейчас, – заявил он, – мы будем играть в игру. Маленькая приятная забава – «тайко бинта»! – Усмешка на лице Борова растаяла, когда он вдруг рявкнул: – В две шеренги становись!

Мы выстроились в две шеренги по семь человек лицом друг к другу. Один остался стоять в центре. Подойдя к нему, Боров сказал:

– Сейчас я вам покажу. – Встав перед бледным парнем, он пробормотал: – Теперь мы враги. Суть игры в следующем – вот так!

Быстрый, как хорек, его кулак нанес удар. Парень вскрикнул и упал на землю, закрыв лицо руками.

Гул пробежал по нашим рядам.

– Молчать! – взревел Боров. – Как вы видели, игра очень простая. Суть ее в том, чтобы обмениваться ударами – наносить их самому и держать удары противника. К сожалению, мой партнер – плохой игрок. Смотрите! Он сломался, как девчонка! Итак, хоть мне и очень не хочется, но я выхожу из игры.

Парень все еще лежал на земле, держась за лицо и свернувшись, как улитка, словно таким образом мог исчезнуть из этого мира. Боров поднял его и заботливо отвел в сторону. Затем он приказал начать игру. Ребята из первой шеренги должны были бить по лицу тех, кто стоял во второй.

– Итак, первая шеренга, на счет три. – Боров стал считать таким нежным голосом, каким мать убаюкивает свое дитя. – Раз, два, три – начали!

Раздались удары.

– Немного жестче! – скомандовал наш сержант. – Еще жестче! Ну! Бьете, как бабочки! Вы заставляете меня продемонстрировать вам еще раз, ребята.

Первые удары не причинили мне особой боли, но вскоре они стали сильнее, когда мой оппонент стал бить чаще. Когда боль усилилась, наша вторая шеренга стала пятиться назад и тем самым заставила сержантов достать свои биты. Пока они молотили нас сзади, Боров орал:

– Ну! Сержанты, вы тоже бьете, как бабочки! Дай мне биту, Какуда!

Хихикнув, он пробежал вдоль нашей шеренги, раздавая стремительные глухие удары. Я подался вперед, и удар противника оказался сильнее, чем тот сам ожидал. Мой нос онемел, и я глотнул, когда теплая струйка потекла мне в горло. Наконец, пришло время поменяться ролями.

Я бил как можно легче, когда один из внимательных сержантов заметил это и стал колотить меня по бедрам. Я инстинктивно выставил руку и получил сильный удар в локоть. Крепкие пальцы схватили меня за шею, ногти впились в кожу.

– Так, хитрец, – прорычал сержант, – дайка мне посмотреть, как ты прольешь немного кровушки!

Я взглянул ему в лицо – волевое, красивое лицо, но его глаза сверкали, как у дикого животного.

– Я... я не могу, – невольно заикнулся я.

– Что? Что? – с недоверием спросил мой надзиратель. – Посмотрим.

Боль обожгла меня. Словно этого было недостаточно, сержант начал бить меня прямо между ягодиц. Такого я вынести не мог и закружился. На какое-то мгновение я потерял чувство реальности и хотел в жизни только одного – убить мучителя. Но мой боевой дух воспрянул ненадолго. Сержант бил меня до тех пор, пока я не упал на землю.

– В следующий раз, маленький ублюдок... – выдохнул он, – в следующий раз я снесу тебе башку.

Я вскочил на ноги.

– Ты все еще хочешь драться? Хорошо... вставай обратно в строй!

Все мое тело горело, когда парень напротив меня крикнул:

– Давай, ударь меня! Ударь меня, я выдержу!

Мой кулак тяжело врезался в его щеку.

– Жестче! – крикнул сержант, и я продолжал бить все сильнее и сильнее.

Наконец Боров приказал остановиться.

– Итак, новобранцы, – пояснил он, – теперь вы познакомились с «тайко бинта». Отличная игра, не так ли? Что, вам так не кажется? Ну, просто надо немного потренироваться. И тогда вы сможете написать своим матерям, как весело проводите время.

Глава 6

Великий путь небес и земли

Потом все мы лежали, пытаюсь сдерживать свои стоны. Несколько ребят около меня стошнило. Моя голова раскалывалась, а казарма, казалось, раскачивалась, как корабль на волнах. Я лег на бок, стараясь вспомнить, что же произошло и почему это произошло. Но мои усилия были тщетны – все тонуло в сильнейшей боли и общем смятении.

Вдруг меня охватил ужас. Кто-то прикоснулся ко мне.

– Не бойся, – раздался шепот.

– Что? – выдавил я из себя.

– Тихо! Это я, Накамура.

Он стоял, и луч света из окна падал на его лицо и голые плечи. Парень был выше меня ростом, хорошо сложен. Но кожа во многих местах была покрыта угревой сыпью.

– Ах, это ты! – отозвался я. – Тот самый...

Я повернулся на другой бок и стал массировать ягодичи, не зная, что сказать. Парень по-прежнему стоял рядом.

– Ладно, – пробормотал я через некоторое время. – Садись.

Когда я поднимал ноги, боль снова вгрызалась в мое тело.

– Хорошо. – Парень тоже потер ягодичи и осторожно сел. – Задница болит еще с первого вечера. Я просто хотел тебе сказать... Извини, что бил тебя так сильно. Прости, пожалуйста.

– Ах, это, – ответил я, пытаюсь улыбнуться. – За что же тут извиняться? Ты ничего не мог поделать. Это все твари сержанты.

– Да, – согласился он. – Гнилые ублюдки. – После короткой паузы парень сказал:

– Знаешь, кто-нибудь однажды решит убить этих подонков... каждого... всех до одного... разнесет на куски их поганые морды.

– Надеюсь, – согласился я. Мне хотелось, чтобы он ушел, потому что боль накатывала волнами и было очень тяжело лежать неподвижно.

Наконец напряжение стало невыносимым, и я стал садиться, бормоча: – Прости, что я тоже ударил тебя так сильно. Я действительно ударил тебя очень сильно и надеюсь, ты простишь меня. Ты же знаешь, что я не хотел, правда не хотел...

На самом деле мне было все равно, что я говорил и делал. Только бы хоть как-то унять боль. Слова срывались с губ, как в бреду.

Но Накамура не уходил, и про себя я стал проклинать его. Я закрыл глаза, прикусил губы, сжимал и разжимал кулаки. Почему он не уходил? Он что, не видел, как я мучился? Сам-то он пострадал не так сильно.

– Тебе лучше бы не заставлять дежурного по казарме искать тебя, – произнес я, ненавидя себя за эти слова.

Мы оба прекрасно знали, что сержанты не появятся до утра.

– Я знаю, – ответил Накамура, но не двинулся с места.

Вдруг я заметил, что, если напрягать каждый мускул тела, боль слегка утихает. Тогда я разработал небольшую систему, напрягая мышцы, делая несколько вдохов и затем расслабляясь настолько, насколько можно было выдержать. Выполняя эти упражнения ритмично, я почувствовал себя лучше, взглянул на сидевшего рядом со мной парня и вдруг почувствовал, как он одинок. Вот почему Накамура не уходил!

– Откуда ты? – прошептал я.

– Из Куре, – ответил он, затем доверительно добавил: – Знаешь, я в общем-то знал, что тут будет трудно, но никогда не думал, что могут быть такие твари, как эти... Это же настоящие садисты, понимаешь? Каждый сержант здесь садист.

– Конечно, – согласился я. – Думаешь, как их отбирали? Прошлись по всей стране и посмотрели. И если видели, что кто-то бьет свою мать или младшую сестренку, говорили: «Пошли с нами. У нас для тебя есть особая работа – должность сержанта на базе военно-воздушных сил Хиро».

– И кроме того, все они гомосексуалисты, – сказал Накамура.

– Правда? – Теперь я был готов поверить во что угодно.

– Подожди, – предупредил меня парень. – Еще узнаешь. Мой брат служит в армии. Он много чего испытал. Здесь будет то же самое. Брат мне рассказывал.

– Правда? – Я почувствовал отвращение при одной только мысли об этом. – Мой брат тоже в армии, но никогда не рассказывал ничего подобного.

– Скоро сам все увидишь. Все они извращенцы. Боров – точно педераст. Это видно по его роже.

Я решил сменить тему разговора и сказал:

– Думаешь, в армии такая же тяжелая подготовка?

– Сомневаюсь, – ответил Накамура. – Хотя может быть. На маршах приходится проявлять мужество, выносливость и терпение. В армии тоже бьют. В общем, мне кажется, там то же самое.

Когда я отвлекся, боль утихла, и меня стало клонить ко сну. Я удивлялся, как Накамура не надоело сидеть рядом со мной так долго.

– Конечно, – продолжил он, – у нас не такая страшная подготовка, как у пилотов морской авиации. Те, кто прошел ее, настоящие мужики, поверь мне. Их вообще не остановить.

– Разве может быть подготовка труднее нашей? – пробормотал я и стал постепенно засыпать, а Накамура продолжал говорить.

Когда я проснулся, было шесть часов утра. Я застонал и все вспомнил. Какое-то время было трудно даже представить, что я нахожусь вдали от дома. Остальные ребята тоже зашевелились, и началась побудка. Стоны стали доноситься со всех сторон, когда коротко стриженные головы начали появляться из-под одеял. Да, все это было реальностью. На мгновение я закрыл глаза, словно это как-то могло изменить действительность.

На секунду я увидел родной дом, свою комнату, маму и Томику, ощутил их тепло. Тоска нахлынула на меня, и мне едва удалось сдержать слезы. Это было слишком жестоко. Жизнь не могла быть такой жестокой! Такого не могло быть!

Но это было. Сакигава и Какуда по прозвищу Змей пробирались между рядами коек, хватая тех, кто задержался. Сержанты перевернули одну койку, сбросив на пол запутавшегося в одеяле курсанта. Это был Накамура.

Мне нужно было как можно быстрее встать! Страх поразил меня, и я не мог двигаться! Несколько секунд мои ноги были как деревянные. Правая рука сильно ныла в области локтя и казалась парализованной. Усилием воли я соскочил с койки, и, когда встал на пол, боль вонзилась в тело тысячами острых осколков. Однако шок вернул мышцы к жизни, и я стал натягивать на себя брюки и рубашку.

Я стремительно завязывал шнурки, но Сакигава и Змей, проходя мимо, скомандовали:

– Пошевеливайся!

Заправив койки, мы с ворчаньем и гримасами выбрались на первое построение. Когда мы стояли, глядя прямо перед собой, я понял, что каждый получил достаточно ссадин и ран. Боковым зрением я увидел осунувшиеся лица, царапины и синяки.

Глядя на нас, Боров улыбался во весь рот.

– Тяжело? – спросил он. – Больно? Ах, какая жалость. – Боров сморщил свои толстые губы. – Естественно, чего же вы хотели? Все вы щуплые и дряблые, как старухи. Слабаки. У вас нет никакой выносливости. Достойные сыны Японии! Ну ничего, двадцать минут пробежки помогут вам размяться. Конечно, я с удовольствием пробежался бы с вами, но, как вы понимаете, мы, сержанты, к сожалению, подвергаемся дискриминации. – С наигранной горечью он опустил глаза. – Нас заставляют ездить на велосипедах.

Построив нас в колонну, Боров скомандовал:

– Шагом марш!

Каждый шаг был пыткой. Мы шли словно надломленные старики.

– Ужасно! Ужасно! – кричал старший сержант. – Раз вы не умеете ходить, будем учиться бегать. Бегом марш!

Послышался какой-то треск, и последний парень натолкнулся на впереди бежавшего. Медленно, преодолевая боль, наша колонна, пошатываясь, двинулась вперед, словно стая уток.

Пока мы, хромя, бежали по взлетно-посадочной полосе, Боров лениво кружил на своем велосипеде, то визжа, то ругаясь, то гогоча и выкрикивая насмешки. В руках он держал бамбуковую палку около четырех сантиметров в диаметре. После того как мы пробежали полмили, некоторые начали отставать.

– Быстрее! Быстрее! – подгонял их Боров.

Через милю несколько ребят совсем отстали.

Один из них отделился от общей группы сначала на несколько футов, потом на несколько ярдов.

Причем расстояние продолжало увеличиваться. Боров оглянулся и заколесил к отставшему. Когда мы добежали до края взлетно-посадочной полосы, чтобы сделать разворот, я оглянулся. Парень лежал на земле, а Боров колотил его бамбуковой палкой. Но даже это не помогало. Бедняга потерял сознание.

Бег продолжался, и все больше и больше ребят начали отставать. Один споткнулся и рухнул на бетон. Два товарища помогли ему подняться, но он не мог стоять на ногах, когда несчастного потащили вперед. Конечно, двоим нести третьего долго не удалось. Да и Боров вскоре подъехал к ним и начал бить всех троих. Закончив экзекуцию, он покатил вдоль нашей колонны, ругая нас на чем свет стоит.

– Вот как атакует истребитель! – орал старший сержант. – Быстро! Неожиданно! Смертоносно! – Он ехал и колотил каждого по голове. – Раз, два, три, четыре, пять, шесть...

К счастью, его удары не всегда достигали цели.

Я почувствовал, как палка просвистела у меня над головой, и через мгновение, войдя в роль истребителя, Боров опрокинул одного курсанта страшным ударом.

– Неповоротливая задница, – прокаркал он.

«Какая радость! – подумал я. – Сбит прославленный летчик!»

– По мере того как бег становился совсем невыносимым, ребята один за другим начали терять сознание. Наконец, нас осталось четверо или пятеро. Видимо, Боров тоже немного устал и приказал остановиться. Все мы судорожно хватали ртом воздух, но, должен признать, мышцы болеть перестали. Когда мы остановились согнувшись – в позах, выражающих внимание, – истребитель сердито посмотрел на нас, улыбнулся и заметил – Всего-навсего короткая прогулка перед завтраком, правда, ребята?

Бамбуковая палка мелькнула в воздухе и едва не разломилась пополам.

Таким было начало неудачного дня. После обеда Змей познакомил нас с еще несколькими играми. Последняя заключалась в ползании по казарме на животе под койками. И все потому, что пол был грязнее, чем «в свинарнике». Я полз вперед, и передо мной маячили пятки соседа. От одного только прикосновения к полу я начал засыпать. Сон буквально одолевал меня. Как было бы чудесно, если бы я незаметно выбрался из этой вереницы, просто тихо лег под койкой и спал бы, и спал... Желание уснуть нахлынуло на меня, как водоворот, но тут же раздался крик:

– Ползи сюда!

Я уткнулся в чьи-то сапоги.

Через какое-то время Змей ушел, и с кухни принесли деревянные бадьи с едой. Я яростно набросился на свою миску с рисом, когда кто-то произнес:

– Привет, старина Кувахара.

– Привет, Накамура! – ответил я. – Сиди, сиди, пожалуйста.

Ничего, кроме традиционного приветствия, да и голодны мы были так, что особенно не поговоришь. И все-таки как здорово было иметь друга. Накамура был одним из тех, кто не упал во время нашей утренней «короткой прогулки».

– Грязный сукин сын, – прошептал он. – Небось наглотался сегодня своих таблеток, а?

– Да, – согласился я. – Совсем ополоумел.

На самом деле никто из нас не видел, принимал ли что-нибудь Боров, но было приятно думать, что у него «съехала крыша». Вскоре мысль, что у старшего сержанта не в порядке с головой, стала передаваться из уст в уста.

– Подожди, – уверял меня Накамура, – эта толстая задница как-нибудь получит. Придет темный вечерок...

– Это точно, – согласился я.

Опять мы выдавали желаемое за действительное. Но желание это было огромным. Просто думать об этом и знать, что другие думали так же, – уже одно это поднимало мой дух. Поначалу многие ребята молчали, но, как товарищи по несчастью, мы быстро подружились. Было здорово сочувствовать друг другу и вместе ненавидеть.

Наша короткая передышка закончилась, и вскоре мы познакомились с другими играми. Когда мы проявляли недостаточную выносливость, нас заставляли ложиться на бок, а потом подниматься с помощью одной руки и ноги и балансировать. Эксперимент интересный, и сначала он казался простым, но с течением времени становилось все труднее и труднее. В конце концов, в этой идиотской позе нельзя было продержаться больше нескольких секунд. Раз за разом мы балансировали. Наши тела представляли собой своеобразную букву «Х». Руки и ноги начинали дрожать, затем подламывались. Через полчаса мы плюхались на землю, уже не балансируя.

На этой стадии наши сержанты начали использовать кнуты. Мы лежали, задыхаясь, стеной и ожидая удара кнута или палки. Один раз кнут, словно кислота, обжег мою шею и ухо, но я только непроизвольно сжался и попытался закрыться. Я был почти парализован.

В течение дня мы подверглись еще дюжине новых видов наказаний, и вечером Боров довел издевательства до логического завершения. Мы не смогли повторить вслух пять основных пунктов Имперской присяги, а точнее, предписания.

Вскоре я понял, что ошибки в этой области приводили к дисциплинарным взысканиям гораздо быстрее, чем любые другие нарушения. Имперское предписание солдатам и матросам, отданное императором Мэйдзи в 1882 году, считалось практически священным. Это был документ, состоявший из нескольких страниц, которые каждый военный был обязан знать наизусть. Его сложные правила и философию требовалось поглощать через постоянную зубрежку и медитации. Каждый должен быть готовым в любой момент процитировать его, полностью или по частям.

Иногда японских бойцов заставляли повторять его наизусть полностью на каждой вечерней поверке. Распевное чтение длилось около четверти часа. Однако мы в Хиро повторяли только пять основных пунктов или положений:

1. Солдат и матрос должен считать преданность своей важнейшей обязанностью. Солдат или матрос, чей боевой дух недостаточно силен, каким бы талантом он ни обладал в искусстве или науке, является простой марионеткой. Тело солдата или матроса, просящее пощады, каким бы организованным и дисциплинированным он ни был, в сложных ситуациях ничем не отличается от черни. С твердым сердцем выполняй свой главный долг – храни верность. Постоянно помни, что обязанность тяжелее скалы, а смерть легче перышка...

2. Младшие по чину должны считать приказы старших исходящими от самого императора. Всегда оказывай уважение не только командирам, но и другим старшим по званию, хотя ты им и не подчиняешься напрямую. С другой стороны,

старшие не должны относиться к младшим с презрением и высокомерием. Кроме случаев, когда долг требует от них быть суровыми и строгими, старшие обязаны относиться к подчиненным с вниманием, сделать доброжелательность своей главной целью, чтобы все военные могли объединиться для службы своему императору...

3. Солдат и матрос должны высоко ценить мужество и героизм. Даже в древние времена мужество и героизм в нашей стране почитались. Без них наше дело не заслуживало бы уважения. Как могут солдат и матрос, чья профессия сражаться с врагом, забыть хотя бы на мгновение о своей доблести?

4. Честность и справедливость – обычные обязанности человека, но солдат и матрос без них не могут оставаться в рядах вооруженных сил и дня. Честность подразумевает верность своему слову, а справедливость – исполнение долга. Значит, если ты хочешь быть честным и справедливым, с самого начала ты должен задуматься, способен ты на это или нет. Если ты бездумно соглашаешься сделать что-то непонятное и связать себя неразумными обязательствами, а потом пытаешься доказать себе свою честность и правоту, ты можешь оказаться в сложном положении, из которого нет выхода...

5. Солдат и матрос должны стремиться к упрощению своей цели. Если ты не упрощаешь свою цель, ты станешь женоподобным, легкомысленным, станешь стремиться к роскоши и расточительству. Ты станешь самодовольным, подлым, опустишься на самое дно, и ни преданность, ни доблесть не смогут спасти тебя от презрения... Солдат и матрос, никогда не относитесь легкомысленно к этому предписанию.

Эти предписания назывались «Великий путь небес и земли, всемирный закон человечества», и люди, допуская хотя бы одну ошибку при его повторении, обрекали себя на самоубийство.

Вполне понятно, что Боров придавал такое огромное значение именно этому аспекту нашей подготовки. Закон должен был дойти до души «каждого солдата и матроса». Ну и конечно летчика. В то же время казалось большим парадоксом, что Боров и его коллеги довольно странным образом выполняли директивы относиться к младшим с доброжелательностью.

В тот вечер за то, что мы плохо запомнили положения предписания, нас выстроили перед казармой и одного за другим стали толкать так, чтобы мы бились лицом об стену. Один парень сломал нос, другой лишился нескольких зубов.

– Новобранцы, – сообщил нам потом Боров, – сегодня знаменательный день. Еще несколько таких же, и вы станете настоящими мужчинами!

Глава 7

Время плакать

В одну неделю вся моя жизнь изменилась – все мои представления о том, каким должен быть настоящий мужчина, что такое добро и зло, что правильно, а что нет. Но тогда я мог оценить свои чувства не более, чем жестоко израненный человек может оценить свою боль.

Внутренний шок порождал оцепенение, психологическую беспомощность. А результатом всего этого становился панический страх. Было совершенно невозможно заставить себя не бояться старших. Мы становились изворотливыми, как крысы, которых били электрическим током. Сначала нам не удавалось найти ни одного момента, когда можно было расслабиться. Мы постоянно сжимались в ожидании очередного удара.

Некоторое время мне на самом деле казалось, будто жизнь дома в семье, беззаботные школьные деньки были лишь плодом моего воображения. Каким далеким теперь все это казалось и каким туманным. Время – вещь относительная. Меня лишили юности. За одну неделю я стал взрослым.

«Новобранцы, новобранцы, чистите свои сапоги. А потом можете поплакать на своей койке». Эти слова после тяжелого дня курсанты напевали уже давно. Ночь всегда сопровождалась для них тоской. После отбоя можно было предаться воспоминаниям, глубоко вздохнуть и под покровом темноты дать волю сдерживаемым эмоциям, боли и страху.

Когда дежурный по казарме сержант заканчивал свой осмотр, после любого дисциплинарного взыскания мы лежали на койках, думая о доме, в основном о своих матерях, иногда о сестрах. Ведь некоторым из нас было всего по пятнадцать лет. А может, мы даже испытывали некоторое удовольствие от своего горя. С некоторыми иногда так бывает. Когда никто нам не сочувствовал, мы сочувствовали сами себе. И тогда мы лили слезы. Никто не мог видеть этого, а всхлипывания слышали лишь немногие.

У некоторых новобранцев, как у меня, только начали ломаться голоса. Во сне мы иногда громко звали матерей. Странно, но я никогда не слышал, чтобы хоть один курсант назвал имя своего отца. (Потом я узнал, что умирающие люди всегда зовут матерей.) Отец – глава семьи, и его строгость и скрытая любовь часто помогают сыну укрепить в себе боевой дух. Но когда необходимо утешение или когда часы человека на этой земле сочтены, он думает о матери.

Тому, кто незнаком с образом мышления японцев, некоторые наши поступки, плач и сентиментальность могут показаться удивительными. Для иностранцев мы люди с каменными лицами, никогда не проявляющие своих чувств. Действительно, мы создаем вокруг себя своеобразный барьер. Наша философия – смирение, и мы часто не выражаем чувства, даже когда полны радости или ненависти.

Уроженца Запада, особенно американца, как мне кажется, можно сравнить с кипящим котлом с чуть сдвинутой крышкой. Пар выходит легко и постоянно. Японец же больше похож на скороварку. В ней используется такой же пар, и он может собираться некоторое время под крышкой без каких-либо внешних проявлений. Но если в один момент его выпустить, может проявить всю огромную накопившуюся силу.

Можно понять, как японец, являясь в один момент образцом спокойствия, благородства, а иногда даже и низкопоклонничества по сравнению с людьми других национальностей, в следующее мгновение может упасть на пол в истерике... или фанатично броситься на своего врага.

Несмотря на все эти умозаключения, каждое действие наших сержантов было подчинено тому, чтобы подавить любое проявление эмоциональности, кроме тех случаев, когда она служила на пользу государству и императору. Они делали постоянный акцент на то, чтобы направить наши эмоции в нужное русло. В идеале любое проявление страха, тревоги и радости должны быть подчинены, преобразованы и выражены в форме боевого духа. В этом смысле все личные переживания должны быть связаны с общим делом. Хныканье от боли, слезы при воспоминаниях о матери являлись не только признаками слабости. Они означали, что наша жизнь еще не была посвящена Великой Идее. Мы еще не получили жизненный урок, и, как индивидуальности, являемся всего лишь расходным материалом. А расходы – не потери, если служат достаточно великой цели.

Если новобранец стонал во сне и его слышали, наказывали нас всех. По ночам нас часто поднимали. Это Боров приходил поздороваться с нами вовсе не в добром настроении. Его самодовольная улыбка исчезала, лицо перекашивалось. Иногда на нем проступали заметные следы усталости.

– Может ли быть, что вы, жалкие детишки, скоро станете благородными сынами Японии, сражающимися во славу нашего почтенного императора? – Старший сержант качал головой. – Я здесь, чтобы сделать из вас мужиков, и не хочу потерпеть неудачу. Я сделаю настоящего мужика из каждого курсанта, даже если мне придется его убить. Одна мысль о том, что император снизошел до нас, подумал о нас, оказал нам честь, приводит нас в дрожь. А сейчас, новобранцы, я хочу дать вам несколько дружеских советов – особенно тем, кто хнычет каждую ночь, как сопляк. Вы здесь только для одного. А знаете для чего? Знаете?

Когда мы хором отвечали, Боров презрительно ухмылялся.

– Нет, вы не знаете. Это очевидно. Вы живете только для одного – для вашего императора, для Японии... для своей родины. – Затем он очень спокойно продолжал:

– Полагаю, все вы уже забыли о прошлом. Прошлого нет. Вбейте это себе в голову раз и навсегда. Есть только настоящее. – Тут Боров впадал в экспрессию, начинал яростно жестикулировать. – Забудьте о прошлом! Забудьте о гражданской жизни! Забудьте о своих семьях! Теперь вы живете только ради одной цели. Вы будете готовы умереть по первому же приказу без малейшей попытки уклониться. Никогда, никогда не забывайте, что вы самый расходный материал Японии. Чем скорее вы это поймете, тем лучше для вас! А вообще... «тайко бинта», биты, другие вещи... все это ничто, вообще ничто. Но такие испытания делают из вас настоящих мужчин, готовят вас к более серьезным нагрузкам. Понимаете теперь? Хорошо! – Боров кивнул Змею и Сакигаве: – Принесите биты!

Многих из нас били уже в бессознательном состоянии, и мы не проронили ни звука.

Каким странным выглядело это наказание! Хотя большинство из нас были очень молоды, среди нас находились несколько новобранцев от сорока пяти до шестидесяти лет. Армия была огромным кипящим котлом, в котором каждый человек терял свою индивидуальность. Все были коротко стрижены, носили одинаковую форму. Пожилой, богатый, авторитет – все это не имело здесь

никакого значения. Сержант, который подобострастно кланялся бы некоторым из курсантов в гражданской жизни или который даже не имел бы возможности общаться с ними, являлся тут настоящим тираном и командовал всеми. Он мог безнаказанно пнуть или ударить любого новобранца.

После первой недели, проведенной в Хиро, мы спали как под воздействием наркотиков. Наши тела еще не начали привыкать к наказаниям и изнурительной подготовке. Иногда мы проводили ночи почти в коме. Змей и Сакигава с несколькими своими помощниками врывались в казарму, чтобы устроить свои искусные трюки. Иногда они крепко связывали наши руки и ноги, включали свет и приказывали нам встать. В помутненном состоянии разума мы пытались подняться и, ошеломленные, часто падали на пол. Обычно нам требовалось некоторое время, чтобы понять, что произошло, и сержанты всегда громко гоготали, наблюдая за нашими судорожными усилиями избавиться от пут.

Когда Накамура в первый раз заявил, будто некоторые сержанты были извращенцами, я испугался и не поверил, но потом подумал, что, возможно, он был прав. Хотя, насколько мне было известно, пока еще ни один из сержантов не проявлял своих гомосексуальных склонностей, многие из них повергали нас в замешательство самым безобразным образом.

Змей, например, больше других получал удовольствие от унижения молодых новобранцев перед остальными. Те из нас, кто только достиг половой зрелости, страдали больше всех. На построении сержант мог искоса взглянуть на какого-нибудь несчастного, совершившего ту или иную ошибку, и сказать:

– Эй, сопляк, ты, похоже, еще совсем мальчишка, верно? Или ты уже мужик? Ты что, оглох? Я спрашиваю, ты уже мужик?

– Да, господин сержант.

– Ах так! Тогда докажи это, сопляк! Снимай штаны! И повязку свою тоже! Быстро!

И потом несчастный курсант стоял со смущенным лицом, в то время как Змей, иногда Сакигава или даже Боров насмехались и отпускали колкие замечания по поводу его мужского достоинства. Подобные унижения я ненавидел больше, чем физические наказания. Однажды ночью нас троих подняли с кровати и отправили убирать сержантскую казарму, потому что наша дневная работа начальство не удовлетворила. Когда мы закончили, нас заставили раздеться и прыгать под струями ледяной воды. Но и этого Змею показалось мало. Он голыми выгнал нас на холод и заставил пробежать пять раз вокруг казармы, а затем запер в душевой на всю оставшуюся ночь, так и не разрешив одеться.

В течение первого часа мы в темноте сидели на деревянной скамье, прижавшись друг к другу, и дрожали. Через некоторое время мы решили делать физические упражнения. Это был единственный способ не замерзнуть до смерти. Однажды, очнувшись от дремоты, я стал отжиматься, ощущая, как холод бетонного пола распространялся по моим рукам и ногам. Потом я вдруг подумал о душе – вспышка оптимизма! Но она вскоре погасла. Ведь я прекрасно знал, что горячую воду включали лишь днем, и то лишь на некоторое время с определенными интервалами.

Однако в конце концов, больше от безысходности, я подошел к душу и повернул один из кранов. На меня внезапно обрушились холодные струи, и я отскочил назад. Протянув руку, чтобы закрутить кран, я почувствовал, что вода стала теплее. Она явно нагревалась!

Спустя несколько секунд вода стала горячей! От нее даже шел пар! Я быстро перекрыл воду и огляделся по сторонам. Слышали ли шум воды сержанты? Нет, через две двери вряд ли. Да к тому же они давно спали. Я взглянул сквозь полутьму на своих товарищей и увидел лишь их смутные очертания. Скорчившись на скамье, прижавшись друг к другу спинами, они пытались уснуть. Какое-то мгновение я боролся с собой. Если под душем я буду стоять один, горячая вода будет литься дольше. А если мы встанем втроем...

И все-таки через несколько секунд я прошептал:

– Ока! Ямамото! Идите сюда, под душ.

– Горячая вода? – выпалил Ока.

– Тихо!

В одно мгновение оба оказались рядом со мной. Они потирали свои руки, живот, переминались с ноги на ногу и делали наклоны.

– Включай быстрее воду! – простонал Ямамото, стуча зубами.

– Только один кран, – сказал я. – И дам не очень большой напор, а то вся вода стечет, и мы даже не успеем согреться.

Ребята послушно отступили, пока я регулировал душ. Затем мы сгрудились под струями, постанывая, когда вода стала согревать нашу застывшую плоть.

– О, прекрасно. Чудесно! – бормотал я, запрокинув голову. Внезапно меня осенила еще одна идея. – А что, если!.. Как можно заткнуть сливную трубу?

– Сесть на нее, – весело ответил Ока. – Для этого у тебя ведь большая задница.

Я решил, что можно было попытаться заполнить маленькую душевую водой на три-четыре дюйма, не залив остального пола. Вдруг я понял, что нам нужно – туалетная бумага! План сработал превосходно. Я накрыл отверстие сливной трубы слоем бумаги толщиной в полдюйма. Вода постепенно собиралась вокруг нас и просачивалась сквозь туалетную бумагу достаточно быстро, чтобы не затопить соседнюю комнату.

– Почему вы не называете меня гением? – спросил я, усаживаясь в булькающей воде. Через некоторое время душ создал достаточно пара, чтобы согреть воздух вокруг нас. Я растянулся в воде, уровень которой медленно поднимался. Тепло. Каким чудесным оно было! Так посреди холода, тьмы и жестокости мы нашли свой маленький секретный островок.

И в этом тепле я уснул.

Глава 8

Цена суси

Несмотря на постоянные напоминания о том, что мы должны забыть прошлое, через две недели нашим семьям разрешили ненадолго приехать навестить нас. Всего четырнадцать дней минуло с тех пор, как я произнес слова прощания, а казалось, прошла целая вечность. Когда настал час приезда родственников, меня

начало трясти. Как давно я их не видел! Сколько всего за это время произошло. Родной дом для меня теперь был словно в тысячах миль отсюда.

Пробило четыре часа. Я ждал в гостевой комнате, где курсантов, словно заключенных, отделяла от их семей специальная перегородка. Я видел, как входили родители ребят, как загорались глаза моих товарищей. Некоторые из них выглядели почти смущенными, нерешительными. Перегородка мешала им проявить более сердечную приветливость и заставляла ограничиваться лишь рукопожатиями.

Прошло полчаса. Мои родственники все еще не приходили. Я начал волноваться. Неужели они не понимали, что у нас был всего лишь один короткий час? Они вообще могли опоздать. С них станется!

Да они вообще могли не прийти. Перепутали день, вот и все. Наверное, я неправильно написал в письме. Я хрустнул пальцами и уставился в пол, затем снова поднял глаза на дверь. На пороге стоял отец в сером костюме. Консервативный цвет его одежды смешивался с нежно-оливковыми оттенками двух легких кимоно, которые виднелись за его спиной. Мама и Томика. Вскоре мы обменялись рукопожатиями, глядя друг другу в глаза. Мама и Томика даже не пытались скрыть свои чувства. Они смотрели на меня, и в их глазах стояли слезы. Я не мог говорить и тоже боролся со слезами. Мне не хотелось проявлять слабость перед отцом, и я закусил губу.

Улыбка папы еще никогда не была такой теплой.

– Как твоя новая жизнь, сынок?

– О... – Я запнулся. – Все хорошо, папа.

В этот момент во мне что-то дрогнуло, и в голове зазвенели слова: «Почему ты врешь? Скажи правду! Расскажи обо всей этой жестокости и беззаконии! Скажи ему, что ты хочешь уехать отсюда. Может, ему что-нибудь удастся сделать...»

Но ведь отец служил в армии. Он наверняка знал, через какие испытания мне приходится проходить. Ведь он в свое время пережил то же самое. Как ему это удалось? Отец прищурил один глаз и приподнял бровь.

– Твой сержант тебя любит? Они такие же добрые и нежные, как твоя мама? Ты прекрасно выглядишь. По-моему, ты даже поправился при таком хорошем питании.

Мое лицо действительно округлилось – распухло после вчерашней игры в «бинта».

– Это не от... – начал я и остановился.

– Темные глаза отца смотрели на меня. Он слегка покачал головой. – Они хорошо с тобой обращаются, Ясуо?

Я улыбнулся:

– Да, спасибо, папа. Хорошо.

Некоторое время мы молчали. Потом Томика нагнулась ко мне и нахмурила брови, глядя в мое лицо, как в зеркало.

– Где ты так оцарапался?

– Ясуо-сан, у тебя синяки под глазами! Тебя бьют! – В голосе мамы прозвучала так хорошо знакомая мне забота.

Во мне началась внутренняя борьба: ребенок почувствовал себя уютно, а во взрослом начало расти необычное раздражение.

– Они обращаются с тобой жестоко! Очень жестоко! – Мама говорила так громко, что я вспыхнул и стал оглядываться по сторонам. Но все вокруг были заняты своими разговорами. – Ясуо-сан... – произнесла мама почти умоляющим тоном, будто я мог что-то предпринять, чтобы изменить свою жизнь.

– Ничего, мама, ничего страшного! – стремительно ответил я.

– Но, Ясуо-сан... твой бедный глазик...

– Ничего, мама! Ничего страшного, – повторил я, почти крича. – Просто я упал. Все скоро заживет!

Я приложил руку к глазам, словно защищая их от яркого солнца. Наступила тишина, в которой слышалось лишь мое прерывистое дыхание. Все это время мама крепко сжимала мою ладонь. В тот момент я любил свою мать сильнее, чем когда-либо.

– Мой сын справится с трудностями сам, – тихо произнес отец. – Он уже стал мужчиной. Он самурай!

Я взглянул на него, провел по лицу кулаком и улыбнулся.

– Мы с твоей сестрой приготовили немного суси, – сказала мама. – Тебе разрешат взять его?

Мама и Томика спрятали еду под широкими поясами на талии. Их суси давно были моим любимым кушаньем.

– Вряд ли нам это разрешат, – ответил я, – но они ничего не узнают, если вы передадите их мне незаметно. Вы принесли рубашки и полотенца?

Мама кивнула и положила на перегородку квадратный сверточек, перевязанный оранжевой веревочкой.

– Просто запихни суси внутрь, – предложил я. – Никто его там не найдет.

Ирония судьбы – через мгновение после того, как мама передала мне сверток, поднялась суматоха. Сержант дал одному из курсантов подзатыльник. Вся семья бедняги в оцепенении наблюдала за сценой.

– Бейте меня! Бейте меня! – взвыла его мать. – Мой сын не виноват! Это я виновата! Он не просил ничего приносить ему!

Подзатыльник не был строгим наказанием, но он оскорбил всех нас. Воскресенье было единственным днем в неделе, когда с нами не полагалось обращаться строго. Это был для нас короткий перерыв, мимолетный момент, когда все вокруг могло быть мирным и безоблачным. Самому сержанту с длинной шеей и лоснящимся надменным лицом было не больше восемнадцати – девятнадцати лет. Он мог спокойно наказать новобранца потом. Как бы я хотел убить сержанта прямо сейчас.

– Поняв, что произошло, моя мама страшно испугалась и потребовала, чтобы я вернул еду. Я какое-то мгновение колебался, но потом во мне разгорелся бунт. – Нет! Вы с Томикой приготовили суси для меня, и я оставлю его у себя.

Моя сестра с тревожным взглядом что-то пробормотала.

– Оставь ему его суси, – сказал отец. – Они не посмеют ударить Кувахару. Пусть еда останется у него.

Спор угас. Вскоре час посещений истек, и женщины снова заплакали.

– Хватит! – приказал отец. – Думаете, мужчине приятно все время видеть слезы?

– Он крепко пожал мою руку. – Мы ведь скоро увидимся, когда твоя начальная подготовка закончится, верно?

Я кивнул.

– Мы должны идти.

– Хорошо, – сказал отец. – Осталось недолго, и подготовка доставит тебе настоящую радость. Учись как следует и возвращайся к нам настоящим самураем. Сделай все, чтобы мы гордились тобой, Ясуо.

Я снова кивнул, и мои родные ушли. Отец вышел за дверь, не оглянувшись. Томика посмотрела на меня через плечо. Ее глаза напоминали глаза испуганного олененка. Я неопределенно махнул рукой, и сестра с мамой скрылись за дверью.

Позже в казармах многие ребята лежали на койках – привилегия, предоставлявшаяся нам только по воскресеньям, – и неотрывно смотрели в потолок. Посещение родных не очень-то подняло наш дух. Я видел, как Накамура скорчился на краешке своей койки, положив подбородок на руки. Я подошел и стал смотреть на него, но он ничего не сказал. Решив, что беспокоить приятеля не стоило, я стал медленно бродить по казарме, затем снова остановился около его койки:

– Эй, Накамура! Ты любишь суси?

Едва заметно улыбнувшись, он поднял глаза.

– Тебе тоже принесли?

– Спрятаны под одеялом, – ответил я.

Накамура засмеялся и похлопал по своей койке:

– У меня тоже!

Вскоре мы узнали, что родственники принесли почти всем ребятам какую-то еду – печенье, сладости или булочки. Ока и Ямамото запахнули все под рубашки и сейчас старались понадежнее спрятать свою контрабанду.

– Устроим вечеринку! – воскликнул Ока. – Сегодня после отбоя!

Эта мысль наполнила нас радостью, и мы впервые за две недели весело рассмеялись.

К несчастью, наша радость оказалось недолгой. Вернувшись после ужина, который по воскресеньям устраивали в столовой, мы обнаружили свои койки перевернутыми. Некоторые из нас тревожно зашептались, когда в казарме появился Боров.

– Ох! – невольно воскликнул кто-то.

– «Ох»? – произнес Боров. – Что значит «ох»? – С совершенно обезоруживающим видом он положил руку на плечо Оки. – Что-то пропало?

Ока замер:

– Нет, господин сержант.

– Тогда в чем дело? Почему ты сказал «ох»?

Ока пробормотал в ответ что-то неразборчивое.

– Вы, ребята, уверены, что ничего не пропало? – спросил Боров. – Я чувствую какое-то напряжение. Что-то не так?

– Все в порядке, господин сержант, – отважно выступил вперед Накамура. – Гм. – Боров целую минут ходил взад-вперед, потирая подбородок и наслаждаясь ситуацией. – Неужели вам совсем не нужна моя помощь? – Вдруг без какого-либо предупреждения старший сержант развернулся и указал пальцем на Ямамото: Почему твоя койка вся перевернута?

Ямамото словно воды в рот набрал.

– Очень любопытно, – пробормотал Боров. Он стоял уперев одну руку в бок, а другой опять потирая подбородок. – Странное дело. Я прихожу сюда, надеюсь на дружеский прием, и что получаю? Ни одного доброго слова, только холод. Я задаю простой вопрос, но никто мне не отвечает.

Старший сержант плюхнулся на мою койку, едва не разломав ее. Мы уже привыкли к тому, что в нем иногда начинал проявляться актер.

– Посмотри на меня, Кувахара. – Он закрыл лицо руками и стал издавать жалостливые всхлипывания, затем поднял горестный взгляд и простонал: – Кувахара, что все это значит?

– Я... я не знаю, господин сержант...

– Я чужой в собственной семье! Дети! Дети мои, вы совсем забыли свою мамочку? – И Боров снова стал рыдать.

Превосходное представление. Трудно было удержаться, чтобы не рассмеяться, хотя мы знали, что вскоре нас ждут какие-то неприятности.

Наконец Борова утомила его игра, и он со скучающим видом сообщил, что нас придется наказать за то, что мы хотели обмануть своего старшего сержанта. Нас вывели на улицу и выстроили лицом к казарме. Но это было лишь только начало. Потом нас заставили ползти вокруг казармы, повесив на шею связанные форменные ботинки. Таким же образом мы проползли по коридорам, чтобы посетить комнаты сержантов. Каждый по очереди стучал в дверь, получал разрешение войти и переползал через порог, чтобы попросить прощения.

Когда я оказался в комнате Борова, он сидел для пущего эффекта в ярком свете лампы, положив ногу на ногу и держа руки за спинкой кресла. Затянувшись и выпустив дым сигары мне в лицо, старший сержант заметил:

– Разве тебя здесь плохо кормят?

– Нет, господин...

– Тогда почему ты принес еду в казарму, хотя прекрасно знал, что это запрещено?

– Простите, господин старший сержант.

– Смотри на меня, Кувахара, а не в пол. Боюсь, этого извинения недостаточно. – Боров все время пускал мне в лицо волны вонючего табачного дыма. Когда я стал от этого задыхаться, он спросил: – Что с тобой? Ты заболел? Я тебе противен?

Я не успел ничего ответить, и старший сержант продолжил:

– Как я уже говорил, Кувахара, мы не сможем хорошо подготовиться на этой базе – фактически проиграем войну, – если каждый будет нарушать правила, а потом лишь говорить «простите». Нет, нет! Боюсь, я должен наказать тебя за твой обман. Кроме того, я обижен на то, что вы не пригласили меня на свою вечеринку, которую собирались устроить после отбоя. Знаешь, я ведь тоже был когда-то

новобранцем. – Боров ударил меня в лицо и вкрадчиво позвал: – Следующий, пожалуйста.

– Благодарю вас за заботу, господин старший сержант, – пробормотал я и пополз к двери. Мои ботинки по-прежнему болтались на шее.

Глава 9

Прощание с Миягамой

Какими бы суровыми ни казались нам наказания в первые недели, это было ничто по сравнению с тем, что началось потом. Когда мы окрепли, сержанты стали гонять нас каждый день по пять миль вместо двух или трех. В конце концов мы стали пробегать восемь миль, а тех, кто падал, избивали прикладами винтовок.

Во время игры в «бинта» вместо кулаков теперь мы использовали подкованные ботинки. Среди нас уже не осталось ни одного, чье лицо не было бы разбито, особенно в уголках рта. За исключением воскресений пытки проводились беспрестанно.

К концу первого месяца ребята начали по-настоящему ломаться. Постоянная боль, унижения, психологическое давление. Такое нельзя было терпеть вечно. Два оставшихся месяца базовой подготовки тянулись словно века. Я не верил, что все мы выдержим ее, и оказался прав.

Шестеро ребят убежали. Они перебрались через колючую проволоку, но вскоре их поймали. Один, правда, продержался на свободе несколько дней, скрываясь в горах и таская по ночам с полей овощи. Но и этого беднягу в конце концов задержали дружинники неподалеку от его дома в Хонго. Для того чтобы убедиться, действительно ли парень был тем самым дезертиром, стражи порядка привели его домой. Какой позор!

– Нам очень жаль, – сказали дружинники, – но этот парень предал свою страну, и нам ничего не остается, кроме как вернуть его в Хиро.

И беглеца увели в наручниках.

Стандартная практика в армиях всех стран мира – дезертиров отдавали под трибунал, и их судьба целиком и полностью зависела от милосердия строгого военного суда. Частенько до нас доходили слухи, что арестованных в тюрьме пытали до смерти, невзирая на мольбы о пощаде. Власти в тюрьмах придумывали различные причины смерти людей в таких случаях, и их редко кто проверял.

Многих пойманных дезертиров подвешивали за руки к потолку, к ногам привязывали тяжелые металлические грузы, а затем били по обнаженной спине ремнями.

Для всех нас время ползло медленно, как червяк, но те из нас, кто не сломался окончательно в суровых испытаниях, постепенно крепили духом и телом. Кое-как мы прошли через жернова мельницы второго месяца подготовки. Две трети срока были позади.

«Ты выдержал целых два месяца, – говорил я себе, – значит, ты выдержишь еще один!»

За проведенные в Хиро недели я заметно подрос и испытывал мрачное удовлетворение от того, что мог выносить трудности, как настоящий мужчина.

Даже лучше, чем большинство курсантов. В гимнастике и беге я был одним из первых, продолжал превосходить многих в полетах на планере и в других занятиях. Я никогда не рассказывал о своем чемпионском звании, но ребята узнали про него. И это, думаю, повысило мой авторитет.

Мои перспективы становились все радужнее, когда одно потрясение деморализовало меня на несколько дней.

– Однажды вечером я почистил сапоги и отправился в уборную. Когда я подошел к двери, новобранец сказал, что она заперта. – Засор, наверное, – проговорил он и ушел.

Но мне нужно было туда позарез, и я, подождав минуту, дернул за ручку.

– Есть там кто-нибудь?

Я подумал, что Змей нарочно запер уборную снаружи, чтобы лишний раз насолить нам. Он был вполне способен на такое.

Замок в двери был хлипкий, а нужда моя росла с каждой минутой. Оглянувшись по сторонам, я отскочил на одной ноге назад и ударил тяжелым каблуком в дверь. Замок скрипнул, дверь содрогнулась. Я опять огляделся и ударил по замку с большей решительностью. На этот раз он сдался, и дверь распахнулась.

Пока меня никто не увидел, я торопливо вошел, не включив свет, и столкнулся с кем-то... или с чем-то.

– Что?.. Извините, – пробормотал я.

Никакого ответа. Какие-то неясные очертания виднелись в темноте. Попятившись к двери, я выкрикнул:

– В чем дело?

Кто-то был здесь. Я коснулся кого-то. Он не издал ни звука. Темнота, зловоние и тишина – все это смешалось и обрушилось на меня.

Я стал судорожно искать на стене выключатель... Лампа осветила безвольно висевшую на балке фигуру, еще качавшуюся после нашего столкновения.

Таким было мое первое знакомство со смертью. Это был Миягама, парень, с которым я много раз разговаривал... почти всегда бледный и изможденный. Миягама! Именно его в день посещения родственников ударил сержант.

Взад-вперед, взад-вперед. Он продолжал покачиваться. Я в ужасе смотрел на него и простоял так, словно во сне, всего несколько секунд, но мне показалось, будто прошло очень много времени до того, как меня охватила паника. Я вдруг подумал, что в этой серой плоти все еще могла теплиться жизнь, и испугался. Последние капли ее могли вытечь, пока я беспомощно глазел на висевшее тело. Я бросился к нему, затем развернулся и влетел в одну из комнат.

– Быстро! Дай мне штык! – крикнул я испуганному новобранцу.

– Штык? А что это? – Он уставился на меня, глупо моргая.

Схватив с полки штык, я заорал:

– В уборной человек... мертвый! Повесился!

Новобранец медленно встал с таким лицом, словно только что откусил червивое яблоко.

– Пошли! – приказал я. – Помогите мне, Господи!

Парень молча отправился за мной. На мгновение мне показалось, что он решил, будто я спятил.

Но потом парень увидел Миягаму. Я держал безвольное тело и опустил его на пол, когда новобранец перерезал веревку. Я начал лихорадочно делать искусственное дыхание. Не знаю, сколько прошло времени – пять минут или двадцать. Я остановился, только когда услышал голос:

– Ты напрасно тратишь время, Кувахара. Он мертв.

Это был Змей. Еще дюжина людей собралась вокруг нас.

Едва слышно кто-то произнес:

– Во всяком случае, он сейчас уже счастлив.

Новость распространилась очень быстро, а на следующий день нашли предсмертное письмо несчастного. Он просил прощения у своей семьи за то, что обесчестил своих родных, и за то, что умер раньше их, раньше своего часа. Его последние слова звучали так: «Жду вас на небесах».

Это был настоящий кризис для большинства ребят из нашего взвода. Сейчас настало время, когда выжить мог только самый подготовленный. Самоубийство Миягамы произвело ужасный психологический эффект. Мой собственный луч надежды и силы покинули меня. Какой смысл в том, чтобы становиться все сильнее? После базовой подготовки будут новые наказания. Все больше и больше. А что потом? Потом я умру за императора, который даже не узнает об этом, который никогда даже не слышал моего имени.

Мои представления о героизме стали рушиться. Вместо этого появилось лицо Миягамы – качающееся... постоянно качающееся. Перед моими глазами стали возникать картины – Миягаму бьют на глазах у его семьи, все родственники вспыхивают от смущения. И всегда после этого я видел уборную и тело. После отбоя я крепко зажмурился, чтобы отогнать видение, которое обязательно должно было прийти. Но как я ни старался, всегда возникала картина уборной и висящий там Миягама.

Раскачивался! Он всегда раскачивался! Вцепившись в свою подушку, я крепко сжимал веки, только чтобы не выпускать это видение.

Ежедневные наказания постоянно ужесточались, но я больше боялся ночей с Миягамой, чем дней с сержантами. Несколько раз я вскрикивал во сне, вскакивал на кровати, в ужасе вглядываясь в темноту. Каждый раз по моему телу катился пот. Я вытирал его полотенцем.

Наконец фигура Миягамы начала тускнеть, но только потому, что еще несколько человек решили последовать за ним. Следующим ушел Ватанабэ – тоже парень из моей казармы. Затем еще двое из тех, кто приехал в Хиро чуть раньше нас. А потом покончил с собой курсант, появившийся на базе уже после нас. Кто-то воспользовался веревками, кто-то штыками, а один выбросился из окна. За время моей базовой подготовки в Хиро произошло девять случаев самоубийств.

Самоубийство! Это был выход. Что больнее – повеситься или быть избитым прикладами винтовок? Что больнее – повеситься или стоять обнаженным, обняв дерево, вцепившись в его грубую ледяную кору, в то время как тебя изо всех сил бьют по спине? Я обнаружил, что тоже планирую способ ухода из жизни. Вероятно, лучше всего было перерезать себе вены. Да, так проще. Это ничто по сравнению с самым мягким наказанием из тех, к которым мы привыкли.

Но каждый день я ощущал, как крепло мое тело, чувствовал растущую силу в ногах во время бега и слышал спокойный голос отца, который говорил, чтобы я возвратился самураем. Конечно, я не мог обесчестить ни отца, ни свою семью, ни имени Кувахара. Оставалось всего две недели базовой подготовки. Приближалась весна. Солнце бросало на нас яркие брызги, когда мы бежали вдоль взлетно-посадочной полосы. Я мог бежать вечно. Теперь я мог также уверенно идти по жизни. Теперь им меня не остановить!

Прошла еще неделя. Наказания стали практически непрерывными, но самые подготовленные выживали. Конец подготовки был близок, и наша дружба росла. Накамура стал мне почти братом, – честный, иногда слишком прямой, но всегда понимающий и смелый. Я восхищался им. Ямамото и Ока постоянно поднимали мой дух. Эти двое могли смеяться в любых ситуациях. Беззаботные шутники, дружелюбные ребята с железной выдержкой.

Довольно странно, но некоторые наказания стали даже смешными. Иногда, когда сержанты находились в хорошем расположении духа, они заставляли нас выполнять нелепые упражнения. Одним из любимых развлечений Сакигавы было заставить курсанта забраться на шкаф, где тот садился, скрестив ноги и сложив руки в позе медитирующего Будды. Сержант требовал сидеть неподвижно, а сам резко и сильно раскачивал шкаф. В конце концов новобранец падал на пол. Недостаточно проворный, чтобы упасть, не получив ушиб, мало чего стоил в глазах сержанта.

Иногда нас заставляли залезать на деревья, росшие возле казармы. Мы должны были сидеть на ветках по десять – пятнадцать минут, издавая жужжание, как цикады. Это было весело не только для сержантов, но и для нас. Помню, как Ока захохотал почти истерически и хлопнул себя по ноге, когда Ямамото жужжал на нас сквозь ветви.

– Ах так! – прорычал Змей и дал весельчаку подзатыльник. – Хорошо. Тогда, может, ты сам попробуешь?

Ока забрался по стволу, как белка, уселся рядом с Ямамото и стал стараться гудеть громче приятеля. Картина выглядела очень смешной, и всех, кто расхохотался, тоже заставили лезть на деревья. Вскоре ветви были облеплены курсантами. Вместе они стали издавать просто фантастический звук.

По мере того как базовая подготовка приближалась к концу, режим стал ослабевать. Командующий офицер хотел, чтобы мы хорошо выглядели, когда отправимся домой в отпуск. Сержанты стали почти людьми в последние несколько дней.

А Боров, которого многие из нас клялись убить, даже пригласил нескольких ребят из самой лучшей казармы к себе домой в Куре на ужин.

Это была очень странная перемена. Человек, которого мы страшно боялись, человек, на котором полностью лежала ответственность за самоубийства девяти курсантов, удостоил нас чести посетить его дом. Мы были уважаемыми гостями!

Жена Борова оказалась удивительно милой женщиной, прекрасной хозяйкой. А двое его детей – мальчик и девочка пяти и семи лет – вообще были очаровательными. Мы просидели почти два часа. Жена Ногути два раза

наполняла наши тарелки едой. Это была очень странная ситуация. Боров все время любезно разговаривал, то и дело отпуская шутки. Напрасно я пытался понять его новую роль. Сегодня он казался совершенно искренним. Ни в одном его слове мне не удалось заметить ни доли сарказма или чего-то недоброго.

Говоря о наказаниях, сержант обращался к нам как к простым наблюдателям, которым никогда не приходилось испытывать ничего подобного. Аккуратно вытерев губы и прихлебывая сакэ, старший сержант доверительно сказал:

– Неприятно, что людей иногда нужно так жестоко наказывать, однако... – Он вздохнул, казалось, с вполне искренним сожалением, – у меня нет иного выхода, кроме как подчиниться командиру, а он, в свою очередь, должен подчиниться своему начальству и так далее. Представьте, что главнокомандующий недоволен командиром базы Хиро. Он его критикует. Тот становится недовольным работой младших офицеров и тоже накладывает на них взыскания. Младшие офицеры наказывают сержантов, а сержанты наказывают курсантов. Курсанты... возвращаются домой и пинают ногой собаку. Мы дружно рассмеялись.

– Конечно, наказание очень важно. Оно абсолютно необходимо. Грустно признавать, но никто из нас не рождается самураем. Не удивляйтесь. Вас учат быть самураями путем выживания в сложнейших ситуациях. Посмотрите на моих воспитанников. Крепкие они? Да, очень крепкие! Это уже не те слабаки, которые три месяца назад считали, будто я их убиваю.

Да, они ненавидят Ногуту. Они хотят убить сержанта Ногуту. Но они теперь сильнее врагов. Их теперь очень тяжело остановить, испугать или убить. Очень скоро они поймут, что это правда. Может, тогда Ногуту уже не будет выглядеть таким ужасным.

Боров принимал нас как друзей, откровенничая с нами, и говорил словно о других людях. Страдания отошли на второй план, хотя было понятно, что впереди нас ждало гораздо больше испытаний.

Боров позвал нас на обед с определенной целью. Он хотел, чтобы мы кое-что услышали и поняли, а потом передали это своим друзьям.

Кроме этой короткой речи, сержант больше не касался вопросов подготовки. Вместо этого он заговорил о философии, поэзии и искусстве. В его доме было много книг, и Боров разглагольствовал на разные темы, поражая нас своей мудростью. Потом его жена грациозно сыграла на лютне и очаровательно спела. Это была очень старая популярная песня «Койо-ноцуки». В слабо освещенной комнате цветы на кимоно женщины, казалось, светились, а тени на ее гладкой коже стали зеленоватыми. Слегка прикрыв веки, я смотрел на линии ее щек, утонченные ноздри, следил за тем, как брови исчезают под черной челкой волос. Прищурившись еще больше, я мог разглядеть под волосами лицо,двигающиеся губы, линию шеи.

Уголкем глаза я наблюдал за ребятами, сидевшими вокруг меня. Они были заморожены. Я видел, как тонкие пальцы женщины двигались по струнам инструмента. Я закрыл глаза и стал мечтать. При этом мне удалось забыть обо всех. Боров, мои друзья – все они исчезли. Я остался наедине с женщиной и сидел рядом, глядя в ее блестящие глаза. Когда песня закончилась, она медленно

подняла на меня взгляд, и ее губы раскрылись. Женщина подняла руку от инструмента и коснулась моих губ.

Музыка стихла слишком быстро. Мы поклонились Борову, горячо поблагодарив его. В свою очередь, жена Ногути поклонилась нам, звонко рассмеявшись, словно маленькая девочка. Но это был смех зрелой женщины, которая смеялась не от веселья, а из вежливости. Женщина поклонилась каждому из нас, и мы вышли – с одними и теми же чувствами. Нет, она даже не узнала, как близко к ней я сидел и как она прикоснулась ко мне в тот момент, когда все остальные исчезли.

Глава 10

Короткое воссоединение

Наконец базовая подготовка закончилась. Я выдержал ее! Я прошел через все! Им не удалось сломать меня, и я гордился этим. Их психология была обычной. В последние дни наказаний стало меньше, и с сержантами у нас установились более дружеские отношения. Командующий офицер собрал нас утром перед нашим отъездом, заговорил о наших будущих обязанностях и напомнил, что теперь мы стали настоящими мужчинами. Наснаучили рукопашному бою. Мы окрепли, могли выносить боль и видели смерть. Умершие тоже сослужили хорошую службу, укрепив дух остальных, и помогли нам понять, что слабый никогда не выживает.

Когда мы собрались в последний день, над базой висел легкий туман. Пока командующий говорил, он рассеялся, и выглянуло яркое восходящее солнце. Восходящее солнце! Это было знамение. Наш командир был маленьким человечком, но его манеры говорили о мощи. Каждый его жест был выразительным и впечатляющим.

Я наблюдал за тем, как солнце плыло над ним, и в ярких лучах заблестели выполненные в виде орлов кокарда и значки на воротнике кителя. Когда он закончил свою речь, пятьдесят курсантов продекламировали Имперское предписание без единой запинки. Когда слова срывались с губ ребят, я услышал вдалеке гул самолетов. Два этих слившихся звука символизировали нашу новую приобретенную силу. Я являлся частью чего-то великого и значительного. Тогда, стоя на солнце, я знал, что Императорский путь управляет миром.

А сейчас мне предстояло возвращение в Ономити в двухдневный отпуск. Моя семья собралась на станции и с нетерпением ждала, чтобы вести меня домой.

– Тосифуми специально приезжает, чтобы с тобой встретиться! – взволнованно воскликнула Томика.

– Тосифуми! – поразился я. – Едет из Токио... чтобы встретиться со мной?

– Ну, может, твой брат поздоровается и с нами, – сказал папа, и мы все вместе рассмеялись.

Жизнь вдруг показалась слишком хорошей, чтобы быть реальностью. Целых два дня в кругу семьи, с моими родственниками и друзьями. И вернусь я в Хиро уже не зеленым новобранцем.

Наш дом никогда не выглядел таким великолепным. Стоял май, и стены сада были украшены цветущими азалиями. Зеленели горы и поля.

Прежде всего я хотел принять горячую ванну, погрузиться в нее по шею. Войдя в дом, я через несколько минут уже сидел на маленьком табурете в ванной и яростно намыливался.

– Братик, – прозвенел голос Томики, – хочешь, я потру тебе спину?

– Ага! – ответил я. Мне показалось, что сейчас был самый подходящий момент, чтобы спину мне потерла женщина. Я стал настоящим мужчиной. Когда сестра вошла, я наклонился и согнул колени, подставив ей свою спину. То, что произошло в следующий момент, стало для меня полной неожиданностью.

– Ясуо, что они сделали с твоей спиной? – вскрикнула Томика.

Я совсем забыл о следах побоев, но было приятно произвести этим впечатление на сестру.

– А, ничего особенного. Просто напоминания об одной веселой игре, которой нас научили.

Но мои раны не так-то легко было забыть. И я не очень представлял, какое впечатление произведут они на Томику. Конечно, она разволнуется, но все вышло гораздо хуже. Сестра мягко провела пальцами по моей спине и разрыдалась.

– Братик мой родной! – причитала она.

– Томика, со мной все в порядке. Все хорошо! Эти шрамы – ничто. Они меня совсем не беспокоят. Я даже ни разу не дрогнул, когда получал их!

Явная неправда в последних словах только усилила ее стенания. Слезы хлынули из глаз сестры. Она прошла в нишу и бросилась нататами, горестно оплакивая своего маленького брата.

Услышав плач, в ванную вбежала мама. Томика не могла вымолвить ни слова.

– Все хорошо, мама! – сказал я. – Она просто увидела небольшие шрамы у меня на спине.

Мама велела Томике замолчать, затем подошла и начала бережно мылить мне спину. Деревянным ковшом она зачерпнула воду из ванны и полила мою спину.

– Не горячо?

Вода была действительно горячей!

– Немножко, – ответил я.

Быстро охладить вмурованную в пол ванну было трудно, поскольку отец всегда держал воду на грани кипения. Мама положила пропитанное благовониями полотенце мне на спину и стала лить воду через него.

Когда она повернулась, чтобы уйти, я заметил и в ее глазах слезы.

– Спасибо, – поблагодарил я, но мама быстро вышла, ничего не сказав в ответ.

Смыв с себя мыло, я погрузился в другую ванну. Сначала я опустил в воду одну ступню, дал ей привыкнуть к температуре, затем опустил всю ногу. Наконец, вцепившись в края, я медленно погрузился весь, стал часто дышать сквозь зубы, когда вода коснулась моей исполосованной спины, и с довольным фырканьем лег. Боль ушла, и тепло становилось все более успокаивающим и блаженным. Ни разу за три месяца я так не расслаблялся. Даже в ту холодную ночь под душем вместе с Окой и Ямамото.

Во время отпуска мне хотелось сделать так много, но сейчас ванна была настоящим лекарством и буквально не выпускала меня. Казалось, она растворяла всю боль, накопившуюся во мне за три месяца, и в то же время навевала

усталость. Я с трудом поднялся из воды, вытерся насухо полотенцем, надел кимоно, тапочки и поднялся в свою комнату. Некоторое время я смотрел из окна на горы. Прохладный ветерок приятно обдувал лицо и грудь. Мои глаза закрывались. Горы померкли. Я с трудом заполз на свой хлопчатый матрац, и меня охватил неодолимый сон.

Когда я проснулся, солнце уже начинало садиться, освещая комнату янтарными лучами. Некоторое время я лежал, моргая, и никак не мог сообразить, где нахожусь. Затем дверь скрипнула и слегка приоткрылась. Из тех двоих, что шептались на пороге, одна точно была Томика, но кто пришел вместе с ней? Я вскочил и закричал:

– Тосифуми! Ты приехал! Прямо из Токио!

Присев передо мной на корточки, брат потрепал меня за волосы.

– Привет, монах, – улыбнулся он, указав на мои постриженные волосы. – Ты изменился! Почти мужчина!

Последнее замечание мне не очень понравилось, но я улыбнулся в ответ. Сколько же мы с Тосифуми не виделись! Он уже не был похож на того мальчика, который до войны боролся и прыгал с нашим братом Сигэру. Благородный и привлекательный, Тосифуми теперь удивительно походил на отца. Даже сединой, которая была большой редкостью для японца его возраста.

Брат спустился вниз, а я стал одеваться. Часа через два из Иносимы приехали дядя и тетя. Да, мое возвращение стало настоящим событием. Несмотря на все увеличивавшийся дефицит еды, мама и Томика устроили настоящее пиршество с моими любимыми деликатесами. Как я был тронут такой теплой заботой. К 1944 году снабжение продуктами резко ограничило, и даже рис было трудно достать. Накануне мама и Томика ходили за несколько миль в деревню, чтобы купить у крестьян отборного риса. Этот отборный товар хозяин не продал просто за деньги. Томике пришлось пожертвовать своим красивым дорогим кимоно, которое было частью ее приданого. Взвалив на спину тяжелые мешки, они отправились домой.

Я был им очень благодарен за такое искреннее проявление любви. Когда во время ужина я напомнил о жертве сестры, Томика улыбнулась и ответила:

– Ничего, ничего. К тому времени, когда кто-то возьмет меня в жены, у меня будет сто таких кимоно.

– Ну-ну! – засмеялся Тосифуми. – Многие мужчины хотели бы получить такую жену. Только подожди!

Томика улыбнулась, но взгляд ее стал серьезным, когда она опустила глаза и сказала:

– Мне двадцать шесть лет.

– В свое время у Томики будет муж, – заявил папа. – Когда мы найдем достойного мужчину с подходящим положением в обществе. А об этом лизоблюде я даже говорить не хочу. Как там его зовут?

– Тебе обязательно надо унижать дочь перед родственниками? – с укоризной произнесла мама.

Томика встала и, пряча покрасневшее лицо, быстро направилась к двери.

– Вернись! – приказал отец. – Не надо быть такой обидчивой!

Томика вернулась и села, покорно глядя в пол.

– А где Рэйко? – спросил я.

– Мы... нам пришлось ее отпустить, – ответила мама и улыбнулась моим дяде и тете. – Держать прислугу – лишние затраты. Я хотела сказать, это глупо во время войны, когда в доме сейчас живут всего три человека.

– Ясуо, – сказал дядя, – поведай нам о своих успехах. Как тебе понравилась подготовка в армии?

До самого вечера мы говорили о моей подготовке, о том, как лечил зубы Тосифуми, но в основном слушали, как дядя и отец вспоминали о своей военной службе.

Вечером, когда родственники ушли, ко мне заглянул Тацуно. За три месяца приятель написал мне два письма, и ни на одно я не ответил. Конечно, у меня не было для этого времени, но короткую записку послать я мог. Просто каждый раз, когда я брался за перо, что-то меня останавливало. Я не хотел, чтобы Тацуно попал на базу Хиро.

Но мой приятель все равно вскоре должен был оказаться там. Это произошло бы месяцем раньше, если бы во время учебного полета на планере он не порвал связки руки. В Тацуно было что-то трогательное и нежное. При мысли о том, через какие испытания ему вскоре предстояло пройти, я испытывал боль. Он чем-то напоминал Миягаму, который нашел выход, повесившись в уборной.

Из-за этого и потому что теперь у меня за спиной был кое-какой армейский опыт, я дал Тацуно несколько советов:

– Будет очень трудно, но запомни: самые тяжелые – первые два месяца. Ни в коем случае не уклоняйся, когда они первый раз начнут бить тебя битой... Не проявляй неуважения к сержантам... Не делай ничего, что может привлечь к тебе внимание. Просто будь одним среди многих. Как у тебя с выносливостью? Можешь пробежать ускоренным маршем хотя бы три мили? Тогда тебе следует начать набирать форму за несколько дней до отъезда на базу. Тогда тебя будут не так сильно бить. Когда через две недели к тебе приедут родственники, убедись, что твоя мама не привезла с собой ничего съестного. Скажи об этом остальным ребятам в казарме. Иначе вы будете ползать вокруг казармы, получать удары в лицо и... – Я остановился.

Тацуно выглядел уже не очень веселым. Он натянуто улыбнулся:

– Звучит забавно.

– Все не так плохо, Тацуно-кун! – Я обнял его за плечи. – В летной школе нас, видимо, ждут более серьезные наказания, чем тебя, и...

– Ясуо, – перебил он меня, – помнишь, как мы часто мечтали летать вместе, стать истребителями в одной эскадрилье?

Я кивнул.

– Теперь это трудно представить. Ты так далеко впереди меня. Сомневаюсь, что нам когда-нибудь придется летать вместе. Я знаю, что ты станешь истребителем, но что касается меня... не знаю. Я чувствую себя смешным. А сейчас... – Тацуно покачал головой, его голос стал хриплым, – сейчас я боюсь. Ты... ты единственный человек, которому я сказал это, Ясуо.

Я посмотрел ему прямо в глаза:

– Слушай, думаешь, я чувствовал что-то другое всего три месяца назад? Конечно, я не говорил всем и каждому, как мне страшно. Но я боялся, очень боялся! Так происходит с каждым, кто туда попадает. Не важно, кто он. Просто, между нами говоря, человек боится. Когда заглядываешь в будущее, три месяца базовой подготовки кажутся очень большим сроком, но когда оглядываешься назад, они уже не кажутся такими длинными.

– Сейчас я завидую тебе, – сказал Тацуно и посмотрел на царапину на моем подбородке.

– Да, – признался я, – но посмотри на вещи по-другому. Три месяца базовой подготовки, потом полгода в летной школе. Да, это кажется очень большим сроком. Но когда мы выходим оттуда, когда мы взлетаем, несколько месяцев уже не имеют значения. Только подумай, за год мы оба станем истребителями... и, может быть, будем летать вместе.

– Я надеюсь.

– Не унывай. – Я толкнул приятеля. – Мы же друзья?

Тацуно задумчиво кивнул и сказал:

– Наверное, я пойду.

– Встретимся утром! – весело воскликнул я. – Хочу зайти ненадолго в школу.

Неожиданное внимание со стороны семьи, родственников и друзей льстило мне, и я очень быстро почувствовал себя героем. В первый же день своего пребывания дома я высказал все патриотические лозунги, которых от меня ожидали. Я казался себе уверенным, отважным и теперь смотрел на все ужасы базовой подготовки совсем по-другому. Поздним вечером после долгого разговора с отцом и Тосифуми я отправился спать воодушевленным и гордым.

На следующее утро мы с Тацуно отправились в школу. Меня приветствовали так, словно я уже совершил великие подвиги. Каждый день перед уроками в большом зале устраивались общие собрания. При моем появлении преподаватели обошлись без вступительных речей и попросили меня обратиться к ученикам. Мысль о том, что сейчас нужно будет что-то говорить, ужасно меня испугала, но несколько настойчивых учителей под громогласные аплодисменты ребят подтолкнули меня вперед.

К своему удивлению, говорил я спокойно, и речь моя длилась около пятнадцати минут. Я лишь слегка коснулся темы тренировок и ни разу не упомянул о Борове, «тайко бинта», побегах с базы или самоубийствах. О таких вещах просто не говорят перед широкой аудиторией. Вместо этого я описал сложности боевой подготовки и рассказал о занятиях в классах. Я говорил о священном наследии сынов Японии, о нашем будущем и о долге всех здоровых юношей. В заключение под громогласные аплодисменты я поклонился.

Затем слово взял старый директор нашей школы Хори-сан. Он был краток:

– Наша школа удостоена великой чести и горда тем, что в ее стенах воспитывался такой замечательный молодой человек. Мы с интересом будем следить за его дальнейшими достижениями и ликовать, когда он продолжит почетную службу нашему императору и родине. Может быть, многие из вас, кто сидит здесь сейчас, вскоре тоже пойдут его путем.

Я покинул школу Ономити, не зная, что увижу ее в следующий раз при совершенно других обстоятельствах.

За оставшееся до вечера время я навестил нескольких своих друзей, один из которых собирался в морской флот, а последние часы отпуска провел с семьей. Мы долго говорили о моем втором брате Сигэру. От него уже несколько недель не было писем, и мы волновались за него все сильнее. Как капитан контрразведки, служивший на острове Ява, он не мог ничего написать нам о своей работе. Некоторое время назад в одном из редких писем Сигэру просто сообщил, что с ним все в порядке. «Если мне не удастся написать вам еще, – закончил он свое послание, – буду ждать вашего посещения священной гробницы погибших солдат».

Вскоре после ужина мы проводили Тосифуми на поезд в Токио. Время неслось с невероятной скоростью. Казалось, я едва успел вздохнуть, как мой отпуск закончился. Незадолго перед полночью я попрощался с мамой и Томикой – в третий раз за три последних месяца. И хотя я возвращался сейчас с большей уверенностью, прощаться от этого легче не стало.

Отец проводил меня на станцию, где, к моему удивлению, собралось около двухсот пятидесяти учеников. Играл духовой оркестр. Когда мы подошли к станции, раздались приветственные крики, и мои друзья обступили меня, стараясь пожать мне руку на прощание. Мой отец еще никогда не выглядел таким гордым.

Меня засыпали подарками, включая школьное знамя и несколько подписанных флагов Японии. Многие ученики на самом деле порезали себе пальцы и написали на флагах свои имена кровью – символы вечной дружбы. Я должен был носить эти сувениры в бою, как талисманы.

Время от времени я поглядывал на поезд и говорил:

– Ну, может, мне пора...

– Ясуо! – крикнул вдруг кто-то. Это Тацуно отчаянно пытался пробиться ко мне сквозь толпу.

Через мгновение мы обнялись, как братья.

– Скоро увидимся, Тацуно, – сказал я. – Запомни, что я тебе сказал! – Скажи нам что-нибудь, Кувахара! – крикнул кто-то, и остальные подхватили этот клич.

Я попытался отказаться, но все было бесполезно. Оркестр нестройно и фальшиво играл «Огонек светлячка», но от этой музыки на меня нахлынули воспоминания, и на глаза навернулись слезы. Глядя в улыбавшиеся мне лица, я пробормотал:

– Надеюсь, многие из вас последуют за мной.

Наконец проводник гнусавым голосом объявил отбытие поезда.

Через несколько минут состав уже мчался в Хиро, а в моих ушах все еще звучали слова отцовского наставления: «В любых ситуациях поступай достойно, сын мой. Помни, что теперь твоя жизнь тебе не принадлежит. Если уронишь свою честь... не возвращайся и не приноси нашей семье позор и несчастье. Будь гордым, воюй отважно за императора. А если тебе будет суждено погибнуть... я приготовлю тебе достойное место погребения». Сжав мою руку, отец спросил: «Ты же знаешь мое сердце?»

Когда поезд окунулся в ночь, я стал смотреть на свое отражение в оконном стекле. Моим глазам предстал прозрачный призрак, сквозь который виднелись

проносящиеся огни города. Вдруг я почувствовал, что должен запомнить абсолютно все, сохранить где-то в сокровенном уголке памяти эти картины – семью, друзей, родные места, океан в ветреный день, горы и рисовые поля.

Часть третья

Глава 11

Молящийся Богомол

Подготовка в летной школе, как я и ожидал, оказалась лучше, чем базовая. Хотя наказания и продолжались, мы с ребятами сильно подружились и окрепли физически и духовно.

Я очень обрадовался, узнав, что все наши были поселены в одну казарму, состоящую из четырех секций. В каждой секции, как и раньше, жили пятнадцать человек, но на этот раз помещения были немного лучше. К тому же мы жили на отдельной территории базы рядом с пилотами. Летчики, которым лет было не намного больше, чем нам, казались нам бесстрашными, гордыми людьми. Каждый день мы с восхищением наблюдали за их полетами. Это были орлы, добывавшие нашей стране победу.

Нас объединили в 4-ю эскадрилью, и первая часть нашей полугодовой подготовки заключалась в интенсивном изучении воздухоплавания. Также мы начали изучать устройство парашюта. Только через три месяца мы начали летать на «акатомбо» («Красная стрекоза») – маленьком биплане с двумя кабинами для инструктора и курсанта. Наш новый сержант и его товарищи обращались с нами не лучше, чем Боров. Первого сержанта и летного инструктора Рэнтаро Намото мы прозвали «Молящимся Богомол». Он действительно был неуклюжим и чем-то напоминал насекомое. А еще у него был очень твердый характер. Личность Намото было трудно определить. Сержант редко шутил, и я не помню, чтобы он когда-нибудь смеялся. Хотя в мастерстве и храбрости ему отказать было нельзя. Довольно высокий для японца, с гибким, стремительным телом, непроницаемым лицом и змеиными глазами, Намото был самым хладнокровным и расчетливым человеком из всех, кого я знал. Когда он прибегал к наказаниям, это всегда происходило без малейших эмоций. Это была настоящая машина, методичная и точная.

Во время базовой подготовки мы были сбиты с толку и страшно напуганы. Возникшее после расставания с родными чувство опасности, наша мягкотелость и слабость духа, унижение от того, что мы чувствовали себя лишь безымянными пешками, – все это вместе превратило нашу жизнь в настоящий кошмар.

Однако в летной школе с нами произошла метаморфоза. Тайком мы стали сопротивляться тиранам. Конечно, трудно назвать более тяжкое преступление в вооруженных силах, чем неподчинение старшим. Тем более в японской армии. В ответ на неподчинение и месть мгновенно следовало страшное наказание. Но мы сопротивлялись не явно, и потому наше поведение никогда не выглядело вызывающим.

Открытый вызов командирам автоматически означал жестокую кару, а то и просто физическое истребление. Он расценивался даже не как вопиющее

неподчинение, а как прямая попытка унижить начальство. Грубость в адрес сержантов приводила к страшным выводам. Это означало, что нерадивый курсант не подчинялся еще главнокомандующему в Токио и даже самому императору.

С другой стороны, наши мелкие преступления совершались в духе японского характера, сотканного из скрытности и хитрости. Хотя это никто не осознавал, но наши проделки с Богомолем стали чем-то вроде игры и обычно воспринимались с огромным интересом.

Наш первый трюк мы разыграли однажды перед ужином сразу после того, как нас изрядно поколотили винтовочными прикладами. После того как еда была готова, от кухонного наряда требовали разносить блюда по комнатам сержантов. Несколько бесстрашных ребят из нашей эскадрильи, включая Накамуру, Оку, Ямамото и меня, составили план. Как-то вечером мы остановили парня из кухонного наряда по дороге к сержантским казармам, и Ока прошипел:

– Эй! Подождите! У нас есть кое-какая приправа к рису для наших сержантов.

– Что? – переспросил парень. – Эй, вам лучше бы этого не делать. Не надо! Ничего не делайте! Вы хотите, чтобы меня убили?

– Никто ничего не узнает, – прошептал Накамура, – если ты хотя бы на минуту перестанешь пищать, как беременная мышь.

По очереди мы стали старательно массировать и чесать свои головы над блюдом с дымящимся рисом. Несмотря на отчаянные протесты парня из кухонного наряда, нам удалось начесать довольно много перхоти.

– А теперь, – Накамура похлопал по плечу сжавшегося от страха парня, – как следует перемешай приправу. Это наш специальный подарок Богомолу. Парень перемешал рис, покачивая головой и цедя сквозь зубы проклятия.

Мы с осторожностью проследили за тем, как он вошел в комнату сержанта. Оттуда не донеслось ни звука, и через несколько секунд парень вернулся с пустыми руками.

– Он ест свой рис? – спросил я.

– Да, да, да! – прорычал парень и гордо прошествовал обратно в столовую.

– Эй, ему понравилось? – крикнул Ока с порога казармы. – Он поцеловал тебе в знак благодарности руку?

Никакого ответа.

Это был изумительный способ мести. Для нас было не важно, что Богомол не знал о своем унижении. Главное заключалось в существовании факта этого унижения. Очень даже хорошо, что сержант не чувствовал нашего презрения к нему. По крайней мере, репрессии нам не грозили.

Столь успешной была наша эскапада с приправой для риса, что мы решили повторять эту процедуру регулярно. Почти каждый вечер мы сдабривали таким образом ужин Богомола. Через некоторое время Ока предложил для разнообразия использовать немножко человеческих экскрементов. Мы серьезно обсуждали эту идею, когда случилось неожиданное.

Парень из кухонного наряда по имени Морияма в тот вечер, когда мы подошли к нему, стал особенно осторожничать. Нас было чуть ли не двенадцать человек.

– Все вы не можете насыпать туда перхоть, – простонал он. – Богомол заметит. Может, забудем о вашей забаве на время? Вы перегибаете палку. Правда перегибаете.

Ока и Ямамото, как всегда, проявили настойчивость.

– О да, – сказал Ямамото. – Действительно, почему бы нам не забыть пока о нашей забаве... Просто потому, что на кухне оказался ты. Для всех нас подойдет очередь заступать в наряд. И всем нам придется сделать это. Не будь трусом.

– Ладно, – уступил Морияма. – Только перхоть сыпать не всем. Вы все блюдо засыплете.

– Нет, каждый должен внести свою лепту, – заявил Накамура. – У некоторых из нас уже перхоть закончилась! – Бросив обсуждение, он наклонился над блюдом и начал чесать голову, затем сказал: – Следующий, пожалуйста.

Я сделал шаг вперед. Несмотря на возражения Мориямы, каждый дождался своей очереди и исполнил ритуал.

– Теперь смешай все, Морияма, – сказал я, – если не хочешь, чтобы Богомол заметил.

– Чем? – взвизгнул он. – Я должен торопиться, а то он выйдет из комнаты.

– Руками, конечно, – посоветовал я.

– Боже, да ведь он горячий! – Морияма коснулся пальцами риса и поморщился.

– Отважный самурай, – успокоил его Ока. – Будь храбрым самураем.

Несчастный дежурный по кухне, гримасничая, продолжил перемешивать еду.

– Ну, обо что теперь я вытру руки?

– Оближи, – предложил кто-то.

Морияма открыл рот и облизал пальцы, а затем вдруг замер с высунутым языком. Нас всех затрясло. Многие закрыли себе рот руками, чтобы сдержать хохот.

– Проклятье! – выругался Морияма и с видом человека, которого ведут на гильотину, вошел в комнату Богомола. Дверь осталась немного приоткрытой. Мы прижались к стене, напряженно прислушиваясь. Морияма и Богомол обменялись несколькими словами, разобрать которые мне не удалось. Затем дежурный по кухне, видимо, повернулся, чтобы уйти, когда Богомол сказал:

– Будь любезен, задержись на минуту, друг мой.

– Да, господин! – Голос Мориямы дрогнул.

Наступила длинная пауза. Наконец мы услышали, как Богомол произнес:

– Этот рис... от него воняет. И почему он такой масляный? От него ужасно воняет! Откуда ты его достал, из сортира?

– Давайте-ка уберемся отсюда, – мудро посоветовал Накамура.

Мы стремительно пронеслись по коридору и свернули за угол к двери. Через мгновение до нас донесся грохот, а через секунду он уже звучал как ужасный топот ног.

– За дверь! Быстрее! – прошипел я.

Тут же на нас налетел Морияма с остатками ужина Богомола, прилипшими к его затылку и стекавшими вниз по лицу и шее.

– Мы попали! – задыхаясь, пробормотал он. – Мы все! Богомол нас убьет!

На этот раз никто не произнес ни слова. Мы просто молча смотрели, как Морияма направился к туалету.

Узнав о происшествии, мы ждали реакции сержанта, трясаясь от ужаса. Она проявилась на следующий день и оказалась не такой уж страшной. На утренней проверке Богомол устроил нам досмотр. Ни один человек не пошевелился.

– Кажется... – произнес сержант.

В этот момент звено истребителей пронеслось прямо над нами и стало заходить на посадку.

– Смотреть мне в глаза! – прорычал Богомол, затем украдкой взглянул на первый самолет, приземлившийся на взлетно-посадочной полосе и сейчас тормозивший с громким визгом резиновых шасси. – Не умеет как следует садиться, верно? – Это сержант сказал больше себе, чем кому-то из нас, затем продолжил: – Как я уже сказал, кажется, некоторые из вас озаботились состоянием моего здоровья и решили разнообразить мой рацион. Может, вы считаете, что я слишком худой? Так или иначе, я хочу, чтобы те из вас, кто так думает, знали: я ценю вашу заботу. Полагаю, вполне естественно любить своих наставников. Когда я был курсантом, мы тоже любили своих наставников и так же, как и вы, заботились об их здоровье.

Ока издал тихий сдавленный звук.

– Тсс! – предупредил я его.

Богомол продолжал:

– Однако вы можете быть спокойны. Нас, наставников, хорошо кормят, и вам не нужно за нас волноваться. На самом деле вчера вечером, когда дежурный принес мне ужин, я вовсе не был голоден. Я отдал ему весь рис. Между прочим, он оказался очень неряшливым едоком.

На этот раз Ока и Ямамото не сдержались и фыркнули.

– Сегодня, – продолжал сержант, – просто чтобы показать, как я ценю вашу заботу, я приготовил тост. Сержант Китимура! Сержант Маки!

Два сержанта поспешили к нам, неся маленькие чашечки для сакэ.

– Спокойно! – сказал Богомол.

– Мы в изумлении следили за тем, как они начали наполнять чашечки из огромной синей бутылки. – Отлично, – произнес Богомол, когда сержанты наполнили чашечки. – Это сакэ из самой Окинавы!

Я был ошарашен. Могло ли такое быть? Богомол торжественно заявил:

– А сейчас я поднимаю тост за всех вас. За 4-ю эскадрилью.

– Ура! До дна! За 4-ю эскадрилью! – хором рявкнули мы.

Чтобы все понять, потребовалось несколько секунд. Губы каждого из нас вдруг стали синими. Отвратительная на вкус жидкость оказалась чернилами!

На некоторое время мы прекратили свои выходки. В Хиро приехал Тацуно и окунулся в ад базовой подготовки. Поселили его в той же казарме, в которой недавно жил я. Правда, он знал, что его ждет, и подготовился как мог. Встречались мы редко, потому что ни у кого из нас не было свободного времени. К тому же нам не позволяли заходить в чужие казармы. Однажды вечером я тихо разговаривал с Тацуно на улице, когда мимо с несколькими битами в руках прошел Боров. Я думал, что он меня не заметит, но сержант остановился у стены и оперся о биты.

– О, Кувахара вернулся! Смотри, как привязаны эти ребята к родному дому. Особенно когда их оттуда увозят! Они любят его. Не могут долго жить вдали от родины... Да, Кувахара?

Боров дружески хлопнул меня по плечу и вошел в казарму.

– Да, господин старший сержант, – улыбнулся я в ответ. Моя ненависть к Борову пропала, и я испытывал легкое волнение при мысли о том, что теперь мы с ним стали едва ли не равными.

– Похоже, Боров собирается немного укрепить наш боевой дух, – сказал Тацуно.

– Я, пожалуй, пойду.

– Подожди, – остановил я друга. – Если он выведет всех из казармы, значит, сигнала к построению не будет. Еще нет восьми часов. Сержант не заметит, что тебя нет.

Тацуно испытывал вполне понятный страх, но я предложил ему спрятаться за зарослями кустарника в тридцати ярдах позади казармы.

– Если они дадут сигнал к построению, ты сможешь просто выйти и встать в строй.

После некоторых колебаний мой друг успокоился. Мы побежали за кусты и сели на землю. К нашему удивлению, ничего не произошло. Через некоторое время Боров вышел и направился к своей казарме.

– Вот идет самый странный человек из всех, кого я знал раньше, – сказал я.

Мы с Тацуно проболтали довольно долго, потом расстались.

Первые три месяца в летной школе прошли гораздо быстрее, чем во время базовой подготовки, я действительно учился летать. Наконец-то я оказался в настоящем самолете с мотором. У меня появились новые инструкторы. Точно так же, как во время полетов на планерах. Я тщательно изучал воздухоплавание, и время от времени Богомол или другие наставники предупреждали меня, чтобы я немного унял пыл. Приборную панель да и весь процесс полета я знал уже так хорошо, что в глубине души чувствовал готовность взлететь самостоятельно с первой же попытки.

Поднимаясь в воздух, я видел, как мчалась и менялась земля подо мной. В такие моменты я ощущал радость и силу, которая отгоняла прочь все мои боли и неприятности. Беды оставались на земле. Небеса были совершенно иной сферой. Ничто не могло причинить мне здесь вреда. Я принадлежал небу.

По сравнению с полетами жизнь на земле представляла собой яркий контраст. Постоянно и неустанно Богомол наказывал нас. Поскольку сломать курсантов теперь было нелегко, сержант ужесточал меры наказания, и наша злоба стремительно росла. Уже несколько ребят хотели убить его. Не знаю, как это удалось сделать, но кто-то раздобыл немного яда. Группа курсантов решила подлить отраву нашему надзирателю, и отговорить их удалось лишь после довольно горячих споров.

Однако мы начали сопротивляться более активно и уже не так утонченно, как раньше. Четверо или пятеро обычно придумывали способ мести и осуществляли его до тех пор, пока нас не наказывали. Только потом мы начинали разрабатывать новый план.

Богомол ходил с огромным хлыстом и щелкал им при каждом удобном случае. Владел он им великолепно и не очень сильным ударом мог причинить нестерпимую боль.

Однажды, получив хорошую порку, мы собрались в уборной, чтобы придумать новый план. Каждый вечер Богомол поздно возвращался из города, где пьянствовал и развлекался с проститутками. От него воняло спиртным и дешевыми женскими духами. Похоже, по ночам он поглощал огромное количество алкоголя, но утром в его лице и манере поведения не было никаких следов похмелья. Его способности в общении с женщинами, видимо, были еще более внушительными. По словам одного из пилотов, Богомол заслужил себе репутацию величайшего распутника, совершавшего невероятные сексуальные подвиги. Огонь похоти не затихал в нем никогда. Все это, казалось, противоречило нашему представлению об этом хладнокровном человеке со стальным взглядом, которым он представал перед нами днем.

Тем не менее мы решили извлечь выгоду из постоянных отлучек сержанта. Почти каждую ночь наш инструктор около полуночи плелся по коридору к пролету лестницы, который вел в его комнату в дальнем конце казармы.

Мы составили новый план и стали ждать, внимательно прислушиваясь к каждому шороху в нашей казарме. Долгое время стояла полная тишина. Минуты текли очень медленно. Наступила полночь, а Богомол все еще не возвращался.

– Может, он не уезжал сегодня с базы? – предположил я.

– Нет, уехал, – убедил меня Накамура. – Я сам видел, как он смотался сразу после ужина.

– Да, – яростно прошипел Ока, – Богомол ни за что не упустит своей... Ну, вы сами знаете чего!

На нас постепенно начал наваливаться сон. Он окутал нас, как туман, когда дверь казармы вдруг запахнулась. В тускло освещенном коридоре прозвучали гулкие шаги, а через несколько секунд послышался страшный грохот. Испуганные, но очень-очень довольные, мы расползлись по своим койкам. Туго натянутая поперек лестницы проволока сделала свое дело.

На следующее утро Богомол появился с перебинтованным носом. Как обычно без единой тени улыбки на лице, он произнес:

– Я рад отметить, что некоторые из вас оказались превосходными шутниками. Хорошее чувство юмора часто помогает расслабиться. Все ребята из 4-й эскадрильи уже знали, что произошло.

– Сегодня, – продолжил сержант, – я тоже приготовил одну небольшую шутку. Просто для того, чтобы показать вам, что я внимательный человек и оценил ваши старания. Сегодня, пока стоит превосходная, теплая погода, во время физической подготовки вы наденете свою прекрасную летную форму. Смешно, правда?

Мы ждали этого с трепетом. Утром инструктор практически не наказывал нас. Определенно это было затишье перед бурей. Назначенный час наступил. Богомол сдержал свое слово и заставил нас облачиться в летную форму: легкие теплые комбинезоны, ботинки, кожаные шлемы, перчатки и рюкзаки с парашютами. Волны раскаленного воздуха дрожали над бетонной полосой, когда мы приступили к своей обычной гимнастике. Сначала комбинезоны служили как

защита от жгучих солнечных лучей. Кто-то из ребят даже сказал, что нам всегда надо теперь выходить на занятия гимнастикой в такой форме. Я сильно в этом сомневался, потому что первые капли пота уже выступили у меня под мышками. Жара росла изнутри, не оставляя ни малейшей надежды на избавление от нее.

– Минут через пять ты поймешь, какую глупость сказал, – сообщил я одному из оптимистов.

– Да ладно тебе, Кувахара, – ответил он. – Не будь ты таким мрачным.

Когда мы выполняли отжимания, я процедил сквозь зубы:

– Через минуту ты все поймешь, дружище.

– Ничего подобного!

– Дурак!

– Сам болван!

С того момента, как я приехал в Хиро, никто еще не называл меня болваном. Страшно разозлившись, я поднялся на ноги:

– Вставай, щенок! Сейчас мы посмотрим, кто из нас болван!

Парень послушно встал и вызывающе улыбнулся. Я ударил его изо всех сил и тут же сам потерял равновесие. Сцепившись, мы упали на других ребят и неуклюже покатались. Раздались проклятия. Нас растащили. Ямамото схватил меня за руки.

– Хочешь, чтобы нас всех поубивали? – спросил он.

Среди нас сразу же появился Богомол с хлыстом в руках. Правда, эффект это возымело небольшой. Мы уже привыкли к побоям. Ожидая команды приступить к следующим упражнениям, я понял, какую совершил глупость. Внутри у меня уже все горело. Я задыхался. Горло пересохло. Капли пота скатывались со лба, заливали глаза, отчего все вокруг становилось туманным. Все мое тело дрожало, ноги подкашивались. Я не мог заставить себя посмотреть на Танаку, парня, с которым мы только что сцепились.

Когда гимнастические занятия стали подходить к концу, мы уже кипели в своих комбинезонах. Но потом начался традиционный бег по бетонной полосе. В тяжелой одежде было трудно даже просто двигаться, а тем более бежать по страшной жаре. Температура тела продолжала расти изнутри, а солнце вдобавок поднимало ее своими лучами снаружи. Перед началом бега я снял перчатку. Кожа на самом деле жгла мне руку. Мы заковыляли по бетонной полосе, а Богомол беззаботно катил за нами на своем велосипеде. Бетон и яркие солнечные лучи, казалось, тянулись перед нами бесконечно. Я вдруг вспомнил слова нашего командующего: «Императорский путь – длинный путь. Он бесконечен. Конца ему не будет никогда».

«Длинный, длинный, длинный...» Слова начали повторяться у меня в голове. Заливавший глаза пот не позволял смотреть далеко вперед.

«Длинный, длинный, длинный... Жизненный путь японца... он завоюет весь мир. Вот почему он должен быть таким длинным и трудным». Наши ботинки ритмично стучали по бетону. Как я заметил, что у этого летного поля был край? Поворота я не запомнил вовсе. В каком направлении мы бежали? Правда, этот путь действительно никогда не заканчивается. «Длинный, длинный, длинный...» Я как-то вдруг почувствовал, что сзади осталось совсем немного человек. Впереди кто-то споткнулся, рухнул на бетон и покатался по нему. Взлетно-

посадочная полоса начала качаться. Через полминуты еще один парень схватился за живот, согнулся пополам и упал. Он покатился в сторону, и, пробегая мимо него, я вдруг подумал, что бедняга напоминал тонущий в море корабль. Только он тонул в бетоне. Еще один курсант упал, зацепив и потянув за собой соседа. Да, эти оба тоже утонули в бетоне. Здорово. Их тела стали частицами бетона. Через много лет люди начнут ремонтировать эту полосу, вскроют ее и найдут полости в форме этих тел. Если залить в них гипс, получатся статуи. Но даже тогда я буду продолжать бежать вперед под палящим солнцем. Ока, Ямамото, даже Накамура – они станут статуями. Это печально. Но с другой стороны, стать статуей! Если бы я стал статуей вместе со всеми, меня отвезли бы домой в семейную усыпальницу. Я мог бы сидеть прохладными вечерами под деревьями среди цветов, слушая стрекотание цикад. А Томика тихо приходила бы и поливала меня водой, приговаривая: «Мой маленький братик».

Я не заметил, как бетон вдруг резко надвинулся на меня. Тепловатая жидкость из фляги выплеснулась мне на лицо, и я увидел спицы велосипедного колеса.

Глава 12

Полное искупление

Несколько дней никакие тайные планы не приходили нам в голову. Слишком хорошо мы прочувствовали на себе, чего стоили шутки Богомола. Кто-то снова раздобыл яд. Опять разгорелись жаркие споры.

– Мне все равно, что они со мной сделают, – пробормотал потенциальный убийца. – По крайней мере, этот злобный зверь получит по заслугам!

– Да, но всей эскадрилье будет еще хуже, – напомнил ему другой курсант.

Через пару дней яд вылили в туалет.

Примерно неделю спустя после инцидента с гимнастикой в летной форме я впервые испытал неприятные ощущения во время полета. Наша злоба на Богомола достигла вершины очередной волны, и мы стали придумывать для него новые пакости. Как унижить сержанта безнаказанно? Это был жизненный вопрос. На этот раз хотелось устроить нечто более утонченное, чем проволока на лестнице.

– Как насчет хорошенькой порции слабительного? – спросил Накамура.

– Ха, думаешь, нас не поймают? – усмехнулся я. – Снотворное! – в восторге вскрикнул Танака. – Может, снотворные таблетки? Он сломается и не придет на построение!

– Это было бы неплохо, – согласился кто-то. – Богомол на глазах у всех превращается в щенка! Разве он такое переживет?

– В первый же день перепрыгнет через забор и убежит!

– Нет... – Я покачал головой. – Плевать, кто из вас что про него говорит, но он мужик крепкий. Богомол никогда не сломается.

– Ага, он будет звать свою мамочку, а потом повесится от позора.

Я взглянул на Танаку и подавил в себе старую злость на него. Она сохранилась еще с той стычки на взлетно-посадочной полосе. С ним – я прекрасно понимал – мы никогда и ни о чем не договоримся. И постоянно на его губах играла эта

наглая улыбочка. Я мысленно видел, как избиваю его лицо до неузнаваемости, но только одного не могу добиться – уничтожить эту улыбочку.

– Ладно, щенок, – сказал я, – валяй, подсыпай ему снотворное. Посмотрим, что из этого выйдет.

– Отлично, щенок, – ответил он и насмешливо поклонился.

Несмотря на нашу вражду, я с нетерпением ждал результатов проделки Танаки. К сожалению, парень не смог достать необходимых таблеток. Для большинства из нас так навсегда и осталось тайной, каким образом некоторые добывали яд.

Но вскоре мы придумали и разработали новый план. Тацуно превосходно справлялся с базовой подготовкой, и я искренне гордился своим другом. Он был маленьким и бледным. Постоянно казалось, будто его вот-вот свалит с ног какая-нибудь серьезная болезнь, но Тацуно каким-то образом всегда справлялся с трудностями. Даже когда легкий ветерок мог унести моего друга прочь, он цеплялся за жизнь и держался в таких случаях, в каких сдавались физически более сильные и крепкие люди.

Однажды темным вечером мы с Накамурой встретились с Тацуно и его приятелем в уборной.

– У нас есть план, – прошептал я. – Мы поможем вам отомстить вашему сержанту, если вы поможете нам хорошенько нагадить нашему. Нам нужно несколько иглоков. Соберите все, какие найдете в казарме. Все равно никто их не станет проверять. Мы потом вернем вам их... я надеюсь!

Я изложил наш план, и на следующий день у нас было необходимое количество иглоков.

Выбрав вечер, сразу после десяти часов мы пробрались в комнату нашего сержанта, сняли с кровати одеяло и простыни и начали втыкать в матрац иглы остриями вверх. Затем мы снова застелили кровать, расправив одеяло и простыни так, чтобы никто ничего не заметил.

Вернувшись в свою казарму, мы с хихиканьем уселись в темноте.

– Сегодня ночью он хорошо поспит, – прошипел я.

– Так в Индии спят, – сказал Ямамото. – Не могут же йоги нас превзойти.

В ту ночь мы давились от смеха.

– Эй, смотрите на меня, – сказал Ока. – Я – Богомол!

– Это было великолепное представление. Ока проковылял в темный проход между койками, неловко разделся, с удовольствием зевнул и потянулся. – Спокойной ночи, дети. Приятных сновидений, – пробормотал он, медленно укладываясь на свою койку.

В полутьме мы внимательно наблюдали за тем, как Ока закрыл глаза. Вдруг они резко открылись, вылезли из орбит, а изо рта стал рваться немой крик боли. Несколько секунд Ока молотил руками и ногами по койке, затем вскочил и стал подпрыгивать, словно на трамплине для прыжков в воду.

За Окой и Ямамото всегда было смешно следить, потому что оба были быстрые и пронырливые, как белки. Глядя на нелепые движения Оки, мы забились в конвульсиях и смеялись до слез. Другие тоже начали свои представления, и вскоре все пятнадцать человек проснулись.

– Сколько времени? – простонал кто-то.

Я услышал, как Морияма ответил:

– Ох, Ока и Кувахара со своей бандой... опять втянут всю эскадрилью в историю. Мы успокоились только после одиннадцати.

После завтрака всем ребятам из нашей казармы было приказано явиться в комнату Богомола. Лениво постукивая пальцами по спинке стула, сержант отклонился назад и молча взглянул на нас. На столе четырьмя аккуратными серебристыми рядами лежали шестьдесят иголок.

Богомол долго сидел, словно медитируя. Наконец он схватил одну из иголок, прищурил один глаз и прицелился ею в какое-то место на стене.

– Итак? – произнес сержант.

Никто не отозвался.

– Когда я учился в школе, нам такое в голову не приходило. Очень умно. Да, очень умно! – Вдруг Богомол резко рванул стул из-под себя, грустно взглянул на нас и покачал головой. – И вы ничего не знаете об этом, не так ли? – Сержант указал на Накамуру: – Эй, ты, прыщавый, отвечай!

Накамура судорожно глотнул, но ничего не сказал.

– Прекрасно! Честный прямой ответ. Странно только, мой дорогой прыщавый друг, что ты не выражаешь ни удивления, ни непонимания. Очевидно, ты знаешь, что я хочу... выяснить?

– Нет, господин старший сержант!

Богомол встал и начал прохаживаться по комнате, затем остановился перед Мориямой, глядя на него ледяным взглядом.

– Нет, нет... ты ведь тоже ничего не знаешь, верно? Слишком глупо!

Сержант непроизвольно ударил Морияму по носу, затем отпустил нас. Когда мы выходили, он крикнул нам вслед:

– Одна небольшая деталь: на следующее построение каждому из этой эскадрильи принести свои наборы принадлежностей для починки одежды. Сообщите об этом курсантам из других казарм.

Богомол выглядел бесстрастным, когда обнаружил, что у каждого из нас в наборе для починки одежды есть иглы. Он даже оценил нашу умную стратегию и добавил, что в связи с этим приготовил для нас специальный подарок.

И снова первая половина дня прошла спокойно. Даже на физической подготовке не случилось никаких инцидентов.

Потом пришло время наших ежедневных летних занятий.

– Кажется, пару недель назад кто-то очень сильно согрелся в своей форме, – заявил Богомол. – Некоторые даже в обморок от жары падали. Сегодня вы увидите, какой я милосердный человек. Мы не будем надевать летние костюмы. Как вам это нравится?

Забравшись в заднюю кабину самолета, я не заметил, кто сегодня был моим инструктором. Он обернулся, и я узнал своего старого знакомого по базовой подготовке Змея. Его перевели в инструкторы. Я начал пристегиваться ремнями, но сержант покачал головой:

– Извини, но пристегиваться не разрешается, Кувахара!

Я отпрянул назад. Нельзя пристегиваться ремнями! К тому же Змей говорил со мной очень любезно, и это тоже очень сильно пугало.

Мы взлетели и быстро набрали высоту. На пяти тысячах футов Змей с усмешкой оглянулся. Его глаза за стеклами очков выглядели узкими щелями.

– Держись!

Холодный воздух уже бил меня в открытой кабине. Вцепившись в недействующие рычаги, я увидел, как мир перевернулся и ринулся на нас. Мы не спеша выполняли мертвую петлю. Я прижал голову к груди и ухватился за болтавшиеся свободно ремни. Момент был крайне неприятный. Самолет выровнялся и влетел в облако. От сильного ветра я ооченел. Затем, вырвавшись из белого пара, мы начали выполнять вторую петлю. Без ремней! Воздух рвал меня на части, словно гигантская рука. Еще секунда, и меня выбросило бы в небо! Я мрачно боролся с земным притяжением и обжигающим ледяным ветром.

Когда самолет наконец снова выровнялся, я уже не понимал, где находился верх, а где низ. Перевести дыхание мне не удалось. Машина стала резко падать по спиральной траектории. Кровь в моей голове стучала так, будто я залпом выпил целый стакан ледяной воды. Перед глазами все расплывалось и погружалось в темноту. Когда я пришел в себя, мы готовились к посадке. Не в силах двигаться, я просто вывалился из самолета.

Все шестьдесят курсантов прошли через это испытание, и полчаса спустя большинство из нас не могло стоять на ногах. Мы были столь измождены, что Богомол фактически извинился перед нами.

– Ведь вы же служите в военно-воздушных силах. Вы должны приучать себя к подобным вещам.

Однако для меня это был не последний неприятный полет. Всего через две недели произошло странное, необъяснимое событие. Шестеро из нас летели в одном строю, когда Богомол приказал совершить маневр и следовать за ведущей машиной, в которой летел он. Я летел первым в строю и потому сразу последовал за сержантом, когда его самолет сделал вираж, плавно снизился и начал выполнять петлю. Выполнив, в свою очередь, фигуру и выходя из петли, я продолжал держаться на хвосте Богомола, но вдруг по какой-то причине – причине, которая непонятна мне до сих пор, – вместо того чтобы сбросить скорость, нажал на газ.

Почувствовав, что я очень близко, Богомол изменил курс и начал подниматься вверх. Я продолжал держаться в опасной близости от него. Странное это было ощущение. Казалось, самообладание покинуло меня. Мои наушники стали разрываться от криков.

– Убирайся с моего хвоста, придурок! Идиот! Сбавь скорость!

Позади уже появились остальные самолеты нашего звена. Богомол стал резко снижаться, а я следовал за ним как привязанный. Будь у него более быстрая и маневренная машина, мне никогда не удалось бы так долго преследовать сержанта. Но его попытки уйти от меня на тренировочном самолете были тщетными. Богомол крутился, вертелся, взмывал вверх, падал, но освободиться от меня не мог. Мысль сбить его в воздухе вдруг ошеломила меня, но потом я

испугался. У меня возникло ощущение, будто я чуть не попал под воздействие гипнотизера.

Когда мы вошли в крутой вираж, Богомол проревел:

– Поворачивай вправо! Вправо!

Этот приказ подействовал на меня не больше, чем жужжание пойманной мухи. Я повернул влево, и мы избежали столкновения только чудом.

Богомол в отчаянии нажал на газ и помчался в сторону гор над Фукагавой, и вскоре наши моторы ревели между ними над длинными долинами. Поросшие деревьями склоны обступали нас. Я потянул на себя штурвал и увидел, как самолет Богомола взмыл вверх. Еще чуть-чуть, и сержант опоздал бы! Крыло его машины срезало верхушку сосны! Жертва безжалостного насилия – я преследовал Богомола. Мы продолжали подниматься, держась в нескольких метрах друг от друга, а потом над вершиной горы стали разворачиваться.

А потом это случилось! Финал спектакля! Безумие! Богомол выпрыгнул из самолета с парашютом. Я увидел грибок шелкового купола, под которым покачивалась человеческая фигурка размером с куклу. Она становилась все меньше и меньше. Богомол плавно спускался в долину, когда вдалеке что-то вспыхнуло. Самолет сержанта совершил свою последнюю посадку.

В моей голове стоял громкий гул. Тело стало словно восковым. Наверное, я бы разбился где-нибудь, если бы в наушниках не раздался голос:

– Кувахара! Возвращайся! Разворачивайся и возвращайся, а то пожалеешь! Вспомни о своей семье! Вспомни об императоре! Вспомни о своем долге!

Надо мной кружил Змей.

Весь этот эпизод, как отрывки сна, длился несколько минут. Я кое-как присоединился к своему звену. Здравомыслие вернулось ко мне, а вместе с ним пришел леденящий душу страх. Дрожа от постоянно растущего ужаса, я выполнил оставшиеся маневры. Сразу после посадки меня повели к командующему. Наши игры над горами Фукагавы быстро привлекли к себе внимание начальства.

Богомол был уже здесь, живой и невредимый. Его подобрала санитарная машина. Ситуация была странной. Когда я отрапортовал командующему, он приказал нам сесть. Разговор пошел в удивительно неформальной обстановке. Очевидно, мои действия потрясли командующего. Казалось он полагался больше на собственное мнение, чем слушал других.

– Ну, расскажите, что произошло. Сначала послушаем тебя, Намото.

Богомол украдкой бросил на меня пылающий взгляд.

– Господин командующий, я должен сказать, что этот курсант безумен! Это совершенно очевидно! Во время обычного тренировочного полета он изо всех сил старался протаранить мой самолет. Если бы я не выпрыгнул из машины, это ему удалось бы. Он...

– Как долго он тебя преследовал?

– Несколько минут, господин командующий. Он... – Неопытный новичок, и ты не смог оторваться от него?

– Я...

– Интересно... Много забавных случаев произошло с тех пор, как я приехал в Хиро, но ничего подобного я еще не видел.

Командующий взял карандаш, подержал его над листом бумаги, затем повертел в пальцах и стал стучать им по столу. Вдруг он на мгновение улыбнулся:

– Конечно, время от времени мы теряем одного-двух сержантов.

Богомол замер. По-прежнему постукивая карандашом и не поднимая глаз, командующий спросил:

– Что ты можешь сказать, рядовой Кувахара?

Я запнулся и посмотрел себе под ноги.

– Мне... мне нечего сказать, господин командующий.

Что я мог сказать? Как вообще можно было объяснить происшедшее?

– Ты хотел убить этого человека?

– Нет...

– Хотел покрасоваться перед товарищами?

– Нет, я...

– Господин командующий! – Богомол бросил на меня мимолетный взгляд, но командующий заставил его замолчать резким, почти раздраженным жестом.

– Гм, когда ты решился на такой поступок?

Я судорожно глотнул.

– Я не решался. Я хочу сказать... не знаю, господин командующий. Я просто летел следом... как сержант инструктировал нас. Я... просто летел вслед за ним.

– Понятно. А не слишком ли близко к самолету сержанта ты летел? Сержант Намото так и подумал. Ему стало так не по себе, что пришлось в срочном порядке покинуть самолет. Одна из лучших наших тренировочных машин разбилась.

Богомол изо всех сил стиснул челюсти.

– Простите, господин командующий, – произнес я и понял, как глупо прозвучали мои слова. Но больше мне сказать было нечего. – Богомол приказал нам лететь за ведущей машиной. Я последовал за ним.

Некоторое время командующий сидел молча. Он потер бровь, покачал головой и тихо выругался. Командующий был маленьким человечком, которого никто не заметил бы даже на улицах Ономити. Но военная форма, казалось, придавала ему солидности. Его выправка, жесты, скрытая сила свидетельствовали о том, что в этом маленьком теле жил большой человек.

– Знаешь, кем я хотел быть, когда поступил в университет? – спросил он. – Я хотел быть... фактически я решил стать... психиатром. Но... – Командующий зажег сигарету, затянулся и выдохнул облачко дыма. – Знаешь, как это бывает. Нужно очень много денег. – Через некоторое время командующий продолжил: – Может, рядовой, ты похож на меня. Моя мать работала, как рабыня, чтобы купить мне велосипед. – Казалось, он погрузился в воспоминания. – Мне было... нет, не больше десяти лет... когда умер мой отец. В общем, кататься на велосипеде меня научил старший брат. У него уже был велосипед. Насколько я помню, он его где-то украл. «Поезжай за мной, – сказал мне брат. – Делай все, как я!» – Командующий усмехнулся. – Знаешь, а я ведь тогда еще даже не научился держать равновесие. Ну, мы поехали по дороге, выбрались из деревни, и все у меня хорошо получалось. Каждый раз я вспоминал слова: «Поезжай за мной,

делай все, как я». Это все, что он сказал, мой безумный братец! И я ехал за ним слишком близко. Под колесо, видимо, угодил камень, потому что я врезался в заднее колесо ехавшего впереди брата, и мы упали... прямо на свежеспаханное рисовое поле!

Вдруг мы втроем рассмеялись, как друзья. Я впервые услышал, как смеется Богомол.

– Ха-ха! «Просто делай все, как я»! Несколько дней мы дулись друг на друга, и мне пришлось найти другого учителя.

Мы снова рассмеялись. Затем беседа закончилась.

Командующий отпустил нас с сержантом, и меня отправили на гауптвахту «подумать о своем поведении». Конечно, командующий отнесся ко мне с удивительным вниманием, но Богомол быстро постарался восстановить «справедливость». Он тихо проводил меня на гауптвахту.

– Может, глупый командир не захотел, чтобы ты искупил свою вину, Кувахара...

Тут я увидел у него в руках дубинку.

– Но, поверь мне, ты ее искупишь. За такое оскорбление ты заплатишь сполна!

Я поднял руку, чтобы заблокировать удар, но сержант нанес его очень быстро и сильно.

В моих мозгах произошел взрыв. Мне показалось, будто я услышал стук дерева о мой череп... услышал его всем своим телом. Потом черная дыра поглотила меня. Боли я уже не чувствовал.

Не могу сказать, сколько я пролежал – несколько минут или часов. Постепенно чувства стали возвращаться ко мне, но некоторое время я не осознавал себя человеком. Перед глазами расплывалось лишь какое-то слабое мерцание где-то на границе реальности. Холод, холод. Наконец на губах сформировались слова: «Что я делаю в океане?» Мне пришло в голову, что я умер. Но когда ты умираешь, тебя хоронят в земле. Ты как-то тонешь, тонешь, пока не окажешься в океане. Просто тихо лежишь на его дне. Это не больно, если лежать тихо. Только темно и холодно, очень холодно. И ужасно жестко. Почему тут должно быть так жестко?

Я лежал лицом вниз. Мои руки нащупали бетонный пол. Пол! Тогда я стал постепенно вспоминать. Несколько секунд я никак не мог вспомнить, как и почему я кого-то унизил. Наконец, в памяти всплыли слова: «За такое оскорбление ты заплатишь сполна!» Постепенно мой мозг начал проясняться. Тем не менее я по-прежнему лежал – двигаться не имело никакого смысла. Пол был не только холодным, но и влажным, и во рту у меня появился привкус, напоминавший морскую воду. Я ощупал свое лицо и почувствовал начинающую пульсировать боль. Над левым ухом вздулась опухоль. Она больше походила на рубец от удара дубинки, чем на шишку. Я снова прикоснулся к лицу. На нем запеклась кровяная корка. После того как я упал, Богомол, очевидно, еще избил меня ногами. Я сел и тупо уставился на прямоугольник света на полу. Он был разделен на части. Я посмотрел на зарешеченное окно, с трудом поднялся на ноги и выглянул наружу. Уже наступил вечер.

Хиро тонул в тишине, если не считать отдаленных звуков дружных шагов. Сержанты проводили с новичками строевую подготовку. Гауптвахта представляла собой простую квадратную камеру – ни кровати, ни стула, ни даже соломенного

матраца, чтобы сидеть на нем. Несколько минут я держался за решетку, глядя в окно. Когда мои ноги начали подкашиваться, я сел в углу и прислонился спиной к стене, обхватив колени руками и положив на них голову. Так или иначе, но оскорбление Богомолу было нанесено серьезное. В каком-то смысле я отомстил за всю 4-ю эскадрилью, приклеившись к нему в воздухе. Что бы сержант ни предпринимал, я держался за ним и пробил его стальное спокойствие. Он был убежден, что я жажду убить его.

Щелчок в двери заставил меня вздрогнуть. Она слегка приоткрылась. Охранник наклонился и поставил что-то на пол.

– Вот твоя еда и одеяло, – сказал он, и дверь с лязгом захлопнулась.

Только тогда я понял, насколько был голоден. У меня просто сводило кишки.

На ужин были только рис, маринованные овощи и вода, но я жадно проглотил все это, словно животное, измазав подбородок. Лицо пронизывала пульсирующая боль. Она очень мешала есть, но сейчас это не имело никакого значения. Немного риса просыпалось на пол, и я тщательно собрал его, проглотил все до последнего зернышка, а потом начисто вылизал миску и пальцы.

Прямоугольник света на полу потускнел и удлинился. Расстелив одеяло, я лег на его краешек и завернулся. Я постарался замотаться как можно плотнее, чтобы подо мной оказалось два слоя. Холодная осенняя ночь просачивалась сквозь решетки и заставляла меня дрожать. Придвинувшись поближе к стене, я заснул с мыслью о том, что завтра меня могли освободить.

Однако я жестоко ошибался. Пребывание на гауптвахте оказалось самым неприятным опытом за все время моей летной подготовки. Весь следующий день я с надеждой ждал освобождения. Лишь два события нарушили пустоту тех часов. Один раз мне разрешили пройти в уборную. Вечером дверь снова открылась – принесли миску все с теми же маринованными овощами и рисом. На сей раз я ел более медленно, тщательно смакуя каждый кусочек. Я пробовал вспомнить постулат, что пища не имеет большого значения. Нам ведь действительно прививали такое отношение к еде. Разве молодые самураи не могли обходиться без продовольствия несколько дней? Когда еды под рукой не было, они спокойно сидели, ковыряя зубочисткой в зубах и представляя, будто только что закончили роскошную трапезу.

Закончив собственную роскошную трапезу, я снова завернулся в одеяло, собираясь или, по крайней мере, надеясь заснуть до утра. Наверное, я мог тогда проспать и гораздо дольше, но после пары часов тревожной дремоты поднялся и начал ходить по камере. Пол не стал мягче, а моя специальная методика завертывания в одеяло все-таки не спасала от холода.

Мои лопатки и бедра ныли. Мало кто может долго нежиться, лежа на бетоне. Левая часть моей головы была все еще как деревянная от удара дубинки, а под глазами сияли синяки, оставленные ногами Богомола. В каком-то смысле я был даже доволен, что сержант сразу наказал меня так строго. Может, теперь он оставит меня в покое до освобождения? Сначала я почему-то был уверен, что просижу в камере один день, но на вторую ночь уже задумался. Вдруг меня будут держать здесь несколько недель?

– Кувахара!

Я вздрогнул. Кто-то окликнул меня? В тот день несколько раз слова звучали лишь в моем мозгу.

– Кувахара! Эй, подойди к окну! На этот раз никакой ошибки. Несомненно, мои друзья тревожились за меня. Может, они принесли немного еды? Вцепившись в решетку, я выглянул наружу.

– Кто это?

– С тобой все в порядке? – услышал я и разволновался. – Дай мне посмотреть на твое лицо. Все в порядке?

Прижав свою распухшую физиономию к решетке, я прошептал:

– Накамура? Я здесь. Кто это?

– Это я! – прорычал дьявольский голос, и что-то щелкнуло, опалив мое лицо, как горящий факел.

Вскрикнув, я отпрянул назад, закрыв руками ушибленное место. Под окном со своим хлыстом присел Богомол. Пока я корчился на полу, он прошипел:

– Зачем так злиться, ублюдок? Я просто проверил, в порядке ли твое лицо.

Хлыст прошелся от моего рта по носу и одному глазу. Из него обильно потекли слезы. Глаз ничего не видел. Через некоторое время я подполз к одеялу, завернулся в него и несколько часов гладил ушибленное место. Каждый раз, когда я останавливался, оно начинало болеть и гореть огнем. Примерно от четырех до семи утра я время от времени терял ощущение боли. Должно быть, сон одолевал меня, но он не приносил мне успокоения – лишь редкие черные провалы.

Наконец свет в окне превратился из серого в голубой. Я встал и начал ходить взад-вперед. Вдалеке на взлетно-посадочной полосе заревели моторы – замечательный звук! Внезапно меня охватил ужас. Если я надолго останусь на гауптвахте, мои шансы на попадание в школу летчиков-истребителей станут ничтожными. Эта мысль потрясла меня, но в тот момент, когда моя голова начала кружиться, дверь камеры открылась.

Это был мой друг Богомол.

– Иди сюда! – приказал он. – Кругом!

Так... очередное избиение. Хорошо, что прежде я испытал это уже много раз. Я мрачно сказал себе, что, по крайней мере, оно внесет хоть какую-то свежесть в монотонность заключения на гауптвахте. Но даже после ночной выходки действия сержанта оказались сейчас для меня неожиданностью.

Первый удар заставил меня упасть на руки и колени. Второй повалил плашмя на пол. Богомол использовал мокрый хлыст диаметром дюйма полтора.

Снова и снова в течение того дня обработка повторялась. Один удар обычно сбивал с ног, и, если сознание не покидало меня сразу, я, так или иначе, терял его от боли. Снова, снова и снова... ожидание от одного избиения до другого, дрожь и стенания, проклятия, мольбы Богу, который забыл обо мне. Когда охранник открыл дверь, чтобы отвести меня в уборную, я задушил в себе крик, а когда принесли ужин, я сжался в углу. После ухода охранника я долго трясся и грыз свои пальцы. Обработка хлыстом проводилась каждые два часа.

Третий день постепенно сменился четвертым. Рано утром рациональное мышление вернулось ко мне. Я начал задаваться вопросом, как Богомол

отреагирует, если мы вдруг поменяемся ролями? Можно ли было заставить его корчиться, унижаться, молить о пощаде? Восхитительная мысль! Но я сомневался, что это можно будет сделать. Как заставить сержанта молить о пощаде?

На мгновение я вспомнил нашу тренировку на выживание в горах за пределами базы Хиро. Богомол не давал нам спать почти четыре дня, и больше двух дней мы оставались без пищи. Я вспомнил картину: мрачные новички, окружившие Богомола с заряженными пистолетами. И этот человек не проявил вообще никаких эмоций. На его лице не отразилось даже следа беспокойства. Сержант просто посмотрел на них и заметил:

– Зачем все это? Вы только наживете себе неприятностей.

Когда ребята дрогнули и отступили, он как бы невзначай добавил:

– Ведь вы учились есть и спать с самого своего рождения. Теперь вы должны научиться обходиться без еды и сна.

И это был тот самый человек, которого я оскорбил. Богомол не только ненавидел меня, но и, как я смутно чувствовал, считал себя обязанным отплатить мне за все. Конечно, он был садистом, но мое наказание было бы жестоким в любом случае. Долг японца – отплатить за оскорбление. Впрочем, и за добро тоже.

В конце концов мои мысли снова вернулись к школе истребителей. Она все еще имела для меня огромное значение, теперь даже больше, чем когда-либо. Я не сразу вспомнил, сколько прошло дней. Возможно, я все еще мог попасть в нее. Возможно. Это было единственная вещь, которая была важна для меня. Я даже о родном доме не думал.

Затем вспышка оптимизма ушла. Открылась дверь. Теперь мне было наплевать, что меня ожидало.

– Убей меня, – хрипло заорал я. – Убей меня! Закончи свое дело!

Сержант медленно приблизился:

– Вставай, Кувахара.

– Нет! – прокричал я в ответ. – Нет! Нет! Нет!

– Вставай!

Я стал проклинать его:

– Контikusё! Бакаяро! Гаки![6]

Он подошел совсем близко, держа хлыст наготове.

– Хорошо, если хочешь на полу...

Я бросился вперед и пнул Богомола в голень. Сержант обругал меня всеми грязными словами, какие смог вспомнить, а знал он их больше, чем я. Но снова мне удалось поколебать его ледяное спокойствие, и именно за это он ненавидел меня больше всего. Я попробовал откатиться подальше. Хлыст со свистом разрубил воздух. Снова черное забвение, и я погрузился в него.

Приблизительно часа через два дверь открылась снова. Я с отсутствующим видом посмотрел на Богомола.

– Вставай!

– Нет, – только и смог прокаркать я.

Рука поднялась. Да, так оно и случилось – снова черная дыра. Замечательная, благословенная большая черная дыра!

Наступил полдень, а я все лежал и размышлял о черной дыре. Там было неплохо, но она могла задержать меня совсем не надолго. Я всегда выныривал на поверхность. Иногда свет усиливался, и тогда я нырял в глубину, но оставался там с каждым разом все меньше и меньше. Черная дыра и темный угол камеры были связаны между собой. Почему мне всегда нужно было возвращаться? Почему я не мог остаться внизу? Почему? Почему? Потом я нашел ответ. Я мог остаться там навсегда! Меня наполняло ощущение победы. Потом я начал ходить по камере. Мои раны ныли, это уже не имело значения. Я кое-что искал. У меня под рукой была одна лишь металлическая миска из-под риса. Возможно, ее можно было как-то согнуть, а затем заострить об пол.

Зажав миску, я стал бить по ней каблуком. В небе гудели моторы самолетов. Эти звуки теперь были слышны постоянно. Я посмотрел на зарешеченное окно и увидел стрекозу. Я медленно поднялся и направился к пятну света. Когда насекомое танцевало в лучах солнца, его крылья издавали странное жужжание. Край окна находился примерно на высоте плеч. Глубина проема до решетки составляла около шести дюймов.

Вдруг я понял, что это очень просто. Очень удобный край окна! Многие проходили этот путь до меня. Скамья, стол, ступенька лестницы или подоконник – это не имело значения. Я сжал голову руками. Да, это будет превосходная работа. Просто высунуть язык, зажать его между зубами, обхватить голову руками... И потом! Я ударюсь изо всех сил подбородком о край окна. Язык окажется откушенным, и я истеку кровью до смерти. Да, уже не один человек умер в Хиро таким образом.

Я все еще сжимал голову руками и сейчас отпустил ее, чтобы посмотреть, обо что ударится мой подбородок. Времени совершать неудачную попытку не было. Высунув язык, я осторожно пожевал его. Было страшно, но не настолько, как мне казалось раньше. Я вдруг даже почувствовал какой-то интерес. Все это напоминало медленное горение.

Стрекоза вернулась и теперь летала совсем рядом с окном. О чем нам там рассказывали в школе? О том, что, находясь в неволе без пищи, стрекоза в конце концов начинает отъедать себе хвост и не останавливается, пока не сожрет половину своего тела. Конечно, я не мог сравниться с ней, откусив всего лишь свой маленький язык.

Огромные миндальные глаза. Я никогда не замечал, что эти глаза могут так смотреть. Словно зачарованный, я не мог отвести взгляда от дрожащего голубого тельца... от прозрачных ажурных крылышек. Почему у стрекоз четыре крыла, а не два? Я протянул насекомому палец. Стрекоза отпрянула в сторону, немного повисела в воздухе и улетела.

Я долго смотрел в одну точку, затем взглянул на свои руки, сжал и разжал пальцы. У мамы были точно такие же руки. Она всегда говорила об этом сходстве. Ногти имели точно такую же форму полумесяца, как у нее. Я медленно поднял руки и нащупал свои волосы. Они были грязными, жирными от пота. Но они были моими. Это самое главное. Они были моими волосами. Я прижал ладонь ко лбу и провел пальцами по носу и губам. Они тоже были моими. Гул моторов самолетов стал еще громче.

Я подожду еще немного. Да, я убью себя, но сначала немного подожду.
Я медленно сел и заплакал.

Глава 13

Летчик-истребитель

На четвертый день вечером меня выпустили с гауптвахты и заставили целую неделю дежурить в уборной. За эту неделю я обнаружил, что, если тихонько стонать, можно здорово справляться с болью. Работы было немного, но я носился, не обращая внимания на хромоту, мыл полы, чистил туалет, страдая больше, чем когда-либо, – даже если сравнивать с базовой подготовкой. Богомол избил меня пятнадцать или шестнадцать раз. Я даже точно не помнил.

Это была очень важная неделя. Если бы я сдался боли, меня отправили бы в лазарет, и тогда у меня уже не осталось бы шансов попасть в школу истребителей. Тренировочные полеты проходили очень быстро. По окончании второй стадии подготовки все мы должны были быть распределены согласно своим способностям: истребитель, бомбардировщик, связь или школа авиамехаников. Естественно, большинство из нас мечтало о первой специальности. Для меня же это был буквально вопрос жизни и смерти. После всех этих испытаний болью, борьбы, душевных страданий оказаться в школе механиков или связистов! Одна эта мысль была для меня невыносимой.

Если бы не мои друзья, меня наверняка отправили бы в лазарет. Каждый вечер Накамура, Ямамото и Ока натирали меня маслом и массировали. Несколько раз они помогли мне почистить уборную. Это были искренние проявления дружбы и верности. Я стал кем-то вроде героя 4-й эскадрильи. Два раза ко мне приходил Тацуно. Его дела шли хорошо, и он вскоре приступал к тренировочным полетам на настоящем самолете.

Кое-как я протянул эту неделю. Спустя одиннадцать дней после той памятной погони я снова поднялся в воздух. За это время многие ребята заметно повысили свой уровень, но я все равно числился среди лучших летчиков. Довольно странно, но Богомол больше не заставлял нас играть в игры с полетами за ведущей машиной. Конечно, мы уже научились очень многому, чтобы пускаться в такие детские гонки.

Каждый день я с воодушевлением смотрел в небо. Я был рожден летать и знал это. Этот птичий инстинкт я так сильно почувствовал на горе Икома. Попытки унижить Богомола больше не предпринимались. Конец был слишком близок. К тому же наказания стали применяться реже и уже не были такими жестокими. Даже наш сержант иногда уставал.

Окончание летной школы приближалось, и я волновался все сильнее и сильнее. Да, я был среди лучших летчиков эскадрильи, но совершил несколько ошибок. И все-таки... Сомнения и страх постоянно мучили меня. Никто точно не знал, сколько курсантов отберут в школу истребителей. Ходили разные слухи. Кто-то говорил, что возьмут только двух или трех человек. Другие утверждали, что около двадцати.

Вдобавок к этим сомнениям меня еще мучила мысль о том, что я мог не попасть в число летчиков-истребителей из-за своего конфликта с Богомоллом. Хотя сержант внешне больше никак не проявлял ненависти ко мне. Наоборот, он, казалось, испытывал ко мне живой интерес. Но разве я не был одним из тех немногих, кто так хорошо умел летать вслед за искусным инструктором? Внутри меня постоянно боролись оптимизм и пессимизм. Когда до решающего дня осталась всего неделя, волнение стало таким сильным, что я едва не сошел с ума. Если меня поджидает неудача... Да, выход был очевиден. Только самоубийство станет единственным способом обрести покой.

Некоторые ребята, возможно, переживали не так сильно, но во всей 4-й эскадрилье все равно царило напряжение. Близкие друзья смотрели друг на друга как волки. При малейшем поводе возникали драки. Ока и Ямамото дважды чуть небросились в рукопашную, а я едва сдерживался, чтобы не кинуться с кулаками на Танаку, когда тот находился рядом. Всегда с усмешечкой и своими глупыми комментариями.

И все же мы как-то справились с напряжением последних дней. Обучение было окончено, и распределение произошло. В один из осенних дней я пробрался сквозь группу курсантов. Они собрались у доски, на которой вывешивались приказы. Вокруг слышались громкие разговоры и восклицания. Прочитав приказ, многие молча разворачивались и уходили. Лишь немногие проявили какие-то эмоции, но по их понурой походке, по опущенным плечам было видно, что они подавлены.

Я пробрался вперед и встал на цыпочки, пытаюсь прочитать приказ. Передо мной все время маячили чьи-то головы и спины.

– Школа бомбардировщиков! – воскликнул кто-то, найдя в списках свое имя. – Не так плохо. Я боялся, что меня запишут в авиамеханики!

Один за другим курсанты читали свои имена и назначения, а затем уходили по одному или группами. Кто-то возбужденно болтал, кто-то хмуро молчал.

– Эй, Кувахара! – крикнул мне Ока. – Меня приняли!

Когда приятель направился ко мне, кто-то загородил ему дорогу. Ока бесцеремонно оттолкнул его в сторону:

– Эй, Кувахара... Ясуо, меня приняли!

– Отлично! – великодушно ответил я, но мои нервы готовы были лопнуть от напряжения.

– Я искал твое имя, – сказал приятель, – но они не дали мне времени... толкаются, как стадо баранов. Сакамото там ближе всех. Быстрее попроси его найти твое имя. Сакамото! Куда там Кувахару записали?

– Наверное, в связь, как меня, – ответил курсант.

– Что? – Я едва не задохнулся. Никогда, даже на гауптвахте меня не охватывал такой холод. Чуть не подавившись, я бросился вперед и уткнулся в чью-то спину.

– Да спокойно ты, Кувахара, тебя записали в истребители. И не надо из-за этого всех валить на землю. – Это был Танака. Впервые усмешка сползла с его лица. Он повернулся и зашагал прочь.

Откуда он узнал, что меня взяли в школу истребителей? Ведь Сакамото сказал... Наконец, я оказался прямо перед доской с приказами и стал лихорадочно искать

свое имя в списке. Где же я? Сначала я никак не мог найти собственную фамилию! Да где же она? Ах, вот: «Кувахара... Школа истребителей!» Я повернулся, чтобы уйти, но тут же снова посмотрел на доску, чтобы удостовериться, не обманули ли меня глаза. Да, да, Сакамото ошибся.

– Ока! – Я поднял вверх большой палец.

Рядом с ним стоял Ямамото, и оба просто сияли. Эти два приятеля были просто неугомонными.

– Ямамото, ты тоже! – засмеялся я.

Он кивнул, и мы бросились обнимать друг друга, как родные братья.

– А что с Накамурой? – вдруг испугался я.

– Он с нами, – ответил Ямамото. – Я видел его имя.

– А где же он сам-то? – удивился Ока.

Через несколько секунд мы уже хлопали Накамуру по плечам и толкали сквозь толпу курсантов к доске. Он вытянул шею. Глаза его возбужденно блестели.

– Эй, истребитель! – заорал Ямамото. – Что ты там делаешь среди всех этих механиков?

Накамура повернулся к нам со смущенной улыбкой на лице. Ямамото бросился к нему:

– Давай! Вперед! Пробирайся туда!

Мы с Окой замахали руками и закивали.

– Вы видели мое имя?

– Да, – ответил Ямамото. – Ты – истребитель... вместе с нами. Ты и Ясубэй!

Ясубэй – имя знаменитого самурая. Я был невероятно польщен таким неожиданным сравнением. Мы стали так энергично поздравлять Накамуру, хлопая его по плечам, что он едва не упал. Никто из нас никогда не был так счастлив. Ни разу в жизни. Для меня же это событие было более радостным, чем победа в чемпионате по планерному спорту.

В школу истребителей попала примерно треть курсантов – гораздо больше, чем мы ожидали. Но из нашей секции казармы счастливыми оказались только мы четвером. Наша огромная радость немного погасла, когда мы поняли, какой тяжелый момент переживали сейчас остальные.

В тот вечер, вечер перед выходом из летной школы, многие ребята сидели понурые и задумчивые. Мне даже стало немного жаль Танаку. Его вечная усмешка исчезла. Многие из нас ожидали, что его возьмут в истребители, и сейчас мы пребывали в недоумении. Мне искренне хотелось что-то сказать ему, как-то ободрить, но я боялся, что мои слова вызовут у него агрессию. И все-таки у него были хорошие шансы стать бомбардировщиком.

Морияму, Симаду и еще двух или трех ребят записали в авиамеханики. Они с мрачным видом сидели вместе. Похлопав их по плечам, я сказал:

– Не грустите, ребята. Я слышал, что в школе механиков совсем не плохо. На самом деле там даже интересно.

Они молча посмотрели на меня, и я понял, как глупо сейчас выглядел.

– Да ладно вам. У вас будет шанс стать истребителями попозже.

Я не верил в собственные слова и чувствовал себя очень неловко. Никто из ребят не проронил ни слова. Морияма пожал плечами и скорее ехидно усмехнулся, чем улыбнулся. Ситуация сложилась крайне неприятная, и я чувствовал, как с каждой минутой она становилась все хуже и хуже. Ребята начинали злиться.

– Ну ладно... – Я еще раз неуверенно похлопал Морияму по плечу и ушел, даже при этом чувствуя себя невероятно глупо.

Остальную часть вечера я старался держаться от них подальше. Когда Ока начал уж слишком громко радоваться, я сказал ему, чтобы он поумерил свой пыл. Мы вчетвером вышли из казармы и уселись, глядя на красные огоньки диспетчерской вышки. Здесь мы быстро забыли о горестях других ребят и стали говорить о будущем.

До сих пор я прекрасно помню речь командующего, которую он произнес на следующий день. У меня были причины относиться с уважением к этому человеку. Я был готов почувствовать очередной прилив патриотизма, похожий на тот, который испытал после окончания базовой подготовки. Но на этот раз ситуация все же немного изменилась, и я запомнил речь по другой причине. В заключение командующий сказал:

– В будущем нас ждут большие трудности. Вам, сыны Японии, выпало посвятить свою жизнь... героически погибнуть за правое дело. Мы испугались, потому что такие слова звучали очень странно. Последние полгода мы были так погружены в подготовку, что совсем потеряли связь с окружающим миром. Как ушат холодной воды подействовала на меня мысль, что мы вступали в войну... Впервые я услышал от официального лица, что положение Японии было очень тяжелым.

Наступил октябрь 1944 года. Много событий произошло с тех пор, как я покинул дом в феврале. Не я один ощутил перемены. Атолл Кваджелейн был первой территорией, на которую в феврале вторгся враг. В июне пали Марианские острова. К июлю Хидэки Тоё открыто признал потерю «в результате страшной катастрофы» провинции Сайпан и был освобожден от должности главы правительства. Весь его кабинет тоже подал в отставку. Но тогда, после окончания летной школы, многие из нас забыли о резком повороте в ходе войны. В некотором смысле она была реальностью, но по большому счету казалась чем-то далеким. Меня записали в истребители, и это было самым важным.

Часть четвертая

Глава 14

Первые живые бомбы

Жизнь снова круто переменилась. Впереди нас ждала учеба на летчика-истребителя, и к нам стали относиться гораздо любезнее. Огромный груз наказаний свалился с нас, и наша жизнь теперь была посвящена небу. В первые два месяца подготовки мы летали на самолетах, похожих на настоящие истребители. Возможно только, они были не такими мощными и маневренными и снабжены малокалиберными пулеметами. Так нас готовили к полетам на «Хаябуса-2», лучшим в то время истребителе, стоявшем на вооружении в армии.

Курс обучения был сложным. Он включал стрельбу из орудий, полеты в строю, маневры и практику таранов. Последняя заключалась в пикировании на диспетчерскую вышку и была самой опасной частью подготовки из-за психологического напряжения, возникавшего от мысли, что мы готовились умереть. Считалось само собой разумеющимся, что пилот в подбитом самолете должен умереть, как настоящий самурай, и доказать тем самым, что он не может вернуться побежденным. Он должен был протаранить корабль или самолет противника, забрав с собой как можно больше врагов.

Именно с этой мыслью я в первый раз нырнул по направлению к диспетчерской вышке. С высоты две тысячи футов я смотрел на базу Хиро, на окружавшие ее окрестности – горные хребты и зеленые долины, поля, простиравшиеся до берега мерцающего моря. На земле виднелась бетонная полоса, выстроившиеся на краю летного поля в ряд самолеты и ангары. Инструкторы с гулом проносились в самолетах, поднимая звенья по три машины. Я увидел, как один из них вышел из строя и начал пикировать. Второй самолет накренился на одно крыло и последовал за ним, потом третий. Они понеслись к земле. Следующее звено. Вот и они стали пикировать, становясь все меньше и меньше. Еще одно звено.

Сейчас передо мной осталась лишь одна машина. Моя очередь. Повернув штурвал влево, я почувствовал, как земля понеслась мне навстречу. Первое звено вышло из пике, потом второе, затем тот парень впереди меня... Земля рванулась вверх. Поле аэродрома и здания стремительно росли, как по волшебству.

На какое-то мгновение я был почти загипнотизирован. Все вокруг становилось больше и ближе, больше и ближе... Я был поражен собственной отвагой. Сейчас! Штурвал на себя... Кровь забурилась в моей голове, как будто продолжая течь вниз. За стеклами кабины поплыли черные пятна. Потрясенный, я шел ровно на высоте двухсот футов над целью вслед за летящим впереди самолетом, затем стал постепенно подниматься. Мне казалось, что от столкновения с вышкой меня отделяли всего несколько футов.

Мы сделали круг и поднялись, готовясь к повторному маневру. Через несколько секунд мой самолет снова ринулся вниз. Еще раз! Теперь я удивил всех находившихся на летном поле и не позволил себе впасть в гипнотическое состояние. На этот раз все было по-другому. Я сконцентрировал внимание на летевшем впереди самолете и с презрением проследил, как он вышел из пике. Машина пронеслась над диспетчерской вышкой слишком высоко. Однако когда пилот начал выравнивать самолет, я краем глаза заметил, что его вертикальное падение продолжалось. Машина так и не вышла из пике. Я увидел вспышку, услышал грохот и в лихорадочном волнении поднялся выше. Внутри меня все бушевало. Я проклинал себя, проклинал за то, что сделал, за то, что мои руки тряслись. На какое-то мгновение я почти почувствовал, на что это будет похоже... какими будут ощущения, если продолжить падение вниз.

Снова и снова мы повторяли таранные маневры, но в тот день уже никто из ребят не пролетел ниже чем в двухстах футах над вышкой. Со временем нам становилось все легче. Однажды чувство, что смерть близко, так нахлынуло на меня, что я потерял самообладание. Мой самолет снова прогудел метрах в

трехстах от цели. В следующий заход я с досады сократил это расстояние на две трети.

Постепенно мы приобретали необходимый опыт. Нас учили пикировать также на нарисованные в конце взлетно-посадочной полосы очертания кораблей и авианосцев. Через несколько недель тренировок мы пролетали над целью с запасом всего шестьдесят футов. У нас появилось шестое чувство – что-то, что заставляло нас точно оценить расстояние до земли. Через три недели наши инструкторы ввели новое упражнение. Теперь мы должны были пикировать на цель с закрытыми глазами. Срываясь вниз с высоты примерно шесть тысяч футов, мы считали до десяти и только после этого тянули штурвал на себя. Если падение происходило с трех тысяч футов, считать полагалось до шести.

Во время первых нескольких маневров я подглядывал. Украдкой, но подглядывал. Когда мне удалось совладать с собой и заставить себя держать глаза закрытыми, я начал считать слишком быстро. Но в конце концов все мы стали настоящими мастерами «пикирования вслепую». Даже не производя отсчета, нам удавалось определить, насколько близко находилась земля. Точно так же слепой человек чувствует перед собой стену.

Ежедневно мы оттачивали фигуры высшего пилотажа, учась выполнять резкие повороты, бочки, крены с помощью элеронов, полупетли и боевые развороты. С каждым днем мое искусство росло, потому что во время практических занятий я совершил всего лишь несколько ошибок. Три моих товарища тоже проявили себя способными летчиками. Ока и Ямамото летали бесшабашно, Накамура был более осторожен, но и техника его была выше. Никаких сомнений в его смелости не возникало. Накамура пикировал точно на цель, каждый раз пролетая почти на одной и той же высоте с разницей всего в несколько футов.

Постепенно пикирования стали менее страшными, все больше и больше походили на игру и потеряли свое истинное значение. Люди, направляющие самолет в цель и осознанно идущие на гибель? Да, я понимал это, но как-то пассивно, словно читал про летчиков-смертников книгу или смотрел кино. В это верилось... но в то же время такие вещи казались далекими от меня. Одна мысль глубоко въелась в мозг: «Это случается только с другими людьми. Не с тобой и не с твоими друзьями». Пробуждение наступило в октябре. В том месяце «Токкотай» – первая специальная авиационная атакующая группа – нанесла удар по врагу. Это были первые японские летчики-смертники.

«Самурай живет так, что в любой момент готов умереть». Каждый сражавшийся японец знал эти слова. «Мы наносим один удар». «Будьте уверены, честь тяжелее, чем горы, а смерть легче перышка». Все это были части образцового мышления, древней религиозной философии, национального синтоизма.

Однако идея целевого уничтожения наших пилотов родилась в голове полковника Мотохару Окамуры с военно-воздушной базы Татэяма. Его секретный план был представлен вице-адмиралу Такихиро Ониси, прародителю специальных атакующих групп, и, похоже, был одобрен главнокомандующим.

Окамура был уверен, что пилоты-смертники могут изменить ход войны в пользу Японии. «Я лично разговаривал со своими летчиками, – заявил он, – и убежден,

что у нас будет столько добровольцев, сколько необходимо». Через некоторое время его предложения были приняты.

В конце октября, когда американские войска высадились на Филиппинах, главнокомандующий обнаружил памятное коммюнике:

«Соединение „Камикадзе“ с авиационной базы Сикисима из специального авиационного атакующего корпуса 25 октября 1944 года в тридцати морских милях на северо-восток от Филиппинских островов в море Сулу провело успешную стремительную атаку на вражеский экспедиционный корпус, в который входили четыре авианосца. Два специальных атакующих самолета вместе врезались во вражеский авианосец, вызвав сильный пожар и взрывы. Военное судно было потоплено. Третий самолет врезался в другой авианосец, также вызвав на нем сильный пожар. Четвертый самолет поразил крейсер. Взорвавшись, судно тотчас пошло ко дну».

Молодой лейтенант Юкио Сэки стал первым в мире человеком-бомбой, когда повел славных камикадзе на бухту Лейте. Он совсем недавно женился. Его командиры вызвали его и спросили, не захочет ли он принять на себя бессмертную славу. Сэки молчал ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы провести ладонью по волосам. Затем он кивнул. Атака имела потрясающий успех. Все пилоты были малоопытными. Каждая машина несла на себе бомбу весом пятьсот пятьдесят фунтов. Согласно отчету эскорта наблюдателей, все они попали в цель.

«Токкотай» было единым названием для всех летчиков-смертников, кроме того, у каждой атакующей группы было свое собственное. Однако общепризнанным стало название первого атакующего корпуса «Камикадзе», что означало «ветер богов». Этот ветер в XIII веке потопил флот Чингисхана, который хотел вторгнуться на территорию Японии. Понятие «Камикадзе – божественный ветер» стало главным обозначением атак наших летчиков-смертников, которые нанесли тяжелейший урон американскому флоту за всю его историю, обрушив сотни прямых ударов на его суда. В это же понятие входили атаки одноместных планеров с бомбой, которые запускались с самолета.

Итак, к концу 1944 года камикадзе стали объединяющей идеей. Как раньше Бог обрушивал на наших врагов поражающий огонь, так теперь он бросал на них нагруженные бомбами самолеты. Скрыться от нашей новой силы было невозможно. Под постоянной бомбардировкой японской пропаганды общий оптимизм быстро укреплялся. Только меньшинство, единицы разумных людей позволяли себе размышлять и удивляться. Разве появление камикадзе не свидетельствовало об отчаянном положении Японии в этой войне?

Глава 15

Встречи на высшем уровне

Хотя первый воздушный налет на Токио произошел два года назад, а атаки противника на японские позиции становились все интенсивнее, за время моей учебы на базе Хиро не было ни одной бомбежки.

Теперь потеря таких жизненно важных баз, как Индонезия, Бирма и Суматра, нанесла серьезный урон снабжению топливом. Дефицит сказывался уже настолько сильно, что даже наши лучшие истребители не ввязывались в длительные схватки с вражескими самолетами. Станции радионаблюдения на наших главных островах предупреждали о приближении противника. Если вражеские машины летели от Нагои на восток или на Оиту, мы могли вздохнуть спокойно. Но если они направлялись на Осаку, мы с тревогой смотрели в небо, опасаясь, что неприятель повернет на Хиро. В основном мы думали о том, чтобы сохранить свои самолеты в целостности и сохранности.

Однажды в ноябре сразу после завтрака на нашей базе впервые завывала сирена. Объявили воздушную тревогу. Мы бросились к своим тренировочным машинам и быстро поднялись в облака. Вернувшись, мы увидели, что ничего не произошло. Несколько бомбардировщиков «В-29» в сопровождении истребителей проследовали над Хиро и сбросили бомбы на Куре. Несколько дней такая картина повторялась. Ревели сирены, мы взмывали в воздух и каждый раз по возвращении находили свою базу невредимой.

Наша подготовка быстро продвигалась вперед, и вскоре я уже летал на «Хаябусе-2». Из едва оперившегося птенца я превратился в настоящего летчика. Моя мечта сбылась. Однако наши хитрые игры с врагом в прятки вызывали у меня большое волнение. Ясуо Кувахара не был непобедимым самураем неба, который искусно выполнял фигуры высшего пилотажа над Токио в день рождения императора или в праздник основания нашего государства, нет, он был вынужден прятаться.

Это у всех нас вызывало негодование. В то же время мы были подавлены и встревожены из-за того, что Япония оказалась в таком бедственном положении. Правда, нам все время говорили, что наше бегство от врага временно, что страна готовилась к отражению вторжения неприятеля, но эта пропаганда на многих из нас как-то не очень действовала. Даже камикадзе не останавливали врага. Пока еще не останавливали.

Однажды мы вернулись из полета и обнаружили свою базу Хиро дымящейся. Горел один из ангаров. Полдюжины бомбардировщиков освободителей нанесли удар, вспахав часть взлетно-посадочной полосы и угодив в сборочный цех истребителей.

Пожарные отчаянно боролись с огнем, а специальная бригада торопливо ремонтировала взлетную полосу. Бомбежка произошла незадолго до того, как наша группа злых и удрученных пилотов вернулась на базу. Отрапортовав начальству, мы пошли по полю, оценивая разрушения. Мы с Накамурой медленно шли по серой бетонной полосе. Я посмотрел на воронки и удивился, что намвообще удалось сесть. Вот во что могли превратить нашу базу бомбы. Никто не проронил ни слова. Мы просто шли и рассматривали разрушения. Кто-то в порыве злобы периодически отставал от общей группы. Когда нашим глазам предстал обуглившийся ангар и останки самолетов, Накамура пробормотал:

– Истребители не могут воевать. Ха-ха!

Потом я навел на Тацуно. Он уже летал самостоятельно на «акатомбо» и показал себя настоящим молодцом. Раз начались бомбежки Хиро, уже стали возникать сомнения, успеют ли новички пройти весь курс обучения.

– Видимо, со дня на день тебя посадят на «хаябусу», – предположил я.

Тацуно положил руку мне на плечо:

– Может быть, наши планы осуществляются. Ясуо, мне кажется, все идет слишком хорошо, чтобы это было правдой. И все-таки... – Он замолчал и нахмурился.

Я ждал, чувствуя, что Тацуно собирался сказать что-то, чего мне вовсе не хотелось слышать.

– И все-таки я сомневаюсь, что все пройдет гладко.

– Гладко? Что ты имеешь в виду?

– Если мы собираемся победить... когда же мы начнем воевать? Атаки врага становятся все серьезнее. Когда они собираются остановиться? Если мы не дадим им отпор сейчас, как нам удастся сделать это через месяц или через полгода? В чем тут секрет? Чего мы выжидаем? – Голос Тацуно был тихим и напряженным.

– До победы все складывается тяжело для обеих сторон, – сказал я.

– Да, но что мы делаем? Разве мы наносим урон американцам? Разве мы бомбим Калифорнию, Нью-Йорк, Вашингтон?

Эти слова вызывали боль.

Я посидел несколько секунд молча, потом встал.

– Пора в казарму.

– Тебе уже надо идти? Так быстро?

– Да, пора, – ответил я. – Еще полно дел.

Оглянувшись по дороге назад, я увидел, что Тацуно все еще смотрел мне вслед. Я помахал ему, и в ответ он тоже поднял руку. С того момента мы долго не виделись.

Несколько дней спустя пятеро из нас летели над морем между Куре и Ивакуни. С высоты двенадцать тысяч футов я посмотрел вниз. Облака собирались с удивительной скоростью. Белые обрывки проносились прямо у меня перед глазами, словно клочки ваты. Далеко за горами едва виднелся сероватый полумесяц. Время от времени я смотрел на раскинувшееся до горизонта, поблескивающее, покрытое рябью море. Как странно... думать о том, что во всем мире люди убивали друг друга. Чуть выше и впереди летел лейтенант Симада, ветеран отряда истребителей. Он участвовал в сражениях много месяцев назад, когда наши машины сильно превосходили американские «Р-39» и «Р-40». Он знал вкус победы, и не один вражеский летчик был сбит им. Я почувствовал, как мое сердце замерло от восхищения к этому тихому худощавому человеку. Как я мечтал стать таким же опытным и умелым пилотом! Затылок лейтенанта, линия его плеч – от них исходила уверенность. Иногда его голова слегка приподнималась или чуть-чуть поворачивалась. Глаза бдительно следили за окружающей обстановкой. Даже в этих мимолетных движениях чувствовалась точность и внутренняя сила.

Раскинувшиеся просторы неба, воды, земли, полумесяц – все выражало спокойствие и безмятежность. Я сдвинул сиденье. Приблизилась зима, и сейчас, взглянув в сторону берега, я вспомнил наши прогулки с Томикой. Я вспомнил

мирных рыбаков со своими сетями, их босые ступни в теплом песке, веселый смех. Рыбаки и их жены смеялись совсем по-другому, не так, как в барах или на городских улицах. Это была часть природы, плеск волн, смешанный с криками морских птиц. Неужели война изменила все это? Вдруг мне захотелось вернуться в Ономити. Я приземлился бы на пустынном берегу. Сырые рыбацкие лачуги сейчас стоят пустые. Я остановился бы и стал прислушиваться к врезавшемуся в память смеху.

В моих наушниках проскрежетал голос:

– Неприятель под вами!

Я посмотрел вниз, ничего не увидел и перевел взгляд на Симаду. Лейтенант указал направление большим пальцем, и я сразу увидел их – звено за звеном, целый рой «Грумман F6F хеллкэтов». И все они летели на Хиро!

На какое-то мгновение у меня перехватило дыхание. Нет, такого просто не могло быть! Я нервно ощупал кислородную маску. Все было в порядке. Я был испуган и ошеломлен одновременно. Вражеские самолеты были разбросаны по небу, словно зерна кунжута. Конечно, мы впятером не могли броситься на них в атаку. Я обрадовался уже тому, что они хотя бы не заметили нас. Мне вдруг стало ясно, что в такой ситуации лучше всего было просто улететь прочь. А как же воздушные бои? Все будет, но только позже, когда мы наберемся достаточно опыта. Я посмотрел направо на своего приятеля Номото. Мои движения точно повторяли движения нашего лейтенанта. Номото кивнул в ответ. Я указал на огромное количество самолетов под нами. Приятель снова кивнул.

Симада стал поворачивать. Мы автоматически последовали за ним и полетели за вражескими машинами, оставаясь по-прежнему незамеченными. Неужели мы могли?.. Нет. Но на всякий случай я проверил свои пушки. Были ли они готовы к стрельбе? Да. Проверить их было необходимо. В ближайшее время нам придется применить их. В ближайшее время, но не сейчас, когда врагов так много.

В моих ушах зашумело. Нет! Мы собирались атаковать! Что же делать? В приливе неожиданной ярости я нажал на газ, и моя машина наполнилась новой силой. Так что же делать? Я вдруг забыл все, чему когда-то учился. Сбросить подвесные топливные баки! Конечно же. Иначе одна-единственная пуля могла отправить меня на тот свет. Баки полетели на землю, и наши самолеты быстро взмыли вверх. Что теперь? Я снова ощупал кислородную маску и проверил пушки. Нужно просто следовать за лейтенантом Симадой. Правильно. Следовать за лейтенантом Симадой. Повторять его действия, и все будет в порядке. Помнишь, как ты преследовал Богомола? Только сейчас не нужно подлетать так близко. Не так близко! Не создавать напряжения! Не сидеть у него на хвосте! Спокойно, Кувахара, спокойно. Твоя спина онемела. Хорошо... уже лучше. Очень хорошо. Симада начинает снижаться. Следуй за ним, Кувахара, следуй за ним. Лейтенант, казалось, слегка приподнялся, сделал полубочку, встал на правое крыло и стремительно ринулся вниз. Нос его машины был направлен на неприятеля. Я повторил его крутой маневр. Самолеты врага с каждой секундой росли в размерах. Зерна кунжута превратились в игрушечные самолетики, а затем в истребители, в самые настоящие истребители с пилотами в кабинах. Теперь все ясно... Мы собираемся ударить с тыла, а затем разлететься веером. Проведем

атаку и скроемся. Нужно ли мне стрелять? Нет, подожду лидера. Делай все, как он. Почему лейтенант не стреляет? Сейчас уже можно открыть огонь, отправить град пуль в самую гущу противника и сбить целую дюжину машин. Я уверен, мы можем стрелять. Ближе... ближе. Пушки загрохотали. Лейтенант Симада открыл огонь короткими очередями. Яркие изогнутые оранжевые линии протянулись от его самолета к машинам врага.

Строй «хеллкэтов» рассеялся. Их пилоты сразу все поняли. Огонь, Кувахара, огонь! Я не просто нажимаю на гашетку. Я стреляю непрерывными очередями. Дикими длинными очередями. И никуда не попадаю. Один «грумман» резко взмывает вверх. Потрясающий маневр. Нет, он подбит. Я подбил его... Нет, в него попал Симада! Мои пули одна за другой прошивают воздух. Мы несемся вперед, входим в вираж и поднимаемся выше. В тылу вражеского соединения сумятица. Конечно, мы не можем сбить их всех. Основная часть самолетов неприятеля по-прежнему впереди, а где же остальные?

Жертва Симады блестела на солнце. Крылья сверкали в его лучах. Но с ним явно было что-то не в порядке... Из машины валил черный дым и вырывались языки пламени – цветные ленты вдоль фюзеляжа.

Очарованный, я следил за тем, как падал самолет. Никогда не думал, что вид поверженного врага доставит такое удовольствие. Но почему я не смог этого сделать? Почему не смог сбить хотя бы один «грумман», только один, когда представилась такая прекрасная возможность? Я даже не помнил, чтобы какая-то машина попала в мой прицел. А потом они разлетелись, как стая испуганных уток. Мы помчались мимо, и свой шанс я упустил. Но по крайней мере, мне удалось удержаться в строю – почти неосознанно.

Краем глаза я заметил вверху какую-то серебристую вспышку, потом еще одну и еще... словно серебристые рыбки играли в воде. По совершенно необъяснимой причине я взглянул вниз. Совсем рядом летели вражеские самолеты. Мудрый Симада подал сигнал возвращаться. Мы были еще очень молоды и больше не могли ничего, кроме как мешать ему в бою.

Но теперь, казалось, нужно было не просто улетать. Самолеты противника стремительно приближались к нам сверху. Я оглянулся и увидел ярдах в трехстах истребителя. Вдруг из его крыльев посыпались искры. Он стрелял. Голос лейтенанта снова зазвучал в наушниках. Симада резко свернул влево. Мы последовали за ним.

Этот маневр помог нам оторваться от самолетов, которые летели сзади и под нами, но не от тех, которые мчались на нас сверху. Противники атаковали нас с тыла. Их орудия извергали огонь. Мое сердце заколотилось, в голове и груди вдруг стало пусто. Руки онемели. Кругом стоял гул и вой. Как по волшебству, в моем лобовом стекле появились отверстия. Какое-то мгновение я был совершенно сбит с толку. Лейтенант изменил курс, сделав великолепный вираж. Я последовал за ним, стараясь в точности повторить его маневр. Это сработало превосходно. Через несколько секунд я обнаружил, что сел на хвост вражеского самолета.

Вот оно! Машина противника в моем прицеле! Я выпустил очередь. Трассирующие пули обогнули хвостовое оперение истребителя. У меня свело кишки. Сейчас! Три очереди, причем каждая из них длиннее первой. Пули попали

в цель! Это было такое потрясающее ощущение, что мое тело почти отказалось слушаться меня. Я словно видел все происходящее со стороны. Страшный вой моторов, стаккато пулеметных очередей, бело-голубое небо – все это походило на сон.

Я даже немного удивился, когда вражеский самолет стал терять высоту и задымился. Направив свою машину вверх, я оглянулся, чтобы посмотреть, выпрыгнет пилот или нет. Вид белого грибка парашюта на мгновение напомнил мне Богомола.

И тут я вдруг заметил, что не вижу нашего лидера... и никто его не видел. Американские и японские летчики метались по небу. Потом в моих ушах раздался гнусавый голос: «Иду на таран! Возвращайтесь на базу сами!» Это был лейтенант Симада. Что-то похожее на шаровую молнию внизу вырвало кусок неба. Лейтенанта сбили. Подо мной вспыхнуло пламя, затем раздался страшный взрыв. Только в этот момент слова Симады дошли до моего сознания.

Словно связанные вместе игрушки, к земле понеслись два самолета – американский и японский. Потом они разделились, рассыпались, и морские волны поглотили их черные обломки.

Я ощутил странную вибрацию. Мой самолет дрожал, как испуганное животное. Ровный гул винта двигателя как-то изменился, и мне вдруг стало не хватать кислорода. Сорвав маску, я опустился больше чем на двести футов и посмотрел на спидометр. Он не работал. Ветер врывался в кабину сквозь пулевые отверстия. Я посмотрел на датчик топлива. Осталось очень мало... До Хиро мне так не добраться.

Я быстро огляделся. Никого вокруг не было видно. Словно налетел ветер и расчистил небо. Сориентировавшись, я развернулся и с трудом полетел в сторону острова Кюсю. Орудия неприятеля нанесли моей машине страшный урон. Даже компас не работал. Но я хорошо знал, где находится остров. Вскоре он показался вдали. Я полетел вдоль берега, направляясь к авиабазе Оита.

Все самое страшное было позади. Вскоре покажется посадочная полоса. Только я приготовился садиться, как судьба нанесла мне новый удар. Предупреждающий сигнал с земли. Шасси не выпускалось. Я судорожно нажал кнопку. Нет! Я яростно жал на кнопку, но с земли продолжали сигнализировать о неисправности.

Я стал кружить над полем и осматривать приборы. Через несколько секунд причина поломки стала ясна. Был перебит провод. Соединить его концы не составило мне труда. Я снова нажал кнопку и выпустил шасси. Через несколько мгновений колеса затормозили на посадочной полосе. Мой первый воздушный бой был закончен.

Глава 16

Честь и проигранное дело

Вернувшись в Хиро, я узнал, что остальные двое из нашей группы спаслись. Моего приятеля Сиро Номото сбили, но он, сломав ногу, все же остался жив. Несколько дней спустя Ока, Ямамото, Накамура и я навестили его в госпитале в

Хиросиме и были потрясены увиденным. Номото ампутировали ногу, и он пытался покончить с собой.

Запах эфира ударил мне в ноздри, когда мы вошли в палату. Я уже был не рад, что мы пришли сюда. Что можно было сказать Номото? Как успокоить? В то же время меня вдруг охватило восхищение.

Похожий на призрак Номото сидел в своей белой кровати. Только горящие глаза выдавали то, что происходило у него внутри. Сиро был укрыт одеялом. Лишь на том месте, где была нога, оно опадало.

Мы смущенно поздоровались и получили в ответ тусклую улыбку. Я принес с собой несколько журналов.

– Спасибо, Кувахара, – сказал Сиро. – Но я не могу их читать.

– Ладно, – ответил я. – Но я все равно их оставлю. Через несколько дней тебе станет лучше.

Номото покачал головой и выдавил из себя тихий смешок. Наступила напряженная тишина. Все молчали, и это стало меня раздражать. Хоть кто-то должен был заговорить! Я нашел, как мне казалось, правильные слова:

– Мы понимаем, как ты переживаешь, Номото. Это нелегко. – Я сжал его руку, прикусил нижнюю губу и посмотрел на ладонь приятеля. Когда я сконцентрировал на ней свое внимание, слова стали находиться сами собой. – Теперь ты сможешь делать все, что хочешь. Ты выполнил свой долг перед императором. Ты настоящий самурай и честно служил своей стране. Теперь... тебя ждут другие вещи. Может, ты скоро найдешь себе жену... а?

– Да, – ответил он. – О да! Я могу найти себе хорошую, сильную, крепкую, как дуб, жену, которая сможет носить на своих плечах калеку.

Понимая, что сейчас лучше промолчать, я все же пробормотал:

– Я понимаю тебя, Номото, но подумай о лейтенанте Симаде. Он...

Глаза Номото засверкали, и он почти выкрикнул:

– Ничего ты не понимаешь! Лучше бы я последовал за лейтенантом. Какая теперь от меня польза? Какая?

Сиро отвернулся, чтобы спрятать от нас свое лицо, и застонал от боли.

Мысленно проклиная себя, я взглянул на остальных товарищей. В их взглядах не было осуждения. Только простое отсутствие мыслей. Накамура покачал головой и уставился в пол.

Потом Ока едва заметным жестом указал на дверь, и мы встали. Но уйти так просто было нельзя. Нельзя было так оставлять Сиро. Я положил руку на его плечо и сказал:

– Скоро увидимся, Номото.

В коридоре послышались звуки шагов. В палату вошли мужчина и женщина – родители Сиро. После того как мы познакомились, мама подошла к своему сыну и прикоснулась рукой к его лбу.

– Пожалуйста. – Ока предложил ей стул.

Поблагодарив, женщина села, продолжая гладить лоб Номото.

Снова наступила тишина. Наконец женщина нарушила молчание:

– Почему люди должны воевать? Почему? Почему они должны ненавидеть друг друга?

Я никогда не слышал, чтобы говорили с таким скептицизмом.

– Бессмысленная глупость. Почему нельзя... – Женщина замолчала, потом продолжила: – Мы родители Сиро... мы растили Сиро не для того, чтобы его искалечили. Мы растили его брата Еси не для того, чтобы мальчика убили. Он погиб на острове Гуадалканал. Когда я сказал, что ходатайствовал перед начальством о награждении Сиро медалью, она ответила:

– Ты очень добр, но что толку от медали? Разве она вернет ему ногу? Разве научит снова ходить? Разве вернет его погибшего брата?

Я наклонился вперед, оперся локтями о колени и посмотрел в окно на Хиросиму. Лучше бы мне было оставаться на базе. Все, что я пытался сделать в этой белой палате, было неправильным. Эх, исчезнуть бы сейчас. Я ненавидел это место... и все, что было с ним связано. Уж лучше сразу умереть. Номото был прав.

– Я не хотела расстраивать вас, – сказала женщина. – Посмотрите все на меня, – скомандовала она.

Мы подчинились. Что-то удивительное было в этом лице. Оно было страстным, даже строгим... морщинистым, искаженным и все же завораживающим. Это лицо было прекрасным. Мы не могли отвести от него глаз. Женщина смотрела на нас со смешанными чувствами, а заговорила как мать:

– Послушайте меня, дети. Ваши головы забиты идеями, идеями чести, славы. Вы думаете об отваге, о героической смерти... обо всем таком. Почему? Почему вы не забудете о чести и славе? Старайтесь спасти свою жизнь. Нет ничего почетного в том, чтобы умереть за проигранное дело!

Я ожидал, что муж перебьет ее, но он промолчал. Женщина, словно прочитав мои мысли, резко взглянула на него:

– Отцы думают так же, как матери. Разве что переживают не так глубоко.

Я вспомнил, как мой отец взглянул мне однажды в глаза и произнес: «Ты же знаешь мое сердце?»

Пришло время уходить, но всю дорогу обратно в Хиро в моих ушах звучали слова: «Нет ничего почетного в том, чтобы умереть за проигранное дело». Проигранное дело! Непонятное чувство охватило меня, и я едва не содрогнулся. Весь день эти слова преследовали меня, и наконец я стал негодовать. Кто эта женщина, что осмелилась говорить такие вещи? Обыкновенная женщина! А ее муж? Это мелкий человек. Она как будто управляла им! Во время нашей встречи он не проронил и двух слов.

Но негодование ушло так же быстро, как появилось, и ко мне вернулось хладнокровие. Мы с Тацуно не виделись уже несколько недель. Мне казалось, что мы просто были слишком заняты. Но теперь я понял, что друг вызывал у меня чувство неловкости. Он очень напоминал мать Номото. Что он хотел сказать? Что-то секретное? То, чего все мы ждали?

Спустя несколько дней мне удалось подавить это чувство, чувство, что... Нет! Я не мог позволить это себе. Кончено, слова этой женщины не отражали мнения большинства! Однако нас преследовали неудачи. Глупо было бы это отрицать. Правда, пропаганда продолжала литься все таким же бурным потоком, но она

потеряла свою силу. Некоторые факты были очевидны многим военным. Как они могли помочь людям оптимистически оценивать обстоятельства?

В какой-то момент я тоже столкнулся с этими фактами. Япония отступила на три тысячи миль в Тихом океане. Макартур захватил Лусон, разгромив наши войска в заливе Лейте. Хотя тогда я этого не знал, но это был триумф американцев, фактически лишивший Японию статуса сильной морской державы. Я изо всех сил старался смотреть на все оптимистически, однако понимал, что поражения подрывали боевой дух армии. Долгое время американцам не удавалось взять много пленных. Теперь же наши солдаты сдавались сотнями.

Конечно, оставались еще камикадзе. Количество их атак увеличилось. Эффективность живых бомб была довольно высокой. На некоторое время они разожгли искры надежды, но все-таки... могли ли камикадзе остановить врага? Если да, то Японии требовалось все больше летчиков-смертников. Утверждение полковника Окамуры, что триста камикадзе могли изменить ход войны, вряд ли соответствовало действительности. Такого числа смертников было мало, слишком мало.

И все же, успокаивал я себя, надежда еще могла оставаться. «Божественный ветер» однажды уже спас нашу страну. Почему бы ему не повториться, когда мы были близки к отчаянию? Разве императорский путь не был правильным и самым лучшим в мире? Разве Японии не было суждено всегда занимать положение лидера? Если справедливый Бог существовал, разве не было бы логично, чтобы он пришел к нам на помощь? Может, это было лишь испытание. Может, когда наше положение станет критическим...

Сколько же потребуется живых бомб? Многие, не задумываясь, отдали бы свою жизнь. Множество самоубийств не являлось жертвой. Но опасения людей росли. По мере того как «божественный ветер» усиливался, все больше и больше японцев попадали в его эпицентр. Все это было лишь делом времени. Тучи сгустились над Хиро, и налетели первые порывы ветра.

Глава 17

Смерть справляет Новый год

Наступил 1945 год. На праздник пилоты 4-й эскадрильи в Хиро провели поминальную церемонию памяти погибших товарищей. Командир эскадрильи капитан Есиро Цубаки произнес пламенную речь, заявив о нашей моральной обязанности отомстить за павших. А потом мы пошли на кладбище. В Хиро погибло пока еще немного летчиков. Все мои друзья были рядом со мной. Хотя одно имя навсегда врезалось мне в память: «Дзиро Симада». Я долго смотрел на табличку с именем лейтенанта – одного из погибших героев. Снова перед моими глазами два самолета – японский и американский – падали вниз. Я подумал об их обломках, покоившихся где-то в море.

– Вы больше никогда не будете встречать Новый год, лейтенант Симада, – сказал я и медленно пошел прочь.

Какими же жалкими звучали наши поздравления с Новым годом. Они падали, словно комки глины, на землю. Думаю, все мы вспоминали, как раньше встречали

новогодние праздники дома. С ностальгической болью я увидел картину, как мы с Томикой бегали по дому в этот самый день много лет назад. Радостно разбрасывали бобы, чтобы прогнать злых духов.

В тот же день капитан Цубаки устроил еще один сбор. Более странный, чем первый, потому что именно на нем были выбраны первые камикадзе с базы Хиро. – Каждого из вас, кто не хочет жертвовать своей жизнью, как преданный сын Японской империи, никто не будет заставлять сделать это. Тот, кто не способен принять такую честь, пусть поднимет руку. Прямо сейчас! Стать летчиком-смертником – вот была высшая честь. Все так и сказали. Но шесть человек все же подняли руки. Я хорошо знал их. Они оказались достаточно трусливыми или достаточно отважными, чтобы признаться в том, что чувствовал каждый из нас. Эти ребята выбрали жизнь и были преданы смерти. Двойной ужас.

Да, всего несколько месяцев назад люди с готовностью становились добровольцами. Теперь же многих заставляли насильно или обманом стать смертниками – неумолимое доказательство того, что многие уже считали гибель камикадзе бессмысленной. С каждым днем союзники становились все сильнее. Этого уже нельзя было не замечать. Количество их самолетов росло. Это были более современные и мощные истребители. Рычащие монстры – «Летающие крепости В-29» – образовывали могучие группы в небе и оставляли в нем смертоносные огненные полосы. Вражеские корабли приближались.

Я не хотел признавать эти факты, боролся, но был вынужден сдаться. Мы терпели поражение. Сколько же еще времени, вдруг подумал я, японский народ сможет прятаться за завесой пропаганды? Сколько он еще будет доверять речам политиков? Сколько людей говорят себе правду? Шесть человек в Хиро. Но они заплатили за это огромную цену. Ранним январским утром эти ребята покинули базу и отправились на последнюю тренировку смертников.

С этого момента периодически пилотов из моей эскадрильи переводили на Кюсю, где проводились такие тренировки. И больше мы о них ничего не слышали.

Почти целый год нас заботливо готовили к смерти. Для тысячелетней славы. Это была часть нашей философии. Но сейчас черные щупальца вдруг безжалостно потянулись к нам, выхватывая жертвы. После отъезда каждого летчика ощущение, что мы попали в тупик, усиливалось.

За моими плечами теперь уже была не одна воздушная битва. Я уже сбил два самолета противника. Пролетая над заливом между Куре и Токаямой мы вшестером наткнулись на два американских истребителя. Все получилось удивительно легко. С высоты две тысячи футов мы ринулись на них и сбили до того, как они нас обнаружили. Все шесть наших самолетов открыли огонь.

Ближайшая американская машина буквально рассыпалась на куски под градом пуль и в языках пламени рухнула вниз. Вторая попыталась скрыться, но летчик, казалось, раздумывал, оторваться от нас по прямой или уйти в вираж. В результате он выбрал вираж. Наш ведущий и я разгадали маневр и полетели ему наперерез. Через мгновение я поймал американца в прицел, а дальше все было очень просто. Три или четыре короткие очереди, и сбитый самолет спикировал

вниз и в облаке дыма упал в океан. Как этот бой отличался от моей первой схватки с врагом! Я чувствовал себя почти разочарованным.

Да, я становился опытным пилотом, как и Накамура, который сбил один самолет противника. Но не важно, какими мы были талантливыми летчиками. Не важно, сколько противников погибло от наших орудий. Исход войны был лишь делом времени. Ощущение приближавшейся гибели усиливалось с каждым часом.

Оставалась лишь слабая надежда выжить, но и эти туманные мысли я гнал от себя. В феврале враг атаковал Иводзиму всего в семистах пятидесяти милях от нашей столицы. Возможно, война могла на этом и закончиться. Многие молили обэтом Бога. Молили не о поражении родины, а о скорейшем прекращении бойни. Гражданское население еще сохранило веру в лучшее будущее, но нам, находившимся вблизи зоны боевых действий, было все ясно. Только наивный человек или фанатик мог ожидать победы.

В течение нескольких недель печальная судьба Японии стала для меня совершенно очевидной. Поскольку плен был неизбежен, я желал только одного – чтобы все закончилось побыстрее. Как часто в моей голове звучали слова матери Номото. Я даже слышал их во сне. «Нет ничего почетного в том, чтобы умереть за проигранное дело». Это была гонка со временем. Ирония судьбы – спасти меня теперь могли только противники. Я едва не рассмеялся при этой мысли.

Но некоторые из нас все же сохраняли надежду. В целом в Хиро были неопытные ребята, и я уже стал одним из самых опытных пилотов. Нас держали здесь, чтобы мы обеспечивали безопасность базы. Лучших вскоре должны были перевести в подразделение, которое сопровождало пилотов-смертников в полете и охраняло по пути к цели, а затем возвращалось с докладом начальству.

Естественно, наши неопытные летчики погибли первыми, поэтому американцы решили – по крайней мере, сначала, – что среди камикадзе не было искусных пилотов. (Американский адмирал Митшер высказался прямо: «Ясно одно: способности камикадзе – миф».)

Во все авиационные части, расположенные на четырех островах, из Ставки главнокомандующего в Токио регулярно поступали приказы, оговаривавшие, сколько пилотов с каждой базы должны были пожертвовать собой.

В свою очередь, эти части брали людей с баз, находившихся под их юрисдикцией. Например, Хиросима вызывала летчиков с ближайших баз в Хиро, Куре и Екосиме на острове Хонсю. Пилотов доставляли на специальные базы смертников. Крупнейшей из них была Кагосима в бухте на юге Кюсю.

В основном атаки камикадзе проводились волнами по пятнадцать – двадцать самолетов через тридцатиминутные интервалы. Ходили слухи, будто наших смертников приковывали в кабинах к креслу, но я никогда такого не видел. Насколько я мог понять, этого просто не требовалось. Часто камикадзе откидывали колпаки кабин и сигнализировали флажками прямо перед прицелами американских корабельных орудий – последнее проявление бравады, последняя попытка подбодрить себя перед смертельным тараном.

Никто никогда не поймет чувства этих людей, игравших со смертью. Даже приговоренные к смерти не понимают их до конца. Осужденный искупает свою вину, и таким образом торжествует справедливость. Конечно, в каждом народе

есть герои, жертвующие жизнью, но где еще в мире раньше встречалось такое продуманное самоуничтожение? Где еще тысячи людей сознательно шли на гибель, тщательно продумав все за несколько недель, а то и месяцев?

Концепция синтоизма, связанная с жизнью после смерти в качестве воина-защитника в царстве духа, или буддийская философия нирваны отнюдь не всегда приносили утешение. «Сумасшедший японец-фанатик» чаще всего был обычным школьником, запутавшимся в паутине судьбы, едва сдерживающийся, чтобы не расплакаться при мысли о своей матери. Нет, они не были японскими летчиками-фанатиками. Некоторые хотели лишь одного – умереть героически, отомстить врагу. Даже скромный студент-очкарик, роющийся в одной из токийских библиотек, при определенных обстоятельствах мог отважно пойти на смерть. Но среди всех были лишь единицы, которые, казалось, жертвовали собой с такой легкостью, будто отправлялись на утреннюю прогулку.

Как бы то ни было, в общем, мы, пилоты, шли в основном двумя путями. Китигаи (сумасшедшие) отличались свирепостью в своей ненависти, искали славы и бессмертия, живя только с одной целью – умереть. Многие из них пришли из морской авиации, которая воспитала большую часть камикадзе.

Со временем я тесно познакомился со второй группой, чьи чувства были прямо противоположными, но редко вырывались наружу. Китигаи называли этих людей сукэбэи (вольнодумцы). Среди них преобладали высокообразованные летчики. Не то чтобы вольнодумцы были непатриотичны. Я, например, готов был погибнуть за родину в любой момент. Но все же жизнь нам была очень дорога. Мы не видели смысла в гибели ради гибели.

Естественно, между этими двумя группами существовала и середина, и каждый человек колебался, к какой ему окончательно примкнуть. Много раз я жаждал мести. Или считал, что, уничтожив американский корабль, я мог спасти множество своих сограждан... И тогда моя жизнь казалась мне мало что значащей.

Как часто я боролся за непоколебимое отношение к смерти – за это особое, неопишное чувство. Что делало людей бесстрашными? Отвага? Но что такое отвага? «Мы жертвуем собой!» Вот каков был девиз. «Будь уверен, что честь тяжелее горы, а смерть легче перышка». Бесчисленное количество раз я повторял про себя эти слова. У некоторых это чувство было постоянным. У меня же мимолетным. Я всегда боролся, чтобы заставить это пламя разгореться вновь.

Мои друзья были по-прежнему со мной. Тацуно уже стал настоящим истребителем. Стать летчиком, подниматься в небо вместе со своими друзьями – вот о чем я всегда мечтал. Но как долго это продлится? Некоторые из нас вскоре уйдут. И не важно, что мы стали опытными пилотами. Кто будет первым?

Каждый день я отрабатывал заходы на таран, методично повторял пикирования на цель. Теперь это получалось у меня превосходно, но не приносило никакого удовлетворения. Я механически повторял упражнения, и каждый раз все начиналось с ощущения холода в животе, которое потом превращалось в страх. Несколько раз в моей голове пронеслись слова: «Давай! Лети дальше! Разбейся! Закончи все это теперь! И не будет больше ни страха, ни скорби». Но всякий раз я выходил из пике, обзывая себя трусом.

Иногда случались воздушные схватки, но обычно это были быстрые перестрелки или короткие атаки. Мы резко нападали и стремительно покидали поле боя. Силы противника значительно превосходили наши. Теперь мы были нужны для более серьезного дела, чем обыкновенная стычка в небе. Японец напоминал тогда человека, умирающего в пустыне. Последние капли воды он тщательно берег, ожидая часа, когда солнце будет палить особенно беспощадно.

Шли месяцы, и наша страна стала сдавать свои позиции. Войска отступали из Восточного Китая. Центр Токио лежал в руинах. Вся Япония приближалась к гибели. Наши торговые корабли уходили под воду, и ко дню рождения императора в апреле 1945 года враг захватил Окинаву – врата нашего государства. Наступил решающий момент. Премьер Судзуки говорил японскому кабинету министров: «Наши надежды выиграть войну связаны только с битвой за Окинаву. От ее исхода зависит судьба нации, судьба нашего народа». Окинава пала после восьмидесяти одного дня жестоких сражений.

Месяц несся за месяцем, и однажды в мае это случилось... Ока и Ямамото. Я вернулся из полета над Западным Сикоку и узнал эту новость. Я не видел ребят два или три дня. Мы вылетали на разведку в разные смены. И вот это случилось... то, чего я все время боялся, но никогда всерьез не ожидал. Вдруг пришел приказ, и моих друзей перевели в Кагосиму. Ока и Ямамото уехали! Я не мог в это поверить и бросился в их казарму. Ну не могли же их увезти так быстро!

Когда я вошел, дверь скрипнула. Передо мной стоял ряд коек. На двух из них не было белья и одеял. Матрасы лежали свернутыми на голых пружинах. Что-то ужасное было в этих койках. Пружины словно что-то кричали. Я открыл шкафчики своих приятелей и услышал глухой звук. Он прозвучал как погребальная песня.

Ошеломленный, я сел на одну из коек и почувствовал, как прогнулись подо мной пружины. Оку и Ямамото словно унес внезапно налетевший ветер. Как такое могло случиться? Мы даже не увиделись напоследок. Я сидел в казарме один, и вокруг царил тишина. Не слышно было даже отдаленного гула моторов. Я долго смотрел на дальнюю стену. Сквозь нее. Я ничего не видел и ничего не чувствовал. Мне так много предстояло обдумать. А казарма была пустой! Вокруг лишь мрачная пустота.

Не могу сказать, сколько я просидел так. Вдруг мне на плечо легла чья-то рука. Накамура. Я даже не слышал, как он вошел. Не говоря ни слова, мы посмотрели друг на друга. Кто-то пришел вместе с ним. Тацуно. Я протянул ему руку, и он пожал ее.

– Знаете, – проговорил я наконец, – пока я здесь сидел, у меня появилось странное чувство. Как будто... – Мой голос дрогнул. – Как будто все ушли. Вся база опустела. Вокруг никого. Странно. Вы никогда такого не испытывали?

– Они просили передать тебе привет, Ясубэй, – сказал Накамура. (Теперь мои друзья меня так называли.) – Все шутили, даже когда залезали в грузовик. – Накамура слабо улыбнулся. – Знаешь, что сказал Ока? Знаешь, какими были его последние слова? Он сказал: «Вы с Ясубэем должны позаботиться обо всех наших девчонках из Хиро!»

Я грустно улыбнулся. Никто из нас никогда не ездил ни в Хиро, ни в любой другой ближайший город. Мы редко выпивали и не были знакомы ни с одной из женщин, к которым бегали наши самые веселые ребята.

Я вдруг вспомнил, как познакомился с Окой и Ямамото той холодной зимней ночью, когда обнаружил в душе теплую воду. Тогда они тоже шутили. Даже тогда. Они очень подходили друг другу, всегда держались вместе. Ирония судьбы – и ушли ребята тоже вместе.

– Вечные шутники, – пробормотал я и посмотрел на своих друзей. – Но почему они уехали так быстро? Отличные пилоты! Оба! – Да, неплохие, – согласился Накамура. – Но они одинокие волки, даже немного чудаки. Время одиноких волков прошло.

– Я знаю, Накамура, – сказал я. – Но посмотри на других летчиков из нашей эскадрильи. Им еще очень далеко до наших ребят!

– Может, они теперь кладут записки с именами в шляпу и разыгрывают, – предположил Тацуно. – Так интереснее. Ты не знаешь, когда придет твоя очередь, через пять минут или через год.

– Пошли отсюда, – произнес я. – Пойдем прогуляемся... пойдем хоть куда-нибудь.

Часть пятая

Глава 18

Ветер среди фонариков

Иногда камикадзе не казались такими ужасными. Ведь тогда и простому человеку расстаться с жизнью ничего не стоило. Бомбы теперь сыпались с неба почти постоянно, и мы узнали, что такое, подобно крысам, прятаться в укрытиях. Иногда самолетам врага удавалось проскочить мимо наших радаров незамеченными, и воздушная тревога звучала с запозданием. Прыгая в воронки, мы чувствовали, как земля содрогалась от взрывов. Тех, кто медлил, разрывало на части. Однажды я увидел, как бомбы упали прямо на двух бежавших рабочих. Я зажмурился, а когда снова открыл глаза, на месте взрыва остались лишь две воронки.

Наши ангары и сборочный цех теперь регулярно бомбили американские самолеты.

Один день в июне выдался страшным. Сто пятьдесят бомбардировщиков «В-29» осыпали бомбами Хиро и военно-морской порт в Куре. Предупреждение о налете поступило за полчаса. Понимая, какие силы летели на базу, все летчики подняли последние машины в воздух, чтобы спасти их от гибели. Однако после той бомбежки от базы Хиро ничего не осталось. Мы направились на базу Оита на северо-востоке Кюсю.

Именно там я и стал сопровождать пилотов-смертников. Сейчас нас в живых остались лишь единицы – тех, кто стал свидетелями гибели американских кораблей, свидетелями того, как сознательно шли на смерть летчики-камикадзе.

Жизнь на этой базе была ужасно мрачной, но даже в таких условиях было интересно следить за ней. Физические наказания теперь исчезли. Обученные и проверенные, мы стали лучшими в отряде истребителей. Нам стали выплачивать

больше денег и желали, чтобы мы хорошенько развлекались в свободные часы. Ребята, которые раньше не прикасались к бутылке, ударились в жестокое пьянство. Те, кто еще ни разу не целовал женщину, выстраивались в очередь к проституткам. Каждому давалось десять минут.

Женщины и пьянство среди летчиков-истребителей всегда считались пороками. И дело не в морали, как думали западные люди, а потому, что пилот был обязан выполнять свои функции, и этому ничто не должно было мешать.

Однако в нашем случае нам было сделано послабление. Наши дни были сочтены. У всех с каждым днем усиливалось ощущение приближающегося конца. Осуждавшие пороки в основном отмалчивались. Жизнь была коротка, а летчики всегда пользовались большим уважением у народа. Они были чуть ли не идолами.

Для некоторых религия и непорочная жизнь приобретали все большее значение. Несколько ребят даже удалялись в горы, чтобы поближе ощутить природу, помедитировать. Мы с Тацуно и Накамурой тоже часто уходили с базы. Порой мы пытались выбросить из головы тяжелые мысли о жизни. А иногда сидели и вели очень серьезные беседы. Тацуно оказался настоящим философом и всегда вглядывался в тайны жизни гораздо внимательнее, чем другие.

Несмотря на то что перед его глазами были лишь смерть и горе, он верил, что у человека есть цель, что жизнь, несмотря на все наши старания, была лишь проверкой, что даже в человеческой картине вечности есть место сильнейшим физическим и духовным страданиям.

Однажды мы втроем сидели на холмике, глядя на море, на линию горизонта, где собирались розовые вечерние облачка.

– Когда-нибудь, – пробормотал Тацуно, – все эти горести будут иметь значение только в том смысле, в каком мы их воспринимаем. Я имею в виду, как мы принимаем страдания. Некоторые, кажется, изо всех сил избегают их. Или гибнут. Некоторые видят страдания и... еще больше начинают ценить жизнь. Может быть, начинают относиться к ней с большим почтением. Как будто душа становится немного более гладкой. Не могу отделаться от мысли, что однажды только это и будет важным.

Когда мои друзья были заняты, я отправлялся на прогулку один. Однажды в воскресенье я пошел к горам мимо небольших аккуратных земельных наделов. Вокруг простирались рисовые поля. На них работали крестьяне. Они тащили за собой плуги, корзины с навозом. Некоторые поливали и рыхлили почву. Это были мастера своего дела. Они укладывали в землю семена с точностью художника.

В полях пожилые женщины пропалывали грядки. Они часами стояли в согнутом положении. Видны были только лишь их спины и похожие на зонтики соломенные шляпы.

Работа у этих загорелых пожилых женщин была в крови. Работа для них являлась чем-то большим, чем ее плоды. Это была сама их жизнь. Они познали много бед и горестей. Многие потеряли на войне своих сыновей. Многих заставили продать своих дочерей. Но на этих огрубевших от ветра лицах всегда были готовы появиться улыбки. Они жили среди риса, где солнце согревало их спины, а под ногами хлюпала жидкая грязь. И всегда можно было поговорить с соседкой,

посмеяться с ней. Это была жизнь. И такой жизни крестьянкам было вполне достаточно.

Никогда раньше я не завидовал пожилым женщинам. Я направился вперед по грязной дороге, прошел мимо привязанного к дереву быка с кольцом в носу. Он старательно отгонял от себя хвостом мух. Бык особенно ни над чем не задумывался. Здесь под деревом текла его жизнь. Рана в носу давно зажила, и кольцо не вызывало боли. Если бы кольцо вытащили, бык мог бы пойти куда глаза глядят, а мог и остаться на месте, продолжая помахивать хвостом. Ему было хорошо. Обстоятельства его не волновали. Покой и согласие – вот что являлось самым важным.

У подножия горы дорога расширялась. Я уже шел по гравию. Впереди в нескольких ярдах начинался подъем. Ступени шли рядами под густыми деревьями, которые образовывали своеобразные арки. На середине пути мне встретилась женщина с желтым зонтиком. Она несла на спине ребенка. Больше людей вокруг не было видно.

На мгновение я почувствовал себя одиноким. Мне захотелось пойти с этой женщиной. Нам не нужно было говорить. Мне просто хотелось чувствовать ее рядом с собой, смотреть на ее ребенка. Я знал, что он не стал бы безвольно висеть на матери. Он цеплялся бы за ее спину – крошечная обезьянка со сверкающими глазками.

Пройдя под верхней аркой, я вышел на площадку, где стояли храмы и усыпальницы. Их крыши и резные стены освещал лунный свет. Часть одного из фасадов украшали золотые драконы. На другом красовались львы с человеческими лицами. Третий украшали изображения уток и цветов. У входа на площадку старик с девочкой – вероятно, внучкой – продавали амулеты. И больше никого вокруг, только эти двое – старик и маленькая девочка. Здесь солнце и ветви деревьев разрисовывали землю лучами света и тенями. Здесь ветерок гулял среди решеток и древних строений.

Купив один из симпатичных амулетов, я направился к зданиям. У входа в главный храм висело множество фонариков. В центре находились самые большие – красные, черные и золотистые. Я удивился, что вокруг было так мало людей. Впрочем, это был отдаленный район. К тому же утро только наступило. Между деревьями снова мелькнул желтый зонтик и исчез за пагодой.

Я взошел на ступеньки храма и заглянул внутрь. Что-то возвышенное заключалось в этом святом месте... Блестящие полы и темные коридоры замерли в тишине, в которой раздавалось лишь легкое эхо прошедших веков. Казалось, вокруг все замерло, словно храм давно чего-то ждал. Я снял обувь и вошел.

Внутри было прохладно. Я опустился на колени перед большой округлой статуей Будды. Какое мирное выражение лица божества! Почти... ну да, немного чопорное, потому что у него не было никаких проблем. Около часа я сидел, поджав под себя ноги, и медитировал. Я не понимал всех различий между буддизмом и национальным синтоизмом. Я хорошо знал простые различия между ними, но более серьезные мысли путались в мозгу шестнадцатилетнего юноши. Я выбрал и вцепился в те понятия жизни после смерти, которые мне больше всего требовались.

Но в тот момент сложности богословия не имели никакого значения. На мгновение я оказался в другом мире и подумал: «Если смерть похожа вот на это, тогда не важно, как она придет. Она неизбежна. Через несколько лет, но так или иначе смерть придет. Это так же естественно, как то, что после цветения вишни лепестки опадают. И все-таки... есть что-то еще. Должно быть».

Какое-то непонятное чувство заставляло меня оставаться в этом храме. В этом святом месте я находился в безопасности. Мир по ту сторону гор казался нереальным. Мне хотелось остаться здесь навсегда. Ничто в храме не могло причинить мне вреда. Может быть, я мог бы стать священником. Древность, святость связывали прошлое с будущим, и я принадлежал последнему, как часть времени и земли. Наверное, я мог бы... Да, мог бы посвятить свою жизнь служению Богу.

Наконец я встал и вышел из храма. На ступенях сидел бритый человек в халате. Опустив голову на руки, он, казалось, внимательно наблюдал за окружающими площадку деревьями. Я немного поколебался, заговорить с ним или нет, но так и не решился. Лучше было не отвлекать его от мыслей.

Когда я проходил мимо, он вдруг любезно произнес:

– Доброе утро, летчик! Ты из Оиты? – Да, в резерве, господин, – ответил я и, не зная, что еще сказать, замолчал. – Я пришел сюда... Здесь очень красиво. Сюда приятно приходить.

– Куда ты идешь? Торопишься?

– Нет, достопочтенный господин, я не тороплюсь. У меня свободный день.

– Тогда почему бы тебе не посидеть со мной немного? Понаблюдаем за деревьями и облаками вместе.

Поклонившись, я представился. Когда-то я чувствовал себя неловко перед незнакомыми людьми, особенно старшими, но все изменилось. Сейчас было уже глупо сомневаться или стесняться. Сидеть в тишине и чувствовать рядом присутствие этого человека было приятно.

Через некоторое время он начал задавать мне вопросы: где мой дом, как давно я стал летчиком. И наконец, он спросил:

– Чем ты занимаешься сейчас?

– Я истребитель. Через несколько дней я полечу в составе сопровождения.

– Для специальных атакующих групп? – Человек кивнул со знанием дела.

Мы поговорили еще несколько минут, и я все это время ждал, когда же он заговорит со мной официально, с соблюдением установленных норм и правил, как полагается взрослому человеку и буддийскому монаху. Но беседа наша продолжала идти своим чередом.

Время от времени я поднимал глаза и видел его профиль, почти такой же, как у моего отца. Один раз человек положил мне на плечо руку, и я не почувствовал никакой неловкости. Он мог держать меня за плечо сколько хотел. Мы стали друзьями. Теплый ветерок обдувал нас и шелестел среди фонариков.

– Странная вещь – ветер, не правда ли? – спросил незнакомец. – Мы не знаем, откуда он прилетает. Мы не можем его видеть. Но он всегда присутствует, дает о себе знать, движется. Думаю, ветер – одна из вечных сил. – Он сделал паузу. – Ты веришь, что душа человека может быть сродни ветру?

Я не ответил.

– Моя и твоя душа, – сказал человек. – Я имею в виду то, что делает тебя тобой, а меня мной, – оно будет вечным. Оно всегда будет двигаться, что-то делать.

– У меня есть друг, который чувствует точно так же, – ответил я. – Мне бы хотелось верить в это.

Человек взглянул на меня:

– Знаешь, в мире нет ничего, что превращалось бы в ничто, даже человеческое тело. Да, оно изменяется, но не исчезает. Материя, энергия – они существуют всегда. Они не сотканы с помощью пустых катушек. Человек или что-то еще могут лишь изменить их, не более того. Ты не можешь взять что-то из ничего и не можешь превратить что-то в ничто. Я прав?

Я кивнул.

– Тогда как же сущность, которая делает тебя – летчика Кувахару – тобой, может быть разрушенной, превратиться в ничто? Видишь ли, друг мой, душа может покинуть тело. Но раз она способна двигаться, значит, может так же и войти в него. Тогда почему же мы должны из-за этого грустить? Почему это так сильно беспокоит нас в течение всей жизни? Вот ветер уже не шевелит фонарики. Сейчас он мчится в горах среди деревьев.

– Когда я поднялся, чтобы уйти, человек сказал – Возвращайся.

– Хотелось бы, – ответил я и пошел по длинной каменной лестнице под образующими арки деревьями.

Глава 19

Чудо жизни

День или два я смотрел на мир совсем по-другому. Прогулки среди ферм и гор всегда приносили успокоение. Я принимал философию священника с жадностью, и она обращалась к моему здравому смыслу. Это помогало и всегда будет помогать.

Но даже философия и ее целительное воздействие не могли побороть тот ужас, который я испытал во время своего первого сопроводительного полета над Окинавой. Ни одна воздушная битва не опустошала меня до такой степени. Никогда до сих пор я не видел, как люди один за другим сознательно идут на смерть.

Всю ночь после полета я ворочался на койке, словно в лихорадке. Одни и те же бесконечные картины неслись в моей голове. Иногда я сопровождал пятнадцать камикадзе, наблюдая за тем, как обрывалась их жизнь. А иногда я оставался один, и подо мной была лишь спокойная водная гладь. Пока я видел только воду, было в общем-то неплохо. Тяготило только чувство одиночества. Но долго удерживать в голове водную гладь было невозможно. Как бы крепко я ни зажмурился, прогнать видение, в котором горели корабли, никак не удавалось.

Всю ночь я видел этот ужасный конвой. Резкое пикирование – все ниже, ниже и ниже. Корабли становятся все больше. Трассирующие пули похожи на ослепительные красные линии. Взрыв и распускающийся цветок смерти. В этот момент я всегда выныривал из ночного кошмара. Это чувство знакомо каждому человеку, но тогда оно было во сто крат сильнее, чем обычно. А потом я лежал и дрожал, одновременно боясь заснуть и продолжать бодрствовать.

С той ночи и еще несколько дней я вдруг стал размышлять над тем, что станет с моим телом. Как будет выглядеть после взрыва моя голова, когда пойдет на дно океана? Как глубоко она опустится – на милю, на две? Какая глубина была вблизи Окинавы? Я видел ногу, качавшуюся на волнах. Вероятно, в ожидании акул. А мои пальцы? Они покажутся странными какой-нибудь рыбе? А может, ее круглый глаз заметит что-то запутавшееся в водорослях, и потом рыба начнет их обгрызать?

Ни один раз за эти ужасные ночи мой матрац становился таким влажным и горячим от пота, что я вставал и подходил к окну в надежде на освежающее дуновение ветерка. Я стоял довольно долго, давая матрацу хоть немного остыть. А иногда переворачивал его. Другая сторона была все же попрохладнее. За несколько дней моя грудь покрылась потницей.

Во время коротких мгновений, когда наступал хотя бы мимолетный покой, я старался думать о доме. Теперь я не писал письма так часто, потому что их проверяла цензура, и некоторые из них так никогда и не доходили до адресата. Нужно было писать лишь общие слова, а это не приносило никакого удовлетворения.

Но даже в таких условиях мама и Томика регулярно присылали мне письма. Ономити бомбили, но никто из моих родственников и соседей не пострадал. Теперь, после стольких месяцев вдали от дома, во мне иногда стали оживать воспоминания. Все, что было связано с Ономити, казалось сном. Нет, все же я не так часто думал о своем доме.

Когда меня включили в группу сопровождения, я стал редко видеться с Тацуно и Накамурой. Наши казармы находились на значительном расстоянии друг от друга. Иногда мы с Накамурой вылетали вместе, но Тацуно, как менее опытного, отправляли только на разведку.

Но, несмотря на муки, страх, рухнувшие надежды, отчаяние, мы, пилоты группы сопровождения, узнали и кое-что ценное. Мы поняли, что требовалось от камикадзе, чтобы его смерть не пропала даром.

Наблюдая за другими, я набирался опыта и каждый день по несколько раз планировал свою собственную гибель. По крайней мере, она должна была стать эффективной. Я знал, как это сделать. Я видел, как делали это другие летчики. Я утащу за собой на тот свет много врагов!

Новичку может показаться, что это совсем просто – спикировать на корабль. Однако существовали факторы, превращавшие этот маневр в очень сложную задачу. Ведь истребители противника тоже не дремали. Кроме того, каждый корабль вел мощный заградительный огонь. Зенитные орудия и крупнокалиберные пулеметы создавали плотную свинцовую стену. Сами суда часто маневрировали, и устремившиеся прямо на них самолеты рисковали просто упасть в воду. В предзакатные часы атакующий легко мог совершить ошибку. Один камикадзе с соседней базы в сумерках принял за корабль противника маленький остров. Могучий взрыв на пустынном берегу лишь подтвердил его ошибку.

По моей оценке, лучше всего было снизиться до пяти – десяти тысяч футов, оставив солнце позади. Угол пикирования находился в пределах от сорока пяти до шестидесяти градусов. Выровняться нужно было где-то на пятистах ярдах от цели и ударить в корму как можно ближе к воде.

При таких условиях ты не попадал под прицел крупных орудий. И существовало еще одно преимущество: корабли рисковали попасть друг в друга собственными снарядами.

Однако, несмотря на мои отчаянные усилия, среднее число удачных попаданий колебалось от десяти до пятнадцати процентов. Печальное отличие от первых результатов в Лусоне.

Глава 20

Женщины теней

В отличие от моих коллег в течение всех этих месяцев я редко бывал в городах, редко ходил в бары и ни разу не заглядывал в многочисленные бордели. Любой военный поймет, сколько я выслушал из-за этого насмешек. Трудно объяснить, почему я, а также Тацуно, Накамура и еще несколько ребят сторонились подобных развлечений. Я считал, что к внебрачным сексуальным связям в Японии совсем иное отношение, чем в большинстве других стран. Удовлетворение плотских желаний не следует воспринимать как что-то аморальное, поскольку оно не связано с какими-то обязанностями или ответственностью.

Мое собственное отношение к этому вопросу частично диктовалось гордостью. Выходец из состоятельной, почтенной семьи, я не хотел опускаться до низостей городской жизни. А еще мой взгляд объяснялся моей молодостью и стеснением перед женщинами. Мне было сложно даже просто поговорить с посторонней женщиной.

Так или иначе, но я не считал секс, купленный за деньги, словно бифштекс, особенно притягательным. Тут нечем было гордиться. Деньги одного человека так же хороши, как деньги любого другого. Очень часто мужчины, на которых обычная женщина даже и не взглянула бы, начинали считать себя прирожденными ловеласами.

Нельзя сказать, что я не испытывал искушения. Иногда по вечерам я слышал женские голоса и смех, раздававшиеся за пределами базы. Иногда они казались теплыми и успокаивающими, иногда нервировали и будоражили. Очень часто из-за этих звуков я находился на грани срыва. «Уже поздно, Кувахара, – звучал во мне внутренний голос. – Нужно испытать в жизни все. Ступай в город и возьми в нем все лучшее. У тебя же есть деньги».

Во время городских прогулок нас с Тацуно и Накамурой частенько окликали. Особенно запомнилась одна женщина лет тридцати с большой дрожащей грудью и намалеванным ртом. Она схватила меня за руку и потащила к темной двери. Я хорошо помню ее хриплый голос:

– Пошли, молодой летчик. Я сделаю тебя счастливым на всю ночь. Всего за несколько иен!

Сначала с волнением, а потом с отвращением я выдернул свою руку и пробормотал:

– Нет, нет, спасибо.

Как же хохотали тогда Тацуно и Накамура!

Когда они уже фактически ревели от смеха, женщина вдруг злобно выкрикнула:

– Тебе не нравится красивая женщина! А ведь ты еще не мужчина, а сопливый мальчишка. Возвращайся, когда станешь мужчиной. Может, тогда я дам тебе бесплатно!

С тех пор как нам разрешили ночные прогулки, в казармах оставалось ночевать всего по несколько ребят. В те жаркие ночи я ворочался с боку на бок и часто разговаривал сам с собой. Я вытирал пот с верхней губы и снова и снова слышал слова: «Возвращайся, когда станешь мужчиной...»

Однажды около полуночи я спрыгнул с койки и начал лихорадочно одеваться. Проклятое злое лицо! Чопорное, бронзовое... Проклятое соблазнительное кокетливое личико! Я ей покажу! Она больше не посмеет называть меня мальчишкой... когда я войду в нее! Она будет стонать! Плакать! Умолять! Вот что она будет делать!

Я споткнулся, выругался, ударился об открытую дверцу своего шкафчика и выругался еще громче.

– В чем дело, Кувахара? – послышался голос из дальнего угла казармы.

Подавляя в себе желание выкрикнуть «Заткнись и спи дальше!», я стоял возле шкафа и сжимал кулаки. Я долго смотрел в темноту, позволяя ей заполнить мой мозг и стереть в нем лица и огни. Затем я снял брюки, рубашку и аккуратно повесил их в шкаф.

Когда я снова лег на койку, стало прохладнее. Легкий ветерок действительно проник в казарму. Я вспомнил, что чувствовал, когда видел девушек, стоявших в тени вдоль стен зданий, – некоторым было не больше четырнадцати лет. Многие напоминали мне моих одноклассниц.

А потом я напомнил себе, что посещение одного из этих домов все равно не принесло бы мне удовлетворения. Накамура один раз попытался и вернулся на базу расстроенный и с острым чувством отвращения. Рано утром он проснулся и взглянул на лежавшую рядом с ним женщину. Косметика на ее лице стерлась, волосы растрепались, из раскрытого рта вырывался громкий храп. Мой приятель в ужасе помчался прочь, вдруг осознав, что мог заразиться гонореей.

Нет, я никогда не повторю ошибки Накамуры. Я мог кое-что сделать, чтобы снять напряжение и сделать жизнь более приемлемой. В городе были клубы, организованные для военных, наподобие американских, которыми занималась объединенная служба организации досуга войск. Там была приятная, домашняя атмосфера. При желании там можно было и пообедать и выпить, а также поболтать и потанцевать с девушками. Как же назывался один из них? Клуб «Токивая», вот как. Я пойду туда. Вдруг это поможет отвлечься от мыслей об Окинаве? Может, тогда я буду не так часто задумываться над тем, когда придет мой черед погибать?

Глава 21

Тоёко

Однажды июньским вечером я сидел в клубе «Токивая». Мои друзья не захотели пойти, и я сидел один, задумчиво глядя на свой бокал с пивом. Здесь были и другие ребята с нашей базы. Они смеялись, танцевали. Некоторые из них прилично напились.

«Как им удастся так легко жить?» – спрашивал я себя. Наверное, многие из них не были пилотами. Иначе они не могли бы вести себя так беззаботно. Стремясь стать летчиком, я надеялся вовсе не на это. Веселье только злило меня. Сколько же я не видел своих родных? Больше года. Сидя сейчас в клубе и глядя на бокал с пивом, я вдруг подумал, что могу их так больше никогда и не увидеть. Я всегда понимал это, но сейчас мысль о вечной разлуке произвела эффект удара. Зачем я пришел сюда? Я оттолкнул от себя бокал и закрыл лицо руками.

Прошло несколько минут, и кто-то коснулся моего плеча:

– Ты болен?

Я испуганно поднял глаза. Голос звучал мягко. В его интонациях слышалась нежность и забота моей сестры Томики. Видимо, я долго молча смотрел на нее, потому что девушка повторила:

– Ты болен? Что с тобой?

Мне в голову мгновенно пришла мысль, что эта девушка не могла быть заинтересована по-настоящему моими проблемами. Ей за это платили. Забота являлась частью ее работы. Но ее глаза чем-то очень напоминали глаза Томики. Может быть, своей задумчивостью. Под ее взглядом я слегка разволновался и быстро опустил глаза.

– Нет. Нет, я не болен... просто задумался. – Выдавив у себя на лице улыбку, я посмотрел на девушку и снова быстро опустил голову.

Она все еще внимательно смотрела на меня.

– Хочешь потанцевать со мной? – спросила она.

Так и не поднимая глаз, я покачал головой и ответил:

– Боюсь, я не очень хороший танцор. Даже не знаю, как это делается.

– А хочешь, я просто посижу здесь с тобой?

Я снова взглянул на девушку и покраснел.

– Все то же выражение глаз. Она не отводила от меня взгляда. – Нет, – сказал я. – То есть да, я был бы очень рад...

Некоторое время мы посидели молча. Наконец я набрался храбрости и снова посмотрел на девушку. Она по-прежнему не сводила с меня глаз. Да, она очень напоминала Томику. Не в смысле физического сходства, а своими манерами. Я посмотрел на красивый узор на ее кимоно – серебристый и золотой, – затем на мягкие белые чулки, которые были прошиты, чтобы отделить от остальных большой палец.

В сандалиях ноги девушки выглядели такими изящными и грациозными. Да и вся она была такой же изящной и грациозной. Она обладала той женственностью, которую сразу с интересом замечает каждый мужчина. Почти прекрасной ее делали не столько черты лица, сколько его выражение. Без него, без того особого света в глазах это была бы просто привлекательная девушка.

Я тщетно пытался подобрать подходящие слова для разговора. Беседовать с друзьями было легко, но сейчас... когда она сидела и просто смотрела на меня...

– Ну... – пробормотал я наконец, – мне, наверное, пора на базу.

Я поднялся, взял свой бокал, сделал большой глоток пива и едва не подавился.

Рука девушки вдруг легла на мою.

– Подожди, пожалуйста!

Заинтригованный, я снова сел. Неужели она... заинтересовалась мной? Может, даже влюбилась? Я много раз видел подобные романы в кино, читал в книгах.

– Можно задать тебе личный вопрос? – тихо произнесла девушка.

– О нет. Нет, не надо! – Я удивился, почему ответил так громко.

– Только не обижайся, – сказала она. – Сколько тебе лет?

Так вот в чем дело! Я разозлился и ответил почти грубо:

– Ну... двадцать, а что? Почему ты спрашиваешь?

– Пусть так. Значит, двадцать?

– Да, двадцать! А что?

– Ты сердисься? Понимаешь, я спросила тебя потому... Мой младший брат... Я должна была сказать тебе. Ты очень похож на него, очень. Его убили в Бирме.

В ее глазах виднелась мольба. Точно такая же, какая была в глазах Томики, когда я ушел в армию много месяцев назад.

– Прости.

– Ему было всего шестнадцать.

Мы долго смотрели друга на друга. Теперь мне уже не хотелось уходить, но что-то все равно тянуло на базу. Девушке удалось разговорить меня. Каким-то образом она вошла в мою личную жизнь. Спокойно, скромно, но в то же время почти настойчиво она смогла заглянуть в мою душу. Я встал:

– Мне пора возвращаться.

– Саёнара,[7] – улыбнулась девушка и теперь отпустила меня как-то уж слишком свободно.

Я колебался.

– Мне очень жаль твоего брата. Правда. Мне... мне тоже только шестнадцать.

Впервые она отвела от меня взгляд. Опустив глаза, девушка кивнула и снова прикоснулась к моей руке.

– Ты вернешься? – Да, скорее всего.

И я ушел.

На следующий вечер, вернувшись после очередного сопроводительного полета, я пришел в клуб «Токивая», заказал пиво и сел за тот же столик. Несколько минут я притворялся, что увлекся пивом, танцующими людьми и вообще всем, что происходило вокруг. Но все это время только одна мысль стучала в моей голове: может, та девушка откуда-нибудь тайком наблюдала за мной? Подойдет ли она ко мне сегодня? Я потягивал пиво, затем оценивающе разглядывал бокал, а сам краешком глаза следил за перемещениями в клубе. Каждый раз, когда мимо проходила какая-нибудь девушка, мое сердце вздрагивало.

Прошел час. Я начал волноваться. Один раз мне показалось, что я увидел ее танцующей со знакомым мне летчиком. Но нет, это оказалась не она.

Прошло еще полчаса, и я поднялся, чтобы уйти. Мысли о возвращении не радовали меня. Мне предстояло провести еще одну душную, кошмарную ночь в казарме. Мимо прошла девушка с чашками, полными лапши. Удивляясь самому себе, я попытался остановить ее.

– Простите!

– Что вы хотите?

Я вдруг понял, что даже не знал имени той незнакомки.

– Девушка, с которой я сидел... вчера вечером... Она немного посидела со мной вот за этим столом. Вы ее не знаете?

Нет, эта девушка ее не знала. Я тщетно пытался описать ее внешность.

– Длинные волосы... завязанные сзади. Очень симпатичная.

– Мне очень жаль. Я работаю здесь недавно.

Я посидел еще немного, погруженный в раздумья, затем встал и направился к выходу.

Когда дверь за мной захлопнулась, звуки музыки и смех стали тише. Я пошел по улице. «Может, немного прогуляться по городу? Может, зайти к проститутке? Девушка из клуба это заслужила! Попросить меня вернуться на следующий день, а самой не прийти!» Я злобно плюнул и услышал позади стук сандалий.

– Эй! – Это была та девушка, которую я только что расспрашивал. От бега она задохнулась и с трудом проговорила: – Та девушка, о которой вы спрашивали... У нее сегодня выходной...

Я поблагодарил ее. Девушка поклонилась и прошептала в ответ:

– Пожалуйста.

– Подождите, – сказал я, когда она повернулась, чтобы уйти. – Как ее зовут?

– Кажется, Тоёко.

В обычной ситуации я ни за что не задал бы следующий вопрос, но сейчас это было необходимо.

– Где она живет?

Девушка заколебалась.

– У меня для нее важные новости, – неуверенно пробормотал я.

– Я точно не знаю. Нет, не могу точно сказать.

– У вас должны быть хоть какие-то предположения! – Я старался, чтобы мой голос звучал как у отчаявшегося человека. – Мне нужно передать ей что-то очень важное!

– Да, но...

– Я вытащил из бумажника десять иен. – Вот. Только скажите хотя бы, где она может жить. Мне нужно с ней поговорить!

– Нет, я не пыталась выпросить денег, – сказала девушка.

– Возьмите. Я знаю, они вам пригодятся. Только скажите, где она может жить.

– Наверное, вниз вдоль берега... в комнатах Миядзаки.

– Большое вам спасибо, – сказал я и пошел прочь.

Вслед мне донесся ее голос:

– Только помните, я не уверена!

Добраться до нужного района мне удалось не очень быстро, но в конце концов я оказался на месте. Комнаты Миядзаки были очень маленькими, с тонкими

оштукатуренными стенами и решеткой наверху. Еще не было десяти часов, поэтому в некоторых окнах горел свет.

Проскользнув за дверь, я вошел в мрачный коридор и стал рассматривать почтовые ящики. Здесь их висело всего шесть. На двух имен не было. На самом крайнем виднелась надпись: «Тоёко Акимото». Похоже, я нашел ту, что искал. Я скинул ботинки, поднялся по лестнице и остановился возле комнаты под номером шесть. Сквозь щель под дверью пробивался свет. Глубоко вздохнув, я постучал и замер. Внутри у меня пылало пламя. Ответа не последовало. Я постучал громче. Наверное, она спала. А может, у нее кто-то был? Этой мысли я вынести не мог и осторожно толкнул дверь. Она подалась, приоткрылась на дюйм и тихо скрипнула. Две маленькие комнаты. Пол второй был поднят на фут по отношению к первой. У дальней стены виднелся крошечный балкончик.

– Тоёко, – тихо позвал я. – Госпожа Акимото.

Все это было как во сне. Внизу кто-то вышел из своей комнаты, сильно испугав меня. Ведь здесь жили одни женщины. В коридоре стоял тонкий аромат косметики. Да. Здесь жили только женщины. На стене висели кимоно – одно розовое, другое фиолетовое. Единственным предметом мебели в главной комнате был кофейный столик цвета красного дерева, угольная горелка и две подушки. В дальней комнате лежал матрас. На нем был свернут второй такой же, а также две простыни и ночная рубашка.

Я приоткрыл дверь пошире. На крошечном комодике в дальней комнате лежала пара шелковых чулок – настоящая редкость. Удивительно, как в любом месте можно было определить, что здесь живет женщина! Легкий ветерок гулял по комнате, шевелил чулки и шторы у открытой двери балкончика. Я понимал, что мне нужно уходить. А вдруг все-таки она живет здесь не одна? Как мне тогда извиняться? Да, нужно уходить. Я удивился собственной глупости и ничем не мог объяснить свои поступки... кроме как тем, что мне хотелось увидеть лицо Тоёко, ее глаза. Мне хотелось, чтобы она снова прикоснулась к моей руке и что-нибудь сказала. Что в этом плохого? Я повернулся и уже собрался спуститься по лестнице, как вдруг послышался слабый звон. Он доносился со стороны балкончика. Подняв голову, я попятился к двери. Мягкий звенящий серебристый звук, звук, который приносил в эту душную ночь прохладу. Я слышал его раньше, когда-то очень давно. Да, стеклянные колокольчики висели на балконе, и ветер проводил по ним своими пальцами. Я даже смог разглядеть, как они покачивались, отражая свет, словно миниатюрные звездочки. Уже не думая о том, что со мной произошло, я замер на пороге и слушал этот приятный звон. Через несколько минут внизу хлопнула дверь. В коридоре послышался стук сандалий. Кто-то поднимался ко мне.

Девушка шла по лестнице, опустив голову, и не заметила меня, пока не открыла наполовину дверь. Затем она испугалась и прижала ладонь к губам. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга. Я попытался что-то сказать и не смог. Девушка держала в руке полотенце и без косметики выглядела другой. Блестящие волосы были распущены и струились вниз по ее спине.

– О, – выдохнула она. – Это ты. Ты меня напугал.

Я открыл рот и с трудом пробормотал:

– Прости. Я ухожу. Я не хотел...

– Нет, – прервала она меня. – Конечно, я не ждала тебя. Я вообще никого не ждала. Только что вышла из ванной и...

– Мне лучше уйти, – сказал я уже более уверенно. – Мне сказали, у тебя сегодня выходной день. Я подумал, что мне нужно сказать тебе, что я не знаю, когда вернусь в «Токиваю». Мы теперь часто вылетаем.

Я не знал, что еще сказать.

– Нет, нет! – Девушка покачала головой. Наши глаза встретились, как вчера вечером, и она протянула мне руку. – Ты же не уходишь... я хочу сказать, это не... Ты же уходишь не навсегда?

– Нет, – убежденно ответил я. – Не навсегда. На время.

– Задержись на минуту, пожалуйста. – Девушка проскользнула в комнату, закрыла дверь, но через мгновение снова открыла ее. – Входи.

– Ты уверена, что мне можно зайти к тебе? – с глупым видом пробормотал я.

Она протянула мне подушки и сказала:

– На балконе еще лучше. Там дует прохладный ветерок и можно смотреть на воду.

Под балконом вниз шла черепичная крыша. За ней виднелся огороженный стеной сад. Вдали над крышами, улицами и деревьями окаймленный белой пеной берег. Откинув назад голову, прикрыв глаза, девушка тихо проговорила:

– Мне это нравится. Такой чудесный запах!

Ветер стал сильнее. Он ласкал ее влажные волосы.

– Мне понравились твои колокольчики, – сказал я. – Их можно слушать вечно. Я давно не слышал таких звуков. С тех пор, как пошел в армию. Где ты их взяла?

– Их подарил мне мой друг, – с улыбкой ответила девушка. – А почему ты не хочешь снять носки и вытянуть ноги, как я?

– И так хорошо.

– Давай. – Она отняла мои ботинки и стянула с меня носки. Пока я смеялся от неловкости, девушка закатала штанины моих брюк вверх. – Вот! Вытягивай ноги. Вот так. Чувствуешь ветер? Разве это не приятно?

– Ага. – Я улыбнулся. – Приятно.

Она была похожа на маленькую девочку – такая же естественная и непосредственная. Я почувствовал себя увереннее. По крайней мере, я не совершил ошибку, придя сюда.

– Помнишь, ты вчера спросила меня...

Тоёко кивнула.

– Можно я задам тебе такой же вопрос? – произнес я.

– Ах это... Мне двадцать четыре года. Я уже пожилая женщина. Старуха.

– Ты сказала, что я напомнил тебе твоего брата. Странно. Я очень удивился, услышав это, потому что несколькими минутами раньше думал о том, как ты похожа на мою сестру Томику.

Мы говорили о своем прошлом почти два часа. Тоёко покинула свою многочисленную семью в Нагасаки в восемнадцать лет и стала жить самостоятельно, работая в барах. Однажды устроилась даже горничной, потом

путешествовала с группой танцоров, иногда подрабатывала манекенщицей и вот уже год была официанткой в клубе «Токивая».

– С тобой приятно разговаривать, Ясуо, – сказала она, когда я уходил. – Сегодня первый вечер за несколько последних месяцев, когда я не чувствовала себя одинокой. Ты вернешься?

– Да, да, конечно. Если ты захочешь.

– Конечно захочу. Мы можем встретиться завтра вечером? В десять. Можем прогуляться. Пройдемся по пляжу.

В ту ночь я вернулся на базу переполненным счастьем. Даже полеты уже не выглядели такими ужасными. Да и будущее уже не казалось мрачным. Я почувствовал, как появились лучики надежды. Впервые в жизни я испытывал нежность по отношению к женщине, которая не принадлежала моей семье. Я решил, что жизнь среди одних мужчин месяц за месяцем означала глухую изоляцию.

На следующей неделе я почти каждый вечер встречался с Тоёко, а потом начал приносить еду с базы к ней домой. Тогда уже начались проблемы с продовольствием, и я с радостью помогал ей. Когда пропал лук для наших ужинов, Тоёко стала класть в блюда капусту. Она тоже была редкостью, но Тоёко удавалось купить ее на рынке. Почти с материнским теплом она наблюдала, как я поглощал приготовленные ею кушанья.

С интервалом в несколько дней я приносил Тоёко одежду, и она ее стирала. Сначала я возражал, но Тоёко настояла. Похоже, она с удовольствием заботилась обо мне. Комнаты Тоёко стали для меня вторым домом, убежищем, где мы по обоюдному согласию не говорили о войне.

Однажды субботним вечером, когда я собирался возвращаться на базу, Тоёко вдруг спросила:

– Ясуо, ты действительно должен идти?

– Уже поздно, – ответил я. – Тебе уже пора спать.

Тоёко нежно взглянула на меня:

– Оставайся. Можешь остаться у меня. Не бойся.

Когда я забормотал что-то невнятное, Тоёко пояснила, что у нее было два матраца и две простыни.

– Мы спокойно могли бы улечься на ночь. Но почему нет, Ясуо? Я буду спать здесь, а ты можешь лечь на балконе. Там прохладно. Смотри, мы даже можем задернуть шторы.

Две белые занавески действительно разделяли комнаты. Стоило только дернуть за шнур.

– Хорошо, – согласился я и уже через несколько минут растянулся в темноте на матраце, прислушиваясь к шороху одежды, которую снимала с себя в комнате Тоёко. Колокольчики позвякивали почти над моей головой, и где-то вдалеке неугомонный продавец лапши брэнчал своими металлическими формами.

Глава 22

Колокольчики в ночи

Теперь я проводил почти все свое свободное время с Тоёко, и это было почти так же естественно, как если бы я проводил его со своей семьей. Несмотря на разницу в возрасте, у нас было много общего, и нам не нужно было ничего, кроме как слышать голоса друг друга. Иногда по вечерам мы сидели в саду позади дома, прислонившись к большому камню возле стены. Над нами, словно балдахин, нависали цветущие ветви дерева. Красные, приятно пахнувшие лепестки время от времени падали на нас. Тоёко часто поджигала палочку ладана в ржавом сосуде, и мы вдыхали аромат, а легкий ветерок превращал дым в причудливые змейки и завитки.

Как бы ни хотелось мне больше бывать с Тацуно и Накамура, меня постоянно тянуло к Тоёко. Я должен был быть рядом с ней. Иногда я удивлялся, как она могла проводить свое свободное время с таким мальчишкой, как я. С одной стороны, это были вполне нормальные отношения. И все же немного странные.

Мои приятели начали отпускать в мой адрес шуточки. Это было неизбежно. Уже многие летчики относились к Тоёко как к моей «жене», а другие завистливо забрасывали меня вопросами. Мое молчание только обостряло их любопытство. Когда я возвращался в казарму перед самой утренней поверкой, меня всегда встречали словами: «Как прошла ночь, Кувахара?» или «Эй, любовничек! Может, тебе уже лучше переселиться к ней совсем?»

Конечно, большинство ребят вовсе не замечали моих отлучек в город, потому что ходили туда сами. Любопытным же я давал мало поводов для зубоскальства. Впервые, они никогда бы мне не поверили. А те, кто все же поверил бы, безжалостно подняли бы меня на смех. К тому же я слишком высоко ценил Тоёко, чтобы открывать ее личную жизнь пилотам военно-воздушных сил Японии.

Другое дело Тацуно и Накамура.

– К вашему сведению, – сказал я им однажды, – это совсем не то, что вы думаете.

Накамура выругался:

– Ты хочешь сказать, что можешь провести целую ночь с подобной дамочкой и ни разу... То есть вообще ни разу?

– Нет, – ответил я. – Ни разу. Ты не можешь себе представить, что мы просто друзья? Мы вместе ужинаем, ходим гулять на пляж, разговариваем. Мы даже спим в разных комнатах.

– Мы тебе верим, – сказал Тацуно. – Не надо так злиться. Хотя я знаю, что ты имеешь в виду. За такую девушку я отдал бы все на свете... правда! С ней очень приятно находиться рядом, беседовать. Ведь меньше половины наших ребят смогли бы поддержать интеллигентную беседу.

– Это точно, – согласился Накамура, – но с такой женщиной... просто разговаривать? Ха! Это не для меня. Должно быть, ты ей очень нравишься, Кувахара. Похоже, ты пропал. Только не злись. Просто я так сморю на эти вещи, вот и все. – Он пожал плечами. – Конечно, это не мое дело, но в один прекрасный день ты сломаешь себя. Я не завидую жизни, подобной той, которую ведут все эти безнадежные придурки возле базы... не с такими грязнулями и не в таких обшарпанных хижинах. Но ведь ты получил то, чего человек удостоивается очень редко. Слушай, когда голодному протягивают обед, он, между прочим, не сидит и

не смотрит на него... в общем, смотрит, но недолго. – Накамура хлопнул меня по руке. – Ты переломишь себя, Кувахара!

– Не надо его провоцировать, – возразил ему Тацуно. – Он знает, чего хочет. Он нашел что-то прекрасное. Из-за таких разговоров о Тоёко я начинал только сильнее скучать по ней, но теперь мы виделись очень часто. К моему глубочайшему огорчению, она отправилась однажды в Фукуоку «повидаться с родственниками». Я провел те грустные вечера в компании своих друзей, но был плохим собеседником. Когда Тоёко уехала, жизнь стала совсем печальной. Некоторое время полеты уже не казались мне такими ужасными; после первого шока я стал тверже, опытнее. Но теперь я их просто ненавижу. Страх снова вцепился в меня.

Когда меньше чем через неделю Тоёко вернулась, я почти взбесился от тоски по ней. В тот вечер, когда она открыла мне дверь, я несколько мгновений просто стоял на пороге и смотрел на нее. Тоёко вернулась в середине дня и не пошла на работу. Как всегда, она приняла душ, и сейчас ее мокрые волосы рассыпались по плечам.

– Ясуо! – Тоёко протянула мне руки.

– Тоёко! Я скучал по тебе. Я изнывал от одиночества. Ты не знаешь, как я скучал по тебе.

Она была в моем любимом фиолетовом кимоно. Я взял ее за плечи. Впервые мои руки легли на плечи женщины. Они оказались мягче и тоньше, чем я себе представлял. Я вдруг понял, что сильно повзрослел за последние месяцы.

Ни о чем не думая, я притянул Тоёко к себе. Поцелуй получился неловким, но по-другому я не умел. Только на мгновение мои губы прикоснулись к ее губам, и Тоёко тут же отвернулась.

– Ясуо! – пробормотала она. В ее голосе послышались материнские нотки.

Прижавшись губами к тонкой шее Тоёко, я прошептал:

– Я скучал по тебе.

Мы отошли друг от друга, и она взглянула на меня:

– Я тоже скучала по тебе, Ясуо. – Ее глаза были задумчивыми.

А потом я вспомнил. Ведь я же принес ей подарок – флакон дорогих духов. Я очень долго искал такие духи.

– Ясуо-сан! Как мило! Какой ты внимательный и благородный!

Я вдруг сильно разволновался и произнес:

– Это чепуха. Просто скромный подарок.

Открыв флакон, Тоёко с удовольствием понюхала духи, покачала головой, помазала ими за ухом и протянула мне свой благоухающий пальчик.

Однако потом, когда мы пошли прогуляться вдоль гор по пляжу, я почувствовал, что она была чем-то расстроена.

– Тебе не понравилась поездка к близким? – спросил я.

– Давай сядем, – произнесла Тоёко. – Я хочу поговорить с тобой.

Мы нашли место, откуда открывался красивый вид на море, и я стал с нетерпением ждать, когда Тоёко заговорит. Наконец она нарушила молчание:

– Ясуо, мне нужно тебе что-то сказать.

– Что? – спросил я.

– Не сердись на меня. Я думаю, мне нужно тебе это сказать. Понимаешь, я ездила на встречу с мужчиной. С мужчиной, которого знаю очень давно. Он офицер.

Потеряв дар речи, я смотрел на нее. Не то чтобы я никогда не подозревал о существовании соперника. Просто я не знал, что всего лишь одно упоминание о нем заденет меня настолько сильно. Нет, я постоянно говорил себе, что Тоёко была для меня больше чем сестрой.

– Он служил там. Мы собирались пожениться, но несколько месяцев назад его перевели в другое место... и он передумал. Может, это только предлог. В общем, я ездила к нему. Он писал мне, просил приехать... но когда мы снова увиделись... Все ушло.

– Так, значит, ты не выходишь замуж?

– Нет, теперь все в прошлом. Но я хотела рассказать тебе.

– Зачем? – спросил я. – Зачем ты захотела рассказать мне об этом?

– Не знаю. Я ведь так много думала о тебе. Я должна была рассказать, вот и все. Ты знаешь, как много для меня значишь. Я просто хотела, чтобы ты знал правду.

Мы долго сидели молча. Я пытался понять, что же Тоёко чувствовала ко мне? Я был для нее только младшим братом? Я прислонился спиной к камню, вслушиваясь в звуки ночи. С одной стороны от нас, как огромное живое существо, простирался океан. С другой несколько точек света обозначали центральную часть города. Дальше черным кольцом лежала наша база. Ее еще не бомбили, но враг скоро будет тут. Так что же чувствовала ко мне Тоёко? Как бы она отреагировала, если бы я прижал сейчас ее к себе? Нет, вокруг девушки находилась плотная стена. Она думала о другом человеке. Кроме того, Тоёко очень напоминала мою родную сестру. Очень.

Я ушел от нее в тот вечер разозленным и твердо сказал себе, что никогда больше не вернусь. Но я стал снова приходить к ней, каждый свободный вечер, даже когда Тоёко грустила и отвечала мне односложно. Через несколько дней ее настроение стало улучшаться, но к тому времени я уже знал, что больше не мог быть ей братом. Мысли о том, что сказал о Тоёко Накамура, пугали меня, не важно, насколько сильно мне хотелось об этом думать. О словах моего приятеля и своей тоске во время ее поездки... А теперь, когда я знал, что она была с другим мужчиной... с мужчиной, к которому Тоёко относилась не как к брату.

Иногда по вечерам мы ходили купаться, а потом лежали рядом на песке... так близко, что наши тела соприкасались. Мы наслаждались ароматом соленого морского воздуха. Часто близость и тепло гладкой кожи Тоёко заставляли меня дрожать.

Мне не хотелось испытывать это чувство. Я боролся с ним. Но оно все крепче вцеплялось в меня. Однажды поздно вечером после нашего привычного купания пошел теплый дождь, и мы, взявшись за руки, побежали к Тоёко домой. Запах соли, пыли, легкий ветерок – все смешалось в нечто мучительное.

Не включая свет, мы стали переодеваться в сухую одежду. Я украдкой бросил взгляд на Тоёко, на светящиеся в полутьме очертания ее бедра и плеча. Остальное тонуло во мраке.

Затем мы вышли на балкон, сели и стали слушать похожие на пение птиц звуки флейты.

– Сейчас в округе много одиноких женщин, – тихо произнесла Тоёко.

– Ты тоже одинока? – спросил я.

– Нет, нет, только не с тобой, Ясуо. Просто...

– Просто что?

– Ясуо. – Тоёко погладила меня по волосам. От нее сладко пахло духами. – Просто... О, почему ты не старше? Хотя я не это хотела сказать. Почему я должна думать о тебе так, как думаю? Я начал дрожать.

– Я для тебя ребенок? Мне скоро будет семнадцать, Тоёко. Я многое повидал. Я многое сделал! Я знаю то, чего мужчины – миллионы взрослых мужчин – не знают и никогда не узнают. Тоёко, я должен сказать тебе... Я так больше не могу. Это сводит меня с ума. Да, сначала ты была мне сестрой, но больше так продолжаться не может. Не сейчас! Я хочу тебя!

– Нет, Ясуо-сан, пожалуйста, – сказала она.

Я погладил Тоёко по лицу, по шее, прижал ее к себе и стал целовать глаза, уши, все лицо. Затем я крепко прижал ее губы к своим. В какое-то мгновение она ответила. Губы Тоёко стали влажными и задвигались, но, когда я прижал ее к себе еще крепче, она стала сопротивляться и, задыхаясь, торопливо проговорила:

– Нет, Ясуо! Пожалуйста, Ясуо! Ты не должен!

Но внутри меня все горело. Я крепко держал Тоёко в своих объятиях, ощущал ее дыхание.

– Тоёко! – крикнул я. – Я не хочу причинять тебе боль. Ты... ты мне нужна. Мы нужны друг другу! Позволь мне доказать, что я не ребенок! Позволь мне доказать это, пожалуйста! Я хочу тебя! Я мужчина!

– Нет, Ясуо, нет, нет. Это неправильно... для нас обоих. Не сейчас.

Тоёко покачала головой и попыталась освободиться из моих объятий.

– Неправильно? – Я схватил ее за бедро. – Почему? Почему? Ты хочешь свести меня с ума? Когда же будет правильно? Через пару дней, когда я погибну?

Грудь Тоёко часто вздымалась и опускалась. Я никогда не видел более изящной картины. Мои руки потянулись к Тоёко.

– Нет! – судорожно вскрикнула она, выдернула ногу и попала коленом мне в живот.

Когда Тоёко стала вставать, я вцепился в ее руку и лодыжку. Мы покатались по полу. Я схватил Тоёко, прижал ее руки к полу, и она вдруг перестала сопротивляться. Теперь она громко рыдала.

Я с трудом перевел дыхание и посмотрел ей в лицо. Тоёко плакала, как маленькая девочка. Вдруг мне стало ее жалко. Я отпустил ее руки и поправил на ней кимоно.

– Прости меня, Тоёко! – взмолился я. – Прости, прости, прости!

Я уткнулся лицом ей в плечо, и мы плакали теперь уже вместе.

Печальные звуки флейты стихли, когда мы с Тоёко растянулись на своих матрацах. Время от времени я слышал, как она всхлипывала. Вдруг меня охватило такое отчаяние, какого я еще никогда не испытывал.

– Тоёко, пожалуйста, не надо меня ненавидеть! – произнес я и услышал, как мой голос растворился в темноте.

Тоёко ничего не ответила, но через мгновение я услышал звуки ее шагов. Через несколько секунд она расстелила свой матрац рядом с моим.

– Я вовсе не ненавижу тебя. Ты же знаешь, Ясуо.

Какое-то время ее слова были не очень понятными. Тоёко легла и взяла меня за руку.

– Я не виню тебя, Ясуо. Это... не твоя вина. И пожалуйста, не думай, что ты ребенок. И ты уже не просто брат мне. Я много раз... И дело не в том, что я не хочу тебя, Ясуо. Просто ты совсем другой. В тебе есть что-то... что-то хорошее. Какое-то... О, Ясуо, я не знаю, что хочу сказать. Я познала с тобой что-то доброе... что-то особенное. И все-таки... это очень легко разрушить. А я ничем от других не отличаюсь. Ты же понимаешь, что я имею в виду. Ты же знаешь!

– Да, – ответил я и крепко сжал ее руку. – Но я должен сказать тебе вот что. Я не хочу, чтобы ты думала, будто я просто так... Я люблю тебя, Тоёко.

Я лежал и прислушивался к тонкому слабому звону колокольчиков и тихому плеску волн на берегу. Дождь снова заморосил.

– Я тоже люблю тебя, Ясуо. С того самого первого вечера.

Казалось, какая-то сила перетекла из ее руки в мое тело.

– В тот первый вечер мы были такими одинокими, Ясуо.

Дыхание Тоёко уже стало ровным. Колокольчики, море и дождь тихо уносили нас.

– Такими одинокими, – повторила Тоёко. – Такими одинокими.

Часть шестая

Глава 23

Прах для семейной усыпальницы

Рано утром я ушел на базу, еще не зная, что больше никогда не увижу Тоёко Акимото.

Улицы и переулки тонули в тиши. Облака заслонили часть неба. Между домами и в полях ветер гнал клубы пыли и обрывки бумаги. Это было редкое летнее утро, странное напоминание среди тепла и зеленых деревьев о том, что зима однажды все равно вернется.

Приближаясь к базе, я почувствовал легкую оторопь. Сегодня мне предстоял очередной сопровождающий полет. Окинава. Вчера нам сообщили задание, а сегодня мы получим последние инструкции. Окинава. Кто на этот раз? Еще пятнадцать или двадцать человек. В последнее время я не запоминал имена. Так было лучше. А еще было хорошо, что я не обзавелся в Оите друзьями. Когда я прошел через контрольный пункт, база вдруг начала вибрировать. В небе, почти невидимый, ревел самолет, и я ускорил шаг. Нужно было торопиться на утреннюю поверку.

Когда она закончилась, я побежал в столовую, собираясь быстро позавтракать и проверить свой истребитель. Теперь я придавал проверке особенно большое внимание и всегда убеждался, что все механизмы были в порядке. По крайней мере, в этом случае знал свои возможности в воздухе. Мне не хотелось покидать этот мир из-за какого-то глупого просчета.

У меня за спиной были месяцы изнурительных тренировок, боевых вылетов. В основном это были резкие атаки и быстрое бегство. Приходилось попадать и в серьезные бои. Теперь я уже не был зеленым юнцом, который следовал в бою вслед за своим лейтенантом. На моем счету были два вражеских самолета. Оба случая были подтверждены. В Оите я получил звание капрала. А японскому солдату дослужиться до него было очень непросто.

И теперь, какой бы мрачной ни была задача, я стал лидером. Я должен был вести летчиков-камикадзе через вражеский заслон, защищая их до тех пор, пока они не ринутся в свою последнюю атаку, а потом вернуться и доложить обо всем начальству. Такой была моя работа. У кого она была более важной?

А вечерами? Вечерами была Тоёко. Она сказала, что любит меня, и этого мне было достаточно. Теперь я не мог умереть. Что-то должно было произойти, чтобы спасти меня. Я стану неуязвимым. Придет время, когда Тоёко отдаст мне всю свою любовь, и это будет прекрасно. Она станет моей женой.

Сегодня Накамура должен был вылететь вместе со мной. Это меня радовало. Я увидел приятеля в столовой в очереди впереди меня. Повар наполнил мои тарелки, и я сел за стол вместе с Накамурой.

– Привет, дружище. – Я игриво толкнул его. – Видел сегодня Тацуно?

– Накамура серьезно взглянул на меня – Да, видел.

– Слушай, в чем дело? Где он?

– Готовится.

– Лететь с нами? В сопровождении?

– Лететь – да. Но не в сопровождении.

У меня перехватило дыхание, будто в грудь мне налили свинец.

– Он счастливчик, – произнес Накамура. – Ему больше не надо волноваться. После сегодняшнего дня. А нам с тобой... еще нужно ждать.

Я осторожно положил на стол свои палочки, словно это было сейчас самым важным.

– Когда он узнал? Почему никто не сказал мне раньше, чтобы я мог хотя бы побыть с ним? Почему ты мне ничего не сказал?

– Это случилось позавчера. А последний месяц с тобой трудновато говорить. Ты сам знаешь. Тебе надо хоть иногда читать приказы, Кувахара. Ты же не хочешь пропустить свое имя?

Я сжал пальцы в кулак и прикусил его зубами, бессмысленно глядя в пространство.

– А ведь я его последнее время почти не видел. С тех пор как мы улетели из Хиро, я уже не был ему другом! Где я был? О чем думал? – Я еще крепче сжал зубами кулак. Я чувствовал сейчас только одно – как мои зубы стиснули пальцы.

– Я пытался найти тебя вчера вечером, – сказал Накамура. – Заходил к твоей девушке около десяти, но тебя там не оказалось.

– Мы ходили на пляж.

– Прекрасно! Гораздо лучше, чем сидеть с...

– Хватит!

Я ударил кулаком по столу, оттолкнул стул и бросился из столовой, ничего не видя вокруг. Где сейчас был Тацуно? Я найду его. Я скажу ему, что умру за него.

Я буду прикрывать его до самого корабля. И потом мы бросимся в атаку вместе. Нет, Тацуно не пойдет на таран один. Только не мой друг! Я пробежал примерно четверть мили по базе и остановился перед казармой Тацуно. Он и его товарищи по несчастью, видимо, сейчас получали последние инструкции.

Я развернулся и уныло побрел к своей казарме. До вылета оставалось два часа. Час до получения наших инструкций по сопровождению. Я даже не стану проверять свой самолет. Заведу его в самый последний момент. Накамура сидел на койке в моей комнате и ждал.

Я молча сел рядом с ним. Приятель глубоко вздохнул и хлопнул меня по колену. – Прости, Ясубэй, – пробормотал он. – Я не знал, что говорю. Я схожу с ума. Правда.

Я сжал его руку.

– Не горюй, Ясубэй, – произнес Накамура. – Тацуно этого бы не одобрил. Ему не хотелось бы, чтобы ты его оплакивал. Он сказал мне это вчера вечером. Все мы отправимся на тот свет. И очень скоро. Вопрос нескольких дней. Сегодня или завтра – это уже не важно. Мы доживаем последние дни... Ты сделал прекрасную вещь, Ясубэй. Ты нашел человека, с которым приятно проводить время. Это здорово. И не важно, что потом произойдет.

– Но я даже не увидел его. – Я едва не зарыдал. – Тацуно! Знаешь, сколько мы дружим?

– С четырех лет. Он рассказал мне. Но ты ничем ему не помог бы. Мы все действуем друг другу на нервы. Я сам не виделся с Тацуно. Он ушел в горы к священнику.

– Как он это воспринял? – Я должен был задать этот вопрос. – Великолепно! – ответил Накамура. – Великолепно! Сегодня у меня возникло забавное ощущение. Может, все мы получим сегодня этот приказ. И все сгорим в пламени... отдадим долг своему императору. Это чувство пронизывает меня до костей.

Наконец, оставшееся до вылета время прошло. Оно ничем мне не запомнилось, и потом я вдруг обнаружил себя стоящим на летном поле в своем комбинезоне и готовым к вылету. Всего в бой отправлялось шестнадцать пилотов. Четверо в сопровождении. Остальные не должны были вернуться. Двенадцать летчиков собрались возле офицера с картой, чтобы получить последние указания.

Все мы стояли и внимательно слушали офицера, каждое его слово. Тацуно стоял недалеко от меня, но казался мне каким-то нереальным, просто расплывчатым образом. Его душа... Он уже будто стал ветром, шелестящим среди фонариков.

На бритых головах камикадзе красовались повязки в виде японского флага – восходящее солнце на белом фоне. К вылетам смертников никогда не относились с небрежностью. Это была целая церемония, шоу, напутствия и напыщенные речи... многие из которых я выучил наизусть.

Мальчикам и девочкам, снятым со школьных занятий для работы на базе, позволялось в таких случаях собираться рядом с летчиками. Некоторые девочки начинали плакать, затем умолкали. Приходило время речи офицера.

Да, все те же слова, которые я так часто слышал за последние недели. Гнусавый голос гудел какое-то время, затем заканчивал: «Итак, доблестные воины, идите в

бой с улыбкой... Вам уже уготована слава ваших предков... защитники... самураи небес...»

Наконец настало время петь боевую песнь:

Цвет пилота – это цвет цветущей вишни.

Смотрите, как падают лепестки цветов вишни с гор Есино.

Если мы рождены гордыми сынами народа Ямато,

Умрем в битве в небе.

И наконец, последний тост. Чашечки с сакэ взмыли вверх, и прозвучал клич: «Тэннохэйка банзай!» («Да здравствует император!») Камикадзе со смехом и шутками стали забираться в свои старые самолеты, древние истребители и даже тренировочные машины. Правда, теперь это уже не имело значения. Из этого полета возврата не было. Улыбки? Они могли остаться на лицах некоторых пилотов до самого последнего момента. У других они стали таять, когда летчики залезли в кабины. Возможно, некоторые не ощущали страха до тех пор, пока не видели приближающийся вражеский конвой. А что же было тогда смелостью? Я не знал. Кто более отважный человек – тот, кто чувствует страх в последний момент, или тот, кто чувствует его с самого вылета? Но тогда я мог думать только о Тацуно.

И вот он вместе с Накамурой направился ко мне. Друг казался мне нереальным. Да, душа уже покинула его тело. Оно выполнит свои обязанности автоматически. Какая странная улыбка разрезала восковое лицо Тацуно. Скажи ему! Скажи ему, что ты будешь прикрывать его и погибнешь вместе с ним. Но нет, он не хочет этого слышать. И что-то мешало этим словам сорваться с моих губ. Твое время скоро придет, Кувахара. Да, повторяя эти слова, я мог немного ослабить чувство вины. Я не был другом Тацуно. Я не был его другом на протяжении нескольких недель. И не мог надеяться на то, что мы будем когда-нибудь видеться чаще.

Свинец в моей груди стал еще тяжелее. Он гнул меня к земле, раздавливая под собой все слова.

– Тацуно... я...

Наши ладони встретились в ледяном рукопожатии. Накамура стоял рядом, глядя себе под ноги. Он был лучшим другом, чем я, и дал теперь мне последнюю возможность поговорить с Тацуно.

– Помнишь... – пробормотал я, – как мы всегда хотели летать вместе? – Я посмотрел в глаза Тацуно и тут же опустил голову. – Я скоро последую за тобой.

А потом он что-то протянул мне.

– Вот, – сказал Тацуно, – позаботься об этом для меня. Это не так много, чтобы отправить, но позаботься об этом.

Я быстро отвел взгляд. Тацуно дал мне свой мизинец. Наши смертники всегда оставляли что-то – локон волос, ногти, целый палец – для кремации. Пепел отсылался домой, где его хоронили в семейной усыпальнице. Там в специальной нише прах оставляли рядом с фотографиями предков. Раз в год священник входил в усыпальницу помолиться.

Взревели моторы самолетов, и я вцепился в Тацуно, словно этим мог спасти его.

– Прощай, Ясуо, – произнес он.

Мы бросились друг другу в объятия.

Не оглядываясь, я побежал к своему самолету. Не знаю, как я забрался в кабину. Просто обнаружил себя сидящим в кресле и пристегнувшимся ремнями. Я машинально проверил приборы и надел защитные очки. Вся база гудела во время последних приготовлений.

Я проверил уровень топлива и запустил мотор. Он закашлял, заработал сначала неровно, но потом резкие звуки превратились в монотонный гул. Мы тронулись с места – безразличные крылатые звери, проснувшиеся к жизни. Уно, наш ветеран с пятью сбитыми вражескими самолетами на счету, был лидером. Я следовал за ним. Из диспетчерской башни пришли сигналы. Зеваки-школьники уже были в другом мире. Бешено вращающийся пропеллер отбрасывал назад воздух, песок, травинки и клочки бумаги.

Командующий офицер, школьники, другие пилоты, механики, пришедшие попрощаться с машинами, которые они обслуживали, – все они стали уменьшаться, когда взлетная полоса нырнула куда-то вниз.

Глава 24

«Божественная гроза»

Была прекрасная летняя погода. Сезонные дожди прекратились. Над нами сияло голубое небо. За несколько минут мы пролетели над островом и горами. Я подумал, что вся Япония была всего лишь скоплением гор, великих изогнутых обломков прошлого, когда острова вздымались из моря и тонули вновь, как раненые чудовища, когда пламя вырывалось из скрытых природных топок. Мы полетели над морем. Под нами раскинулись берега четырех островов, на чьих склонах в грубых черно-коричневых хижинах жило больше семидесяти миллионов людей.

Через час после вылета на острове Кюсю в Кагосиме нас ждала посадка для дозаправки. Для двенадцати пилотов это была последняя возможность бросить взгляд на родную землю. А три часа перелета до Окинавы были для них последними часами жизни. Ока и Ямамото ушли три недели назад.

Через несколько минут после вылета из Кагосимы мы наткнулись на звено «В-29», летевших в сопровождении «грумманов» и направлявшихся на Сикоку. Слегка изменив курс, мы скрылись в тонких кружевах перистых облаков и продолжили полет на средней скорости. Под нами простирался Тихий океан, глубокий, зеленый, резной, блестящий под лучами солнца миллиардами праздничных огоньков.

Я очень многое передумал по пути на Окинаву. Родной дом стал мечтой. Старая рана слегка ныла, но даже не так часто, как раньше. Тоёко? Я мысленно видел ее очень много раз в самых разных образах. Иногда просто серебристое лицо, нереальное в заливавшем сад лунном свете... или мягко мерцающее под светом фонариков. Иногда ясные глаза, такие, какие смотрели на меня во время нашей первой встречи. Иногда легкие движения. Так она ходила в своем тонком кимоно изящными шажками, ставя одну ногу точно перед другой.

Но во мне все время ощущалась какая-то пустота, и я постоянно слышал предсказание Накамуры, сделанное им несколько часов назад в том другом мире: «Сегодня мы выполним долг перед императором. Это чувство пронизывает меня до костей». Накамура, новобранец, который стал моим другом с первых страшных дней базовой подготовки. Мой общительный друг, практичный и сильный человек.

Я вспомнил тот давний-давний день, когда мы с Тацуно бежали по улицам Ономити и смеялись, хлопая друг друга своими кепками. Всегда задумчивый Тацуно, редкий друг, с которым всегда можно было быть откровенным, который всегда понимал меня. «Тацуно, Тацуно...» Я повторял его имя и двигался, словно во сне.

Волны отступили. Впереди сгущались тучи.

– Остался час, – прохрипел в наушниках голос Уно.

Я взглянул на него через правое крыло и помахал рукой в знак того, что все понял. Уно был приземистым мускулистым сержантом лет двадцати, который жил раньше в деревне и вот превратился в искусного летчика-истребителя. Если ему повезет, он вскоре станет асом.

Облака впереди становились все тяжелее. Под ними сверкали вспышки молний. Изогнутые блестящие стрелы пронзали поверхность океана.

Наши камикадзе летели клиньями по три машины – смертельные копья, летевшие навстречу американским кораблям. Время шло. Приближался момент атаки, и с каждой минутой у меня во рту все сильнее пересыхало. Это происходило со мной всегда. Я сжимал и разжимал кулаки. Ладони неизбежно потели. «Ты слишком взвинчен, Кувахара», – повторял я про себя. Перед глазами снова пронесся образ Тоёко.

«Жди меня, Тоёко. Жди».

Странно, как много не относящихся к делу мыслей пронеслось у меня в голове. Они были частью моего защитного механизма, средством против страха. Скоро и эти последние средства перестанут помогать.

Мы давно оставили позади мелкие острова Яку и Тогара. Сейчас за нами таял в дымке Амами. Мы смотрели вперед. Окинава! Широкий остров маячил впереди. В моей голове загудело. Я вытянул шею и встряхнулся. Сержант Уно помахалкрыльями. Далеко впереди я увидел черные точки первых американских кораблей и начал их считать. Один, два, три... Всего двадцать пять. Сейчас они были размерами не больше семян. И среди них в самом центре находились наши жертвы – четыре транспорта, охраняемые линкорами и эсминцами.

Уно снова подал сигнал, и наши двенадцать камикадзе ринулись вперед на большой скорости. Они шли в бой на высоте десять тысяч футов. Мы вчетвером, слегка поднявшись, последовали за ними. Неслись секунды, корабли росли... росли... росли... Они начали разворачиваться!

Наконец ожидание закончилось. Я даже обрадовался нахлынувшему страху. Все произойдет теперь очень быстро. А потом мы сможем вернуться и доложить, как обычно, начальству о выполненной задаче. Сегодня будет не намного опаснее, чем обычно.

Тацуно шел лидером последнего клина старого морского истребителя «Мицубиси-96».

Все двенадцать уже отбросили колпаки своих кабин. Их шелковые шарфы развевались на ветру. На вечном божественном ветру. Впереди и под ними начала стрелять первая зенитка. Трассирующие снаряды пронзили небеса красными полосами.

Вот сейчас... Кажется, мы летим прямо над ними! Я потею, следя за нашими камикадзе. Первый смертник ныряет вниз и падает вертикально на заградительный огонь зенитки. Становится ясно, что он уже не доберется до транспортных кораблей. Вместо этого пилот нацеливается на крайний крейсер. В какое-то мгновение кажется, что это ему удастся. Но нет... он взрывается, и все кончено. Его самолет превращается в красную вспышку, которая постепенно затухает и исчезает.

Все вокруг расплывается в смеси звука и цвета. Еще два самолета отправляются вслед за первым и взрываются в воздухе. Четвертый более удачлив. Он с ревом пронесется сквозь заградительный огонь, снижается к воде и вырывается из зоны обстрела зениток. Удар! Самолет врежется в эсминец прямо над ватерлинией. Страшный взрыв, затем еще один и еще. Здорово! Здорово! Эсминец поражает предсмертная судорога. Он не может оставаться на плаву. Вода хлещет через борт и заливают судно. Наконец эсминец переворачивается и тонет.

Я теряю из виду истребителей. Они разлетелись в разные стороны. На двух транспортных кораблях расцветают смертельные огненные цветы. Повсюду страшная суэта и рев. Один из наших самолетов несется низко над водой. Вокруг него тысячи вспышек взрывов. Машина прорывается сквозь них и нацеливается прямо на транспорт. Прямо... Сейчас он нанесет прямой удар. Нет, нет, они достали его. Самолет падает на корму, причинив кораблю лишь незначительный урон.

Оборона практически непреодолима. Сейчас сквозь заградительный огонь может проскочить разве что комар. Еще два смертника устремляются на тот же транспортный корабль, но взрываются и рассыпаются обломками по воде. Другие падают в море, словно горящие головешки. За всеми уследить невозможно. Насколько я могу понять, мы потопили только один корабль.

А самолетов осталось уже совсем мало. Некоторые из них трудно разглядеть на фоне мрачного горизонта. Две машины – тренировочная и истребитель «мицубиси» – возвращаются к нам. Мы кружим над ними и следим, как они выполняют маневр и снова устремляются на врага. Тот «мицубиси»! Это же Тацуно! Да, я прав. Он был в составе последнего клина – единственный морской самолет!

Две машины ныряют вниз, нацеливаясь в центр конвоя. Вдруг тренировочный самолет рядом с Тацуно подбивают, буквально срывая с неба. Его крыло и хвост отрываются, и он с бешеной скоростью куда-то уносится.

Теперь Тацуно один. Его еще не подбили. Он идет в красивую атаку. Так нас не учили даже в летной школе. Тацуно! Тацуно! Пламя вырывается из хвостовой части его машины, но он продолжает лететь. Оранжевые пальцы зенитного огня достают Тацуно. Самолет движется в полосе сплошного огня, но американцы не

могут остановить его. Тацуно! Танкер впереди рассекает свинцовые волны. Они сближаются! Удар! Страшный взрыв сотрясает воздух. Одно странное мгновение огоньки кружатся и танцуют. Теперь стаккато серии более тихих ударов и один могучий взрыв, от которого море морщится, словно одеяло. Танкер идет ко дну. Утонул. Ни следа, только расплывающееся масляное пятно.

Это был мой друг.

Насколько я вижу, все камикадзе погибли. Мы потопили эсминец и танкер, подбили крейсер и (хотя я узнал об этом только потом) повредили линкор. Но у меня не было времени взвешивать наш успех. Самолет впереди меня предупреждающе помахивает крыльями. Звено «грумманов» было готово броситься на нас.

Я видел, как они взлетели с авианосца – шершни, разозленные тем, что потревожили их гнезда. Затем в схватке я потерял их из виду. Сейчас два «хеллкэта» оказались у меня на хвосте всего в трехстах ярдах. Они яростно стреляли в меня. Еще два быстро поднимались, заходя на удобную для обстрела позицию. Свинец начал крошить мой стабилизатор. Снаряд пятидесятого калибра прошел колпак кабины всего в нескольких дюймах над моей головой.

Мы вчетвером инстинктивно стали разворачиваться. Уно порхал, словно сухой лист на ветру. В следующее мгновение мы уже были у них на хвосте. Уно выпустил очередь, и один из вражеских истребителей задымился и полетел в сторону. Слева от меня сверкнули стволы пушек самолета Накамуры. Я увидел это краем глаза.

Напрасно я старался поймать в прицел машину одного из неприятелей. Мы находились в противоположных концах качающейся центrovочной шкалы прицела. Вот! Я поймал его и выпустил снаряд из пушки, но промахнулся. Сжав от злости зубы, я нажал гашетку пулемета, практически не целясь.

Теперь три вражеских истребителя противостояли нам четверым. Американцы разлетелись в разные стороны, отчаянно маневрируя. Снова краем глаза я увидел, как Накамура открыл огонь и попал в одного из них. Пламя вспыхнуло вдоль всего фюзеляжа, и вражеская машина рассыпалась. Обломки полетели в воду. Два – два! Мы с Накамурой сравнялись. Я погрозил ему кулаком, но он меня не заметил.

Какой же я был дурак! Ведь мой противник мог улететь! Он стал набирать высоту. Я помчался вслед за ним снизу, и передо мной оказалось его незащищенное брюхо. Я был свободен в выборе.

Поняв, в какое сложное положение попал, американец стал делать петлю, резко задрав вверх хвост – неразумный маневр, не будь я так близко от него. Но поскольку я летел совсем рядом, мои пули проходили мимо его хвоста. Я тоже стал делать петлю, стреляя вслед истребителю из неудобной позиции носом вниз, и с удивлением увидел облака дыма. Меня охватило чувство гордости, но неприятель не сдавался, стремясь скрыться в облаках.

Я выполнил полупетлю и в самой ее высшей точке увидел, как «хеллкэт» взорвался и разлетелся в пыль. Уно сбил его, вынырнув из-за края облака. Он вонзил в него двадцатипятимиллиметровые снаряды. Шестая победа на счет Уно. Я почувствовал себя обманутым.

– Летим назад! – послышался голос сержанта. – Сегодня больше никаких игр!

По меньшей мере дюжина, а может, и две дюжины вражеских самолетов злобно кружили вокруг нас. Они заметили меня. Куда бы я ни взглянул, повсюду виднелись голубые крылья, белые звезды и тупые носы американских самолетов. Мои друзья исчезли, и я дал максимум оборотов, устремляясь к облакам.

Но это оказался плохой маневр. Четыре или пять вражеских машин ринулись на меня, и мое сердце дрогнуло. Вступить в бой означало неизбежно погибнуть. Я инстинктивно рванул штурвал влево. Все вражеские пули пролетели мимо. Американцы потеряли меня. Но одинокий «хеллкэт» по вертикальной спирали вдруг упал передо мной всего в нескольких сотнях ярдов. Раздался треск. Меня подбили! И все-таки повреждение пока незаметное. Я снова сделал двойной переворот через крыло и стал падать, продолжая вращаться... увидел море и корабли, вращавшиеся, словно на гигантском диске, затем помчался прямо к воде. Я летел вниз, как камень, инстинктивно понимая, что несколько вражеских машин по-прежнему висели у меня на хвосте.

Этой был мой единственный шанс на спасение. Долгие часы тренировок смертельной атаки должны были дать мне преимущество. Большинство американцев не последуют за мной до конца на своих более мощных, но не таких маневренных самолетах. Но теперь, намереваясь освободиться от преследования, я стал отличной целью для зениток внизу. Каким-то чудом я проскочил сквозь стену их огня и снизился почти до самой воды. Мощный «грумман» оказался не таким счастливым! Его сбили свои же, и он рухнул в море. Высокий фонтан морской воды взвился в небо в том месте, где упал американец.

Выжимая все возможное из своей машины, я полетел над водой. Воздух вокруг меня был наполнен смертью. Затем я поднялся, глядя в ту сторону, где находилась моя родная земля. Мне удалось оторваться от большинства американцев. Только бы добраться до облаков... Корабли продолжали выпускать залпы. Облака находились впереди, устроившись на черных горах.

В этот момент меня сильно потрянуло. Раздался громкий лязг. Мой самолет задрожал. Один «хеллкэт» сократил дистанцию и стрелял как бешеный ярдов с шестисот. Меня все-таки подбили! На мгновение меня парализовало.

Когда мотор закашлял и заскрежетал, я стал ждать появления дыма, взрыва. Но нет, двигатель снова заработал ровно. Неприятель, как разъяренная акула, приближался, разрывая воздух снарядами пятидесятого калибра. Быстрее, Кувахара, быстрее! Облака... еще несколько секунд... И наконец, я скрылся в туманном покрывале. Я сделал это! Враг использовал все, чтобы было в его силах, – все, что он имел в океане, все, что мог послать в небо. И он проиграл.

В сгущающихся сумерках я мрачно усмехнулся. Впереди молния осветила часть неба, и воздушные стены снова сошлись со знаменательным грохотом. Это была гораздо более мощная сила, чем все корабельные орудия. По крайней мере, сказал я себе, она была беспристрастной.

Кабина постепенно наполнялась запахом дыма, и я подумал, насколько серьезными были повреждения моей машины, но вскоре забыл об этом. Появилась еще одна проблема – возможно, более серьезная. Дождь отчаянно захлестал по крыльям самолета. Внезапный ливень на мгновение совершенно

нарушил видимость. Затем резкая неоновая вспышка. За каждым ударом грома следовала оглушительная какофония, словно по моей хрупкой машине прокатывался грузовик с бревнами.

Я и раньше летал в дождь и сильный ветер, но никогда на меня не обрушивалась такая гроза. Впереди тучи сгустились в сплошном водовороте. Ливень хлестал все сильнее. Вода уже брызгала сквозь пулевые отверстия в колпаке кабины, порывы ветра становились все резче. Мотор снова закашлял, и я затаил дыхание, пока он снова не выровнялся. Запах дыма ослаб. Наверное, благодаря ливню.

Кровь стучала в моих висках. Я вглядывался в темноту. Вдалеке виднелась светлая полоска, но в эпицентре грозы было темно, как ночью. Каждая вспышка сопровождалась грохотом, разрывавшим небо. Вскоре я засомневался, правильно ли держу курс. Да, я сильно засомневался. Стрелка моего компаса беспорядочно металась. Я с ужасом увидел, что мой авиагоризонт и указатель поворота и крена тоже вышли из строя. Не важно, что ждало меня днем, но сейчас я должен был как можно быстрее вырваться из этого ада!

Но как? Слева было немного светлее. Я вцепился в штурвал и повернул туда, к этому пятну света. Через некоторое время оно начало расти, но в этот момент самолет вдруг стал падать вниз. В одно мгновение я потерял сотню футов. Винты двигателя беспомощно вгрызались в воздух. Это был удар ниже пояса. Мотор заскрежетал, словно готовясь заглохнуть.

Затем давление воздуха вновь повысилось, и меня подбросило вверх. Я быстро пришел в себя после этого удара. Голова кружилась. Самолет практически уже не подчинялся мне. Ему было все равно, куда лететь – налево или направо. Если бы я стал набирать высоту, то рисковал упасть прямо в море.

Приборы вышли из строя. Мотор задыхался. На меня навалилась страшная усталость. Всего несколько мгновений назад я смеялся в лицо грозе, а теперь мои руки и ноги онемели. Я летел уже слишком долго. И напряжение было слишком большим. Весь мой самолет охватила сильная дрожь. Перед моими глазами все плыло. Я не мог понять, продолжался ли дождь или уже закончился.

Ощущение времени исчезло. Когда ветер ослаб, я обнаружил себя летящим неизвестно куда, моргавшим при каждой вспышке молнии и прислушивавшимся к неровному гулу своей машины. Словно автомат, я летел лишь с одной целью – продолжать двигаться вперед до тех пор, пока опять не засияет свет.

Затем ветер снова набросился на меня. Вспышка молнии осветила огромную тучу. Самолет начал трястись и сорвался вниз, словно по невидимой лестнице. Все вокруг перемешалось. Молния больше не сверкала. Она хохотала. Гром кричал и стучал кулаками. Но больше всего меня ненавидел ветер. Он проклинал меня, бил по самолету, выворачивал его крылья.

Вдруг страшной силы поток воздуха ударил под крылья машины, и она завертелась. Словно сорванный с ветки лист, я стал падать в темноту. Да, все. Смерть и забвение!

Но даже перед смертью я помнил... Где-то вдалеке раздавался грохот, похожий на канонаду.

Я опускался медленно. В животе словно был налит свинец. Как будто вдалеке гул мотора усилился и оборвался. Мне показалось, что самолет подпрыгнул вверх.

Казалось, я снова сидел в своем первом планере в школе в Ономити и мчался по траве.

Моя машина опускалась все ниже. Стоило лишь зацепить крылом волну, и океан поглотил бы меня навеки. Зачем сопротивляться? Океан всегда получал свою добычу. Все это лишь дело времени и нескольких градусов уклона. Но во мне все еще тлела искра надежды. Нет, я не боялся. Я насмеялся над океаном, не позволяя крыльям приближаться к воде... к могучим волнам. Они умели гипнотизировать и вскоре заберут меня. Но не сейчас, когда я смеюсь над ними... так же как молния насмеялась надо мной.

Вдруг вода вспыхнула зеленым светом. Через мгновение вспышка стала ярко-белой и ослепила меня. Я моргал, пока не прошла резь в глазах. Вокруг сияло золото.

Ничего, кроме воды и неба. Я поднялся на тысячу футов и помчался вперед к свету. Прошло несколько минут, пока я пришел в себя. Я был один – единственный человек в этом странном, прекрасном мире, потерявшемся между одиноким морем и солнцем.

Мотор снова заурчал. Я взглянул на датчик топлива. Оставалось всего двадцать пять галлонов. Совсем немного. Опасаясь, что американцы могли прослушивать связь, я все же начал подавать сигналы. Никакого ответа. Я подождал и попробовал еще раз. Снова безуспешно. Мой истребитель мчался вперед. Он ожил. Прекрасное существо! Но теперь, когда топлива осталось мало, он терял силы, как человек со связанными руками. Ситуация казалась безнадежной, но оставалась маленькая... Я включил самый экономный режим двигателя. Винты стали вращаться меньше тысячи восьмисот оборотов в минуту. Я почти остановился.

Снова попытка наладить связь. Ответ! Пришел ответ! Связь установилась!

Впереди была Формоза. Меньше чем через двадцать минут я буду там. Скоро... Да, я уже видел ее. Она вздымалась, как огромный корабль. Мотор пока работал устойчиво.

Я снова оглянулся. У меня возникло чувство, что не нужно было этого делать, но я все же оглянулся. Где-то позади осталась Окинава. Где-то шли вражеские корабли. Только теперь двадцать три вместо двадцати пяти. Где-то в море покоились останки Тацуно и остальных ребят. Но хватить горевать... Только не о Тацуно.

Сзади еще доносились отголоски грозы. Это была «божественная гроза», которая спасла меня. И она уже спасала мой народ много веков назад.

Глава 25

Уединенное место

Мой израненный самолет добрался до Формозы, и я приземлился на главной базе Тайхоку. Даже не дав отдохнуть, меня тут же переправили на ближайшую базу неподалеку от Кируна. Там я оставался около двух недель из-за отсутствия топлива. Да, ситуация уже была плачевной. Базы в Формозе израсходовали

последние резервы. Топлива едва хватало для камикадзе, которые вылетали каждый день.

Несмотря на усталость, я сразу же после посадки позаботился о своем самолете. За последние месяцы я сроднился с ним. Для меня он стал живым существом, которого я понимал и даже любил. Машина как-то запала мне в душу. Да, она помогала мне уходить от врагов, а когда я оказался полностью беспомощным, она даже вытащила меня из грозы. Конец правого крыла и частично хвостовое оперение были снесены напрочь. В фюзеляже виднелись четыре пулевых отверстия – пробоины два-три дюйма в диаметре. Удивительно, но мотор перестал глохнуть.

И наконец, я осмотрел отверстия в колпаке кабины. Одна пуля пробила самую верхушку. Другая пролетела в четырех дюймах над моей головой. Я прошел по лезвию бритвы.

Но никаких фатальных разрушений в моей машине не оказалось. Под банановыми пальмами я растянулся рядом со своим самолетом и отдыхал перед рутинным докладом начальству.

Вдалеке прошли два механика. Велась подготовка к очередному завтрашнему вылету смертников. Очевидно, аэродром незадолго до моего прибытия бомбили. Техники закидывали землей воронки.

Смертельно усталый, я прислонился спиной к пальме и стал ждать механиков. Интересно, что ощущал человек, ремонтировавший самолет, но не летавший на нем? Механики тоже очень любили свои машины.

Потом я начал думать о Тоёко. Когда мы с ней еще увидимся?

Но тут заревела воздушная тревога. Примерно двадцать пять машин неожиданно вылетели из-за крыш. Механики и пилоты бросились по бетонной полосе к самолетам. Поздно! Первый истребитель уже набросился на них. Я остался на месте, прислушиваясь к пулеметным очередям. Пули крошили бетон.

Один человек добрался до зарослей и прыгнул в них. Но двух механиков очереди достали. Один из них споткнулся, словно его сбил невидимый грузовик, а второй подскочил вверх, упал и покатился.

Четверо парней из конструкторского отдела прорвались через первую полосу огня и сейчас бежали наперегонки со смертью по летному полю. Однако шансов у них было мало. Вторая волна накрыла беглецов. Одна фигурка подпрыгнула и рухнула на землю в конвульсиях.

Вражеские истребители кружили над базой, поливая ее огнем. У них было много времени. Никто им не сопротивлялся. Загорелся ангар. Старые самолеты для камикадзе тоже вспыхнули. Тут же были выведены из строя и несколько наших истребителей.

Наконец, расстреляв весь боезапас, неприятельские пилоты скрылись в западном направлении. Деревья и тени от них защитили меня и мой самолет. Я с трудом поднялся на ноги и пошел через поле, вглядываясь сквозь дымовую завесу. Тут и там в странных позах валялись трупы – нога, согнувшаяся под телом, неестественно вывернутая голова, оторванная рука, внутренности. Один механик лежал без головы. Все эти ребята только закончили школу. Потрясенный, я стал

искать штаб. Завтра будет очередной налет. Снова погибнут люди, самолеты. Но сейчас мне хотелось только одного – доложить и пойти отдохнуть.

Через полчаса я рухнул на койку. Неподалеку три парня играли в карты. Они громко смеялись и курили. Когда я последний раз видел Тоёко? Несколько недель назад? Не может быть, чтобы всего лишь четырнадцать или пятнадцать часов. Тацуно... Он погиб лет сто назад. Далекая от этого тропического острова база Оита была сном. Где сейчас Накамура? А те двое из сопровождения – Уно и Кимура? Я забылся тревожным сном, зная, что буду снова и снова прокручивать в мозгу последние события. Помню, как один раз я проснулся весь в поту и услышал чей-то голос:

– Спокойнее, истребитель. Успокойся.

Две недели я оставался на этой отдаленной базе в качестве инструктора. Передо мной стояла страшная задача – обучать людей умирать. Каждый день вылетали группы смертников. Я видел, как пилоты один за другим поднимались в воздух, делали круг над полем и на прощание помахивали крыльями.

Затем после их отлета сигнальщик на базе прислушивался к отдаленной пронзительной сирене. Это был сигнал ведущего пилота, что враг обнаружен и атака началась. Через несколько секунд словно обрезанный ножницами тонкий звук обрывался. Прощайте, верные сыны Японии!

Судьбу остальных ребят из нашей группы сопровождения я узнал лишь на следующий день после прибытия в Формозу. Уно вернулся на Оиту. О Накамуре и Кимуре не было никаких сведений. Пропавшим считался и я. Уно видел, как мой самолет ринулся на конвой с вражескими истребителями на хвосте, и решил, что я погиб. Оставалась надежда, что Накамура и Кимура спаслись на каком-нибудь острове из гряды Рюкю к юго-западу от Кюсю. Но это было сомнительно.

Теперь же, когда прошло несколько дней, надежда окончательно растаяла. Что-то подсказывало мне, что Накамура присоединился к Тацуно в океане. Накамура. Последний раз я видел его, когда он молотил из пулемета по противнику. Мой друг ушел, как настоящий самурай. Он знал, что время приближается. Моя скорбь? Она была несколько иного рода. Я долго не давал ей вырваться наружу.

Теперь все мои близкие друзья ушли, и я ждал своей очереди в Формозе каждый день после вылета камикадзе. В те дни смерть царила в воздухе. Мне нечего было делать, и поэтому я много размышлял. Иногда ходил на пустынный пляж, купался, но чаще просто сидел на песке и думал. Волны омывали мои ноги, а я вспоминал Тоёко. Порой я плакал. Конечно, она думала теперь, что меня уже нет. Сейчас невозможно было даже представить, что мы знали друг друга всего несколько коротких недель. Я больше не мог следить за временем. Последняя атака на Окинаву могла произойти и несколько месяцев назад.

– За день до моего отлета с этого затерянного острова произошло событие, которое помогло облегчить наши моральные страдания. Восемь смертников поднялись в небо, сделали круг над полем, помахали крыльями и улетели. Пока я наблюдал за ними, один из них вернулся. Сначала я решил, будто у него неисправность двигателя, но, когда самолет приблизился к полю, кто-то крикнул – Он не будет садиться! Идет слишком высоко! И быстро!

– Он целится в ангар! – крикнул кто-то еще. – Сделайте что-нибудь! Стреляйте в мотор!

Я рухнул в грязь, когда взрыв потряс базу. Самолет врезался в главный ангар, и оттуда вырвалось пламя. Через несколько секунд пылало все строение. Завыли сирены. Люди бежали, кричали, извергали проклятия. Пожарные машины и человеческие фигурки почему-то казались мне сейчас нелепыми.

Я с презрением смотрел на эти жалкие попытки что-то спасти. Когда стали тянуть шланги, внутри ангара что-то взорвалось, затем еще и еще.

Каждый раз пожарные отбегали назад, спотыкаясь и падая. Шланги тянулись за ними, как питоны. Двадцать лучших из оставшихся истребителей взорвались, словно воздушная кукуруза. Отличный получился салют. Затем пришла очередь тысяч галлонов топлива. Ничего уже нельзя было спасти.

Потом среди вещей погибшего летчика было найдено письмо. Очевидно, парень написал его сегодня утром. Оно содержало несколько заявлений по поводу долга японца и бессмысленности войны. Заключение гласило: «Мои друзья, когда вы читаете это письмо, меня уже нет. Не судите строго. Что сделано, то сделано из хороших побуждений. Возможно, когда-нибудь наши командиры и остальные люди наконец-то поймут всю глупость войны. А может, благодаря моим усилиям кто-то из вас останется жив. Поражение Японии близко. Когда вы будете читать эти строки, на базе останется уже всего двадцать самолетов, на которых пилоты отправятся на смерть». Двое друзей этого летчика разорвали и уничтожили письмо, но слухи о нем разнеслись по всей базе.

К счастью, мой самолет отремонтировали и заправили до взрывов в ангаре. На следующее утро я взлетел и покинул это тихое, уединенное место навсегда.

Глава 26

Легче перышка

В конце июня 1945 года я опять приземлился на Оите. Я летел обратно через Китай, пересек Восточно-Китайское море, чтобы не встретиться с американскими истребителями.

Всей душой стремясь к Тоёко, я сразу же бросился с докладом в штаб. Как она отреагирует, увидев меня? Кто-нибудь сказал ей, что я жив? На базе я не знал никого достаточно хорошо, чтобы попросить об этом. Мне не с кем было поговорить. Остались только официальные отношения. Личные письма уже давно не высылались из Формозы.

– Ты должен немедленно доложить командиру своей эскадрильи, капрал Кувахара.

Я взглянул на дежурного сержанта:

– Немедленно?

– Да, немедленно!

– Ты хочешь сказать, что нельзя даже?.. – Я повернулся и бросился к двери. Мое волнение переросло в сильную тревогу. Мне ничего не оставалось, кроме как быстро умыться и переодеться.

В казарме в моей голове пронеслась тысяча мыслей. Я полагал, что доклад Уно двухнедельной давности вполне устроил начальство. Что еще я мог сообщить капитану Цубаки? Вскоре я шагнул по базе. Чего хотел от меня командир? Не мог же он не дать мне даже дух перевести? Разве капитан не знал, что я только что прилетел из Формозы?

Как было свойственно многим офицерам, Цубаки сделал вид, будто не узнал меня, когда я вошел и отдал ему честь.

После моего доклада он все же взглянул мне в лицо, приподнял бровь и вернулся к своим бумагам.

– Садись, Кувахара. – Капитан сделал паузу, затем снова посмотрел на меня. Такое выражение лица я видел у него несколько месяцев назад – в Новый год. – Как дела в Формозе? – спросил он.

Сначала я не мог ответить, не зная, что Цубаки ожидал от меня услышать.

– Вы имеете в виду, господин капитан...

– Самолеты, топливо, оружие, боевой дух! Сам знаешь.

Мне хотелось дать уклончивый ответ, но потом я все же честно сказал:

– Там мало чего осталось. Силы врага крепнут с каждым часом, господин капитан. Повсюду! Зачем скрывать это?

К тому времени я уже хорошо знал Цубаки и мог говорить с ним откровенно. К тому же мое настроение вовсе не способствовало сейчас чиновничеству. Жалкое состояние отдаленной авиабазы злило меня еще больше. Да, теперь я был согласен с матерью из госпиталя в Хиросиме, с Тацуно, с человеком, который уничтожил ангар в Формозе... с миллионами других! Не важно, как сильно я любил свою родину, но умирали мы бессмысленно.

– Хорошо, Кувахара, – сказал капитан. – Доложи мне о десятом июня. Я сравню твой отчет с докладом Уно.

Я доложил обо всем, как запомнил, но не смог описать два самоубийства. В этот момент Цубаки ударил кулаком по столу и воскликнул:

– Некомпетентность! Мы послали тебя не на пикник, Кувахара!

Этот взрыв не подействовал на меня, поскольку я его почти ожидал. Капитан был на самом деле расстроен другими событиями. Он вздохнул:

– Ты потерял в той операции своего лучшего друга, не так ли?

Я взглянул ему в лицо, затем опустил глаза.

– Двух лучших друзей, капитан.

Цубаки вовсе не интересовал мой доклад. Он должен был узнать кое-что еще.

– Кувахара, о чем ты думал... когда видел, как уходили твои друзья? Что ты чувствовал?

– Я хотел умереть вместе с ними.

Наши взгляды встретились.

– Правда, Кувахара? Ты действительно это чувствовал? Ты не хотел жить... несмотря ни на что?

– Я...

– Ты ненавидишь американцев? Ненависть жжет твое сердце? Хочешь уничтожить их всех?

– Иногда я ненавижу американцев, капитан. А иногда...

– Да?

– Иногда я ненавижу...

Цубаки закончил за меня предложение:

– Глупых политиков... в Токио?

Я глубоко вздохнул и почувствовал легкую дрожь.

– Да! Я ненавижу их за то, что они сделали с нашей нацией ради вечной жизни для народа! Даже после того, как бомбы стали валиться им на голову, они продолжали вопить, что все в порядке. «Все хорошо, японский народ! Бояться нечего, глупый японский народ! Все это часть плана!» Чьего плана? – Я закрыл лицо руками и стал задыхаться от рыданий, удивляясь самому себе.

Когда я поднял глаза, капитан смотрел в окно. Целую минуту он разглядывал океан. Потом откашлялся и тихо заговорил:

– Мальчишки... пятнадцати-, шестнадцати-, семнадцатилетние мальчишки... там над Окинавой... в этом страшном огне. – Глаза капитана ввалились, и лицо заметно осунулось с тех пор, как мы покинули Хиро. – И я... Я должен посылать их туда.

Как изменился Цубаки!

– Капрал Кувахара. – Он продолжал смотреть в окно.

– Да, господин капитан?

– У тебя прекрасный послужной список. За последний год ты много раз бывал в бою, верно? Видел много горя и смертей. На твою долю выпало столько, сколько не выпадает другим целый миллион лет. Конечно, тебя давно могли послать на смерть, но ты был очень ценным для своей страны.

Мы посмотрели друг на друга.

– Если бы это было в моей власти, я бы принял меры, капрал Кувахара. Поверь мне, я изменил бы весь мир. Но я только командир гибнущей эскадрильи. Понимаешь, Кувахара, даже Уно... в общем, каждый, кто умеет летать, должен... Все, и скоро!

Да, мои руки затряслись. Такими уж были у меня мышцы на руках и ногах. Я ничего не мог с ними поделать и закрыл глаза. Просто закрыл и ждал, пока не прозвучали дальнейшие слова. Как будто передо мной сидел священник.

– Ты готов?

Я произнес, услышав свой голос словно со стороны:

– Да, господин капитан. Это честь для меня – умереть с почетом. Я хотел бы вылететь как можно скорее.

Сколько я ждал последнего приказа? И вот наконец он поступил. Странное облегчение, пустота. Словно в моих жилах вместо крови сейчас пульсировал воздух. Если бы я не держался за стул, то поплыл бы над полом. Весь мой вес куда-то исчез. Если бы я мог просто встать и уйти, ни о чем не думая, пока ничего не изменилось...

– После небольшого отдыха ты вернешься в Хиро и там пообедаешь. Последний приказ тоже получишь в Хиро.

– В Хиро?

– Да, одну часть базы восстановили.

– Но, капитан Цубаки, почему так быстро? Я ведь только прилетел.

Этот явно лишний вопрос снова ожесточил его.

– Потому что это приказ, Кувахара. Им нужно защищать базу. Истребителей почти не осталось. Мы ждем несколько машин с четвертой базы... те, которые еще остались.

Я задал последний вопрос:

– Когда... когда мой вылет, капитан?

Очевидно, Цубаки хотелось, чтобы я побыстрее ушел. Вся его воинская жестокость снова вернулась. Я опять был лишь его подчиненным.

– Неделя, может, две. Или чуть больше. Не могу сказать.

Я встал и отдал честь:

– Спасибо, капитан. Всего доброго.

– Всего доброго, капрал Кувахара. Я направился в казарму собирать свои вещи. В ВВС человек никогда не задерживается на одном месте надолго. У него нет дома. Даже казарму он не может назвать своей. Они тоже постоянно меняются. Я прошел мимо казармы, в которой жил Накамура, посмотрел на ту, где жил Тацуно. Их вещи уже были отосланы родственникам. У меня в самолете все еще лежал тот палец. Из Хиро я пошлю его семье Тацуно.

Снова меня начала мучить мысль о Тоёко, и на глаза навернулись слезы. Я стиснул зубы. Все это глупости! Ничто никогда не заставит меня заплакать. Ничто! Но ведь ты больше не увидишь ее. Ну и что? Она найдет другого мужчину. Какая разница? Кто ты, Кувахара? Никто! Ты смертник. Ты живешь в вакууме, Кувахара.

«Будьте уверены, честь тяжелее, чем горы, а смерть легче перышка». Без какой-либо логической ассоциации эти слова вдруг всплыли в моей памяти, когда я выходил из казармы. «Смерть легче перышка». Эту фразу я повторял про себя снова и снова. Может, мне удастся загипнотизировать себя?

Перед вылетом из Оиты я встретил пилота бомбардировщика, с которым случайно познакомился не так давно.

– Эй, – крикнул я, – ты еще ходишь в «Токиваю»?

– Да, а что?

– Помнишь мою девушку? Тоёко... Тоёко Акимото?

– Да. – Он ухмыльнулся. – Красивые длинные волосы и... – Он причмокнул.

– Она думает, что... – Я сразу почувствовал себя глупцом. – Она не знает, что я вернулся из Окинавы. И улетаю в Хиро...

Улыбка на лице моего приятеля мгновенно растаяла.

– Хорошо, Кувахара. Я скажу ей.

Мы разошлись, но через несколько шагов я остановился:

– Эй, Такахаси! Может, лучше ничего ей не говорить? Забудь, что я тебе сказал, ладно? Просто забудь!

Такахаси кивнул и отсалютовал мне:

– Хорошо, Ясубэй!

Ха-ха! Приятель назвал меня Ясубэем. Он был хорошим парнем. Мне хотелось бы с ним подружиться.

Когда я направлялся к своему самолету, случилась странная вещь. Возле взлетной полосы в траве лежало тонкое серое перышко. Я осторожно взял его, стал рассматривать, затем разжал пальцы, и оно медленно опустилось на бетон. Покружилось в воздухе и опустилось. Я посмотрел на него, повернулся и хотел уйти, но вдруг остановился. Сумасшедший! Какой же ты сумасшедший, Ясубэй! Я поднял перышко и положил его в карман.

Глава 27

Битва с гигантами

Снова Хиро! Я был здесь меньше двух месяцев назад, но мог не возвратиться сюда и через год. Что такое время? Семнадцать месяцев службы в имперских ВВС казались длиннее, чем вся моя предыдущая жизнь в Ономити.

Хиро! Так странно было вернуться сюда. Ведь до моего дома отсюда меньше пятидесяти миль. База, конечно, сильно изменилась. Большая ее часть лежала в руинах. Я никогда не ожидал, что буду испытывать ностальгию по Хиро. Но теперь чувствовал тоску. Ведь старая Хиро была для меня в каком-то смысле школой.

Я прошел мимо казарм, где жили ребята, проходившие базовую подготовку. Интересно, Боров все еще поднимал боевой дух новобранцев? Вокруг никого не было видно. Казармы рядом сгорели. От старой базы вообще мало что осталось. Я шагнул через порог и прошелся по пустым комнатам. Время было относительным даже для пыли. Она лежала здесь толстым ковром на шкафах, на пустых койках. Трудно представить более одинокого человека, чем военный, идущий по казарме и оставляющий следы своих ног на пыльном полу. Пустые шкафы подрагивали, когда ты ступал слишком тяжело. Безжизненный звук. Кроватные пружины выглядели хуже, чем скелеты.

В углу стояли две биты. Взяв одну, я подул на нее. Бита для поднятия боевого духа. Удивительное изобретение. Я посмотрел на койку, которая когда-то была моей, затем на койку Накамуры. Все еще не верилось, что он погиб.

Мне ничего не оставалось – только ждать, а дни медленно тянулись. В Хиро осталось всего несколько истребителей. Другие пилоты тоже вернулись сюда, чтобы ждать. Мы находились в боевой готовности, прикованные к этой базе, а время словно обтекало нас.

Лишь иногда разнообразие вносили случайные воздушные бои. Мы сражались яростно, совершенно не думая, собьют нас или нет. Странное дело, но наше бесстрашие спасало нас. Двое из наших подбили вражеский «Мустанг Р-51» в неожиданной атаке над Куре и скрылись до того, как американцы сообразили, в чем дело. Когда жертва рухнула в бухту, я решил, что для всех воздушных битв существовала лишь одна истина. Не бойся! Это давало тебе особую волшебную защиту. Атакуй врага первым. Затем улетай. Теперь, когда уже не было никакой надежды, отчаянно атаковать стало легче. Я знал, как пользоваться солнцем и облаками. Враг мог послать миллион самолетов. Не важно. Мы всегда были там, где нас не ждали, готовые сесть им на хвост... и послать некоторых из них в ад.

Прошла неделя, две, чуть ли не месяц. Невероятно! Я все еще ждал, но приказа не поступало. Ни устного, ни письменного. Чего же они тянули?

В конце июля мы узнали, что множество бомбардировщиков «В-29» летали на Осаку. Кажется, они были близки к тому, чтобы разрушить город, а потом добраться до Мацуэ и Окаямы. Знаком, что Япония находилась на последнем издыхании, для нас стал наш вылет на Окаяму лишь вчетвером. Лейтенант, сержант и еще один капрал, как и я, собрались перед стартом. Сегодня мы отправим в ад еще одну «летающую крепость».

Определив точное время встречи с врагом, я произвел дополнительные расчеты. Наш путь лежал на Ономити. Почему бы не устроить короткое авиационное шоу для учеников моей школы? А может, даже для моей семьи и соседей? Почему нет? Я поговорил со своими тремя товарищами. Они с радостью согласились.

Незадолго до вылета я сел написать несколько слов своим родным. Я не знал, что писать. Нет, в этом не было никакого смысла. Никакого. Они сами скоро все узнают. Но я должен был оставить им записку. Они прекрасно знали, что с почтой сейчас были серьезные проблемы. Я сам давно не получал от них писем. После коротких терзаний я просто написал, что со мной все в порядке, и выразил надежду, что и они живы и здоровы. Я почти сомневался в том, что она существовала, моя семья. Родные все больше и больше казались мне нереальными персонажами какого-то произведения. Бывали страшные моменты, когда я не мог вспомнить их лиц.

Я вложил записку в металлический цилиндр и прикрепил к нему полоску бумаги с надписью. Мое последнее послание семье должно было быть передано лично.

Через некоторое время после взлета я посмотрел вниз на знакомые места – верфи, береговую линию с хижинами рыбаков, городские здания. Многие из них были разрушены. Но радиостанция уцелела. Впереди находилась моя школа, еще чуть дальше – мой дом. Город лежал среди гор.

Когда мы начали снижаться, группа учеников на поле подняла вверх лица. Я спикировал на школу. Мои товарищи последовали за мной. Выйдя из пике, я оглянулся и был поражен. Ученики врассыпную бежали прочь.

Я покачал головой и ухмыльнулся. Молодняк!

– Даже свои самолеты не узнали, – прохрипел в моих наушниках голос лейтенанта.

– Может, они никогда их не видели! – ответил я и перестал смеяться.

Может, они уже давно не видели самолеты? Но через минуту ребята снова высыпали на поле и стали махать нам руками. Мы тут же ринулись по спирали на них, спустились почти до верхушек деревьев и потрясли школу ревом. А затем сделали и третий маневр: пронеслись над полем и заложили вираж, чтобы не врезаться в горы. Ученики теперь выбегали из всех дверей школы и махали нам руками. Я видел их лица, практически слышал их голоса.

Через несколько секунд мы кружили над моим домом, но я никого там так и не увидел. Спустившись пониже, я послал мотором своего самолета громкое сообщение. Люди выбегали из домов. Должен же был кто-то из них рассказать об этом событии моим родственникам. Меня охватило странное ощущение. Я легко

нашел свой дом, но с высоты он выглядел совсем по-другому. С высоты все казалось иным. Я словно и не возвращался в Ономити.

Когда город остался позади, я подумал, что будет с ним, когда мы капитулируем? Как поведут себя американцы? Будут ли они гуманными или станут относиться к моему народу, как к скоту? Победенная нация не заслуживает милосердия. Победенную нацию грабят и используют. Поднятые к небу лица и руки девочек... Что будет с этими девочками? Скольких из них использует враг?

И сколько этих людей еще оставались обманутыми? Сколько из них еще лелеяли надежду? Они... по крайней мере, некоторые из них, до сих пор считали, что камикадзе умирают с почетом, верили, что каждый наш погибший пилот уносил за собой на дно вражеский корабль. Это было ужасно. Что-то перевернулось во мне, и я выругался. Сегодня враг оплатит. Сегодня он узнает, что такое злость Ясуо Кувахары.

Вскоре мои размышления оборвались. Мы приближались к Окаяме. «В-29» вылетели согласно расписанию. Шесть из них шли на восток на высоте пятнадцать тысяч футов под охраной дюжины истребителей «грумман». Двадцать девятые были настоящими гигантами. Ничего общего с «В-17», с которыми наши ребята сражались в начале войны. Шесть грозных великанов резали небо, оставляя за собой следы пара.

Лейтенант подал сигнал, и я сжал губы. Мы собрались, чтобы начать подъем. Враг еще не обнаружил нас. Некогда грозные имперские ВВС превратились теперь в насмешку. Американцы, видимо, даже не посмотрели в нашу сторону. Они просто солидно продолжали свой путь. Безжалостные и непреклонные! Неприятельские машины приближались.

Американские пилоты не видели нас до тех пор, пока мы не вынырнули из-за солнца. Поймав замыкающую «летающую крепость» в прицел, я открыл огонь. «В-29» ответил заградительным огнем, а истребители взялись за свое дело.

Я последовал за лейтенантом вертикально вниз и перед самым этим маневром увидел, как его самолет задрожал. Спустя мгновение он протаранил нашу цель. Я инстинктивно свернул прочь от ярко-оранжевой вспышки. При этом мой живот свело. Не понимая, что происходит, я судорожно дернул штурвал и вышел из пике над пятью вражескими истребителями. Крылья моего самолета едва не отвалились. Через несколько секунд кровь отлила от головы, и, когда я пришел в себя, оставшиеся бомбардировщики свернули с курса, чтобы избежать судьбы их несчастного собрата.

Так внезапно! Самолет лейтенанта и «В-29» рухнули вниз. Я неуверенно полетел на солнце, сделал вираж и бросился в погоню. Огромные самолеты оказались невероятно скоростными, и у меня ушло прилично времени, чтобы догнать их. Когда я летел вслед за бомбардировщиком, он слегка покачивался. «Хеллкэты» без особого порядка в строю рассекали небо.

О, это будет погоня из погонь! Я не боялся! Штурвал влево. Я вошел в вираж, балансируя на крыле, а затем бросился на врага на скорости больше пятисот миль в час. Каждый раз, когда серебряный монстр оказывался в моем прицеле, я открывал огонь. Но бомбардировщик летел очень быстро. Фюзеляж, турель и

хвостовые орудия сверкали у меня перед глазами, ведя заградительный огонь. Пули исчеркали все небо красными черточками.

Но я летел сегодня, как никогда. При моем приближении летающий гигант свернул с общего курса, очевидно ожидая очередной атаки. Мои трассирующие пули понеслись по дуге и распахали его крыло и фюзеляж. Есть контакт! Гигант задымился! Вот когда меня охватила огромная радость. Словно чьи-то могучие руки подняли меня вверх.

Я еще никогда не видел, как падает сбитый «В-29». Он терял высоту, но все еще держался. Когда я промчался мимо его хвоста с намерением добить, его задние пушки ударили по мне. Свинец забарабанил, разрывая фюзеляж теперь уже моей машины. Я сделал крутую «бочку».

Но теперь на меня напали «грумманы». Четверо бросились вниз, молотя из своих орудий. Я свернул вправо, дернул штурвал и рычаг хвостового руля, перевалился налево, восстановил нужную скорость и помчался навстречу солнцу.

Мой хитроумный маневр отбил охоту к преследованию у всех неприятельских истребителей, кроме одного. Я стал кружить, набирая высоту, выполнил поворот на триста шестьдесят градусов и оглянулся. «Хеллкэт» пытался сверху ворваться в мой круг, подлетев так близко, что я мог видеть пилота, его сверкающие на солнце очки и оскаленные в уверенной улыбке зубы. Самоуверенный американец. Никогда не забуду эту картину, потому что мне вдруг стало страшно. По венам вместо крови побежала холодная вода. Но я испугался не за себя. Просто выражение лица летчика символизировало наше общее безнадежное положение. У Японии больше не было никакой надежды.

Настроение у меня было явно не для соперничества, поэтому я помчался по спирали вниз и сделал рывок на пятнадцать тысяч футов. Два истребителя, пытавшиеся подлететь мне под брюхо, в ужасе разлетелись в стороны, когда я обрушился на них сверху, едва не задев одного из них. Черт с ним!

Вниз, вниз! Вращение! И наконец, прямое падение. Выйдя из пике над самыми волнами океана, я на полной скорости помчался домой. Несмотря на свои упаднические настроения несколько минут назад, я быстро взял себя в руки. Все было не так уж плохо. К тому же один «В-29» только что уничтожил наш смертник, а второй был серьезно подбит. Как я хотел, чтобы второй гигант оказался на моем счету! Как я хотел стать свидетелем его гибели, увидеть, как он рухнет в воду!

Потом я узнал, что тот «В-29» действительно упал неподалеку от Окаямы. Его экипаж выловили поблизости от берега.

Часть седьмая

Глава 28

Хиросима

1 августа 1945 года. Я вернулся из разведывательного полета над Мацуэ и узнал, что кто-то приходил ко мне.

– Тебя хотела видеть твоя сестра, – сообщил мне дежурный сержант. – Извини, мы не могли позволить ей остаться. Ты же знаешь, гражданских запрещено пускать на базу.

Я кивнул.

– Она оставила тебе вот это, – сказал сержант.

Поблагодарив его, я направился в свою казарму с конвертом и крошечной посылкой в руках. Сев на койку, я распечатал конверт.

«Ясуо-сан, мы получили твое письмо и были очень рады. Это же первая весточка за несколько месяцев. Мы не знали, что с тобой. Но теперь мы обрадовались, когда узнали, что ты снова рядом, хотя мы и не можем повидаться.

Как мы гордимся тобой, Ясуо-сан! Мы знаем, что ты принес много славы своему императору, родине и семье. Я люблю тебя за это, братик, за твою смелость. Но все же больше за то, что ты есть, за то, что мы так много значим друг для друга. Я говорю не только за себя, но и за папу, маму и братьев. Куда бы ты ни направился, что бы ты ни делал, наша любовь всегда с тобой. Каждый день я молюсь за тебя. Долго, долго молюсь в сердце Всевышнему. Твоя сестра Томика».

Снова и снова я перечитывал эти слова, и огромная тоска, словно морские волны, нахлынула на меня. Если бы я мог увидеть сестру... Если бы я мог хоть разок взглянуть на Томику. Тоска немного схлынула. Нет! Так лучше! Потом я открыл маленькую посылочку, долго сидел, склонив голову, и смотрел на подарок сестры, ощущая его мягкость на ладони. Затем мои пальцы сжались. Томика прислала мне локон своих волос.

Нескончаемый день 1 августа сменился вторым. Прошло больше месяца после моей встречи с капитаном Цубаки. Невероятно! Почему до сих пор не пришел приказ? Почему? Чего они ждали?

В ночь на 3 августа я ворочался на койке. Я больше не боялся смерти. Хуже было ожидание. Последняя надежда умерла. В каком бы бедственном положении ни находилась наша страна, по моим оценкам, капитуляция не должна была случиться еще несколько месяцев. Если не будет произнесен последний приказ... Если этого не произойдет в ближайшее время, я могу легко уйти – острый нож и безболезненные порезы на запястьях. «Нет ничего почетного в смерти за потерянную идею. Ничего почетного...» Эти слова зазвучали снова так же четко, как тогда в госпитале. Нет, я больше не стану ждать и страдать за потерянную идею. Я уйду легко... чтобы избежать тяжелого пути. Но нет, нет... Ведь тогда я опозорю свою семью. Черт с ней с идеей, но семью позорить нельзя. Подожди, Кувахара. Сядь и подожди. Стисни зубы. Сожми кулаки. Извергай проклятия. Моли Бога. Проклинай его, если это тебе необходимо. Но жди. Не допускай бесчестья! Не допускай бесчестья! Держись в небе, борись с врагом... Пока не придет приказ! Да, борьба сейчас – это самое лучшее. Единственное.

4 августа. Я много раз молился в тот день. А ночью рвал на себе волосы. Я знал, где лежал острый нож. Господи, пошли мне вражеский самолет. Не заставляй меня ждать здесь! Не заставляй меня ждать!

5 августа в четыре утра я вдруг сел, вытер пот со лба и начал ходить по казарме взад-вперед. Я видел вещи в совершенно ином свете. Какая разница, как погибнуть? У меня не было семьи! Все это только сон!

На улице оказалось прохладнее. Я босиком ходил вокруг казармы. Вокруг царил серый цвет. Через несколько минут я доберусь до острого ножа. Я встану на колени рядом с казармой, в темноте и прохладе. Нет, это нелепо. Нелепо после столь долгого ожидания. В какое-то мгновение я проклял весь мир. Ничто не могло заставить меня уйти, как труса. Теперь иди и ложись. Ложись опять спать, пока твои чувства снова не изменились. Ты сделаешь это, Кувахара... Как-нибудь. Подумай о чем-нибудь... О Тоёко. Нет, о ней лучше не надо. Тоёко заставит тебя вспоминать ваш последний вечер. Тогда подумай о Тацуно... и о Накамуре. Ты не был им настоящим другом. Да, чувство вины может помочь. Подумай о ком-нибудь еще. Тоёко! Нет, нет! Подумай о сестре, о матери. Да, ты же можешь вспомнить их лица... даже услышать их голоса. За час перед утренней побудкой я забылся лихорадочным сном.

И именно в тот день... получил приказ. 8 августа я должен был подняться в небо последний раз. Наконец-то для меня наступила какая-то определенность. Время пришло, и теперь напряжение спало. Я действительно хотел этого! Покой наступит через три дня. Да, я смогу прожить еще целых три дня.

На следующее утро я получил полагающийся мне двухдневный отпуск. Двухдневный отпуск! Так японская армия заботилась о своих сынах. Но я уже решил не пользоваться им. Лучше не видеть ни семью, ни друзей. Потом я еще долго все обдумывал и наконец отогнал гнетущие мысли прочь.

Утром 6 августа я пришел в штаб.

– Мой отпуск! Мне полагается отпуск?

– Гм, сейчас посмотрим... Кимура... Ха! Кувахара! Но тебя хотели вычеркнуть из списка вчера вечером, капрал... Ладно, иди, расписывайся... быстрее. Поставь вчерашнюю дату, а то мне попадет. Нет, черт возьми! Не на этой странице! Вот здесь.

– Спасибо, сержант. – Дрожащей рукой я нацарапал свою подпись, место назначения, время отбытия и прибытия.

Через несколько минут грузовик уже мчал меня в Хиросиму. Оттуда до дома совсем недалеко. Я возвращался... чтобы побыть с любимыми людьми. Мне нужно было бы знать, что тоска по дому окажется сильнее, чем я ожидал. Каким я был глупцом.

Местность очаровала меня. Я почти забыл о такой красоте. Грузовик трясся на неровной дороге. При каждом толчке мои зубы стучали, но я не обращал на это никакого внимания. Я любовался зелеными рисовыми полями, узкими каналами, темными горами и почти забыл о волшебстве раннего утра. Вдруг меня охватило радостное чувство. Я понял, что два дня смогу оставаться в тихом мирном уголке. Может быть, последним в моей стране, но очень приятном. Два золотых дня. Может быть, когда они закончатся, я смогу принять смерть. Может быть, смерть, как говорят поэты, окажется сладкой, легче перышка. То перышко почему-то до сих пор оставалось у меня.

Может быть, Бог – если он существовал – облегчит мою участь. «Господи, укрепи меня! Укрепи!» Эти слова стучали в моей голове, и я обхватил ее руками. Каждый толчок грузовика сильно отдавался в ней.

Да, это сработало. Бог действительно услышал меня. Я повторял слова, и моя душа начала успокаиваться, словно ее начал ласкать теплый бриз. Два золотых дня. И потом пустота. Ничто уже не имело значения. В этих днях заключалась вся моя жизнь, и больше ни о чем думать не стоило.

Я вылез из грузовика на окраине Хиросимы в половине восьмого утра и через несколько минут остановил легковую машину. Перед тем как направиться в Ономити, я хотел навестить друга из 2-го армейского управления. Выйдя через какое-то время из машины, я посмотрел, как она с урчанием поехала дальше и растаяла вдаль. Я пошел по улице Сиратори к управлению. Небо было слегка затянуто облаками, и даже в этот ранний час уже становилось жарковато.

Маленькие группки детей шли по улице. Счастливые малыши не осознавали, что мир менялся, что они когда-нибудь станут мужчинами и женщинами. Оставшиеся после бомбежек руины представляли для них интерес потому, что поним было здорово лазить. Особенно босиком по мягкому пеплу. Один раз я остановился купить апельсин.

Затем меня окликнула старая женщина:

– Скажи мне правду, почему в небе больше не видно японских самолетов?

Я посмотрел ей в лицо, сморщенное, как высохшее яблоко, на ее серебристые локоны. Глаза женщины еще оставались живыми.

– Скажи честно, молодой человек. – Она сторбилась и заморгала, словно ожидая удара хлыста. Она желала этого удара.

Я осторожно положил руку ей на плечо и опустил глаза. Мне хотелось пойти с ней куда-нибудь и посидеть в тишине.

– Матушка, у нас осталось всего несколько самолетов. Скоро все кончится... и нам не нужно будет больше прятаться от бомб.

Когда я сделал шаг, рука старушки крепко вцепилась в меня.

Через несколько секунд я услышал вой сирены и почти не обратил на нее внимания, поскольку два самолета уже пролетели в небе, когда я ехал на легковой машине. Вряд ли стоило пугаться едва различимого над городом одинокого «В-29». Если бы я сидел в своем истребителе, то полетел бы на солнце, чтобы нырнуть вражеской машине под брюхо и открыть огонь. Но японских самолетов больше не существовало. «В-29» мог двигаться спокойно, как пасущееся на поляне животное.

Однако я время от времени поглядывал на него. Гудел он как-то уж слишком безмятежно. Так ровно и так глухо. Что-то...

Когда до здания управления оставалось всего полмили, от фюзеляжа самолета отделилась серебряная точка, и пилот резко набрал скорость. Маленький шарик стал расти и превратился уже в бейсбольный мяч. Парашют. Что это было? Чего они хотели теперь? Сбросили очередную партию листовок? Да, пропаганда. Старая история.

Вдруг стоявшие рядом люди замолчали. Огромная разноцветная вспышка ослепила меня. Резко нахлынула горячая волна. Ослепительный свет – синий,

белый и желтый. Так быстро взрывная волна дойти не могла. Это что-то лопнуло в моей голове. Я скорее почувствовал, чем подумал об этом, и вытянул вперед руки навстречу горячей волне. В воздухе раскрылся раскаленный горн.

А затем произошла катастрофа, описать которую не в состоянии ни один человек. Это был не рев, не грохот и не взрыв отдельно, а все вместе плюс фантастическая сила землетрясений, лавин, ураганов и селей. В одно мгновение природа обрушила свою ярость на землю, и поверхность той содрогнулась.

Я упал. Темнота, страшное давление, недостаток воздуха и боль... а затем облегчение, будто мое тело поплыло в воздухе. И пустота.

Минуты, часы, дни... Невозможно было сказать, сколько я оставался без сознания. Привел в чувство меня ужасающий грохот. Вероятно, телега. Сначала у меня не было никаких мыслей, только смутное ощущение того, что остался жив. Потом чувства начали постепенно возвращаться. Сознание проснулось. Я капрал Ясуо Кувахара, заживо погребенный под обломками.

Мои ноги были придавлены, но рука оказалась достаточно свободной, чтобы стереть мусор с лица. Мои глаза, нос, уши и рот залепило грязью. Несколько минут я задыхался и отплевывался. Боль пробежала по телу. Кожа горела. Со стоном я открыл глаза. Через некоторое время слезы пробили себе путь. Я смог разглядеть вверху какой-то свет, затем стал смутно различать голоса, и снова послышался грохот. Звук стих.

Я начал корчиться.

– Помогите! Помогите! – Я с трудом выдавил из себя эти слова, а затем выкрикнул их еще раз и задохнулся от отчаяния. Давление становилось невыносимым.

Время, казалось, остановилось. Я кричал, терял сознание, приходил в себя, снова кричал и снова терял сознание. Постепенно оцепенение прошло, и я стал пытаться понять, что же произошло. Большая бомба. Американцы сбросили новую бомбу. Неужели? Во время полетов я слышал по радио из Сайпана их предупреждения. Они предлагали нам сдаваться, утверждая, что очень скоро на Страну восходящего солнца обрушится невероятная сила.

Ирония судьбы! Пилот-камикадзе умирает на земле недалеко от родного дома! Я едва не рассмеялся. Какая нелепая смерть!

Вероятно, никто не осмеливался приближаться к Хиросиме. А может, погибла вся Япония? Что, если «В-29» покружились над каждым городом и сбросили бомбы? Страшная мысль. Япония погибла! Все погибло! Нет, конечно нет, это мне почудилось.

Сверху из дыры посыпалась пыль. На меня смотрел птичий глаз. Еще пыль. Глаз закрылся. Я застонал. Чувствуя, как разрываются легкие, я издал еще один стон. Никакого ответа. Вздыхнув изо всех сил, я последний раз издал крик о помощи.

Несколько секунд спустя глаз снова моргнул и сменился ртом.

– Потерпи, – произнес чей-то голос. – Я уберу доски!

Какие прекрасные слова! Во время ожидания мне показалось, что я провел под завалами несколько дней. Меня раздавило? Я умру сразу после освобождения?

Звуки стали громче... еще голоса. Наконец навалившаяся на меня тяжесть ослабла, тьма сменилась светом.

– Ты в порядке? – услышал я. – Тихо, тихо... лучше не двигайся. Лучше не...

Я стал выбираться, и весь мир закачался передо мной. Как все кружилось! Я упал. Чьи-то руки подхватили меня и положили на землю. Кажется, люди в белых халатах.

– Что случилось? – прохрипел я.

– Мы не знаем. Новое оружие врага.

– С тобой все будет хорошо, – сказал другой человек. – Просто полежи здесь, пока силы не вернуться. Твои кости целы. Все будет хорошо.

Они повернулись, чтобы уйти.

– Подождите! – испугался я. – Не уходите!

– Хиросима разрушена... Все погибли или умирают.

Оставив меня с этими мыслями, расплывчатые фигуры исчезли.

– Не уходите.

Бессмысленно. Я заплакал, но плач причинял такую боль, что мне волей-неволей пришлось успокоиться. Только потом я узнал, что моими спасителями были солдаты из армейского госпиталя, которые нырнули под свои койки, когда произошел взрыв. Они сами чудом спаслись. Также я узнал, что пролежал под завалами почти шесть часов – с восьми пятнадцати до двух.

Сначала определить тяжесть полученных повреждений мне было трудно, но, полежав полчаса на свежем воздухе, я с трудом поднялся на ноги. Пока я стоял, покачиваясь, мое зрение нормализовалось. Передо мной раскинулась кошмарная картина. Такого мне еще никогда не приходилось видеть. И никому не приходилось.

Люди пытались описать Хиросиму после атомной бомбардировки в роковой день 6 августа 1945 года. Никому это не удалось и не удастся. То, что случилось, было далеко за гранью человеческого сознания.

Некоторые картины до сих пор стоят у меня перед глазами. Большой город превратился в груды камней. Сто двадцать девять тысяч пятьсот пятьдесят восемь человек были убиты, сгорели или пропали без вести. И все это за несколько секунд.

Пошатываясь и оглядываясь вокруг остекленевшими глазами, я почувствовал влагу. Пошел черный дождь. Какое-то мгновение я не мог вспомнить, как попал сюда и зачем. Вокруг все сровнялось с землей. Отовсюду неслись крики, стоны и вопли. Невероятно! Перед глазами у меня по-прежнему все плыло, и я еще не мог четко различать людей.

Улицу Сиратори засыпало обломками домов. Руины напоминали раздавленные коробки из-под клубники. Вокруг валялись тела. Вдалеке еще стояли самые прочные здания, похожие на обгоревшие скелеты. Некоторые из них покачивались, готовые в любую минуту рухнуть. Огонь бушевал.

Сквозь пыль я посмотрел на солнце. Ничего, кроме грязного пятна. Я опустил глаза и понял, что судьба снова пощадила меня. Около дома стоял небольшой бетонный резервуар с водой на случай пожара. Упав прямо к нему, я попал в треугольную зону, частично защищенную от рухнувших стен. Эти стены защитили меня от взрывной волны, которая даже траву превратила в пепел. Часть воды из резервуара вылилась, а часть испарилась.

Быстрый осмотр показал, что глаза мои сильно ввалились. Руки были обожжены, на правой икре красовался синяк, не считая многочисленных царапин на всем теле. Словно пьяный, я побрел не разбирая дороги и очень скоро наткнулся на кучу тел. Один или два человека были живы и старались выбраться. Почерневшая масса зашевелилась, и появилась голова. Лицо напоминало поджаренный кусок мяса. Единственный глаз подмигнул мне. Носа не было, а рот бесшумно кривился. – Сейчас я помогу тебе, – сказал я и стал разбрасывать трупы. Ухватившись за мертвую руку, я потянул и повалился назад. Плоть разломилась, как вареная картошка, и оторвалась от локтя, обнажив блестящую кость.

Борясь с тошнотой, я продолжал освобождать несчастного. Один или двое стали мне помогать. Остальные в оцепенении наблюдали. Стоны вокруг слились в один гул, а я продолжал работать.

Через несколько секунд я увидел несчастного, нижняя часть туловища которого была придавлена балкой. Человек шесть стали поднимать ее с помощью рычагов. Когда они освободили беднягу, он издал последний вопль и умер. Из его живота хлынула кровь. От бедер до лодыжек он был раздавлен, но тяжесть балки сдерживала внутреннее кровотечение.

Я тупо продолжал работать. Люди вокруг меня двигались, как полузамерзшие насекомые. Многие держались за голову. Большинство было обнажено. Некоторые, в основном женщины, пытались прикрыться. Другие оставались совершенно равнодушными к своей наготе. Я понял, что моя одежда тоже превратилась в лохмотья. Уцелевшая штанина треснула, как сухая корка, когда я зацепился за доску с гвоздями. Я походил на свирепое животное. Я был безумен и понимал это. Редкий момент, когда человек мог посмотреть на себя со стороны. Я действительно мог видеть себя – странное существо, которое видели и другие.

Один раз меня окликнула женщина. Она лежала на земле и не могла подняться. Пытаться помочь ей было бессмысленно, поскольку малейшее прикосновение вызывало у нее страшную боль. Ее тело было изуродовано до неузнаваемости. Волосы превратились в пепел, куски плоти отваливались, как старые обои. Часть горла была вывернута наизнанку, и я видел синие пульсирующие вены. Губы пытались произнести какие-то слова. Какие? Я прислушался к хрипу женщины и понял: «Убей меня. Пожалуйста, убей меня».

Я застыл на месте с открытым ртом. Свет угасал в ее глазах. Вдруг мое тело содрогнулось от страшного стоны. Я закрыл лицо руками, зашатался и споткнулся. Бесчисленные фигуры с такими же страшными ожогами! Они брели в разные стороны, как прокаженные.

Примерно через час я оказался у женской школы Яманака. В восемь пятнадцать утра четыреста девочек выстроились на площадке, чтобы выслушать ежедневные объявления перед началом занятий. Взрывная волна разбросала их, сорвав с тел все, кроме ремешков. Часы, кольца и пряжки вплавились в плоть. Школьные таблички, висевшие у них на шее, сгорели прямо на груди.

Родители осматривали тела девочек. Я видел, как убитая горем мать прижалась к мужу. Оба тряслись от рыданий. Я видел лица, искаженные от чего-то большего, чем горе и отчаяние, слышал истеричные вопли.

Усилия опознать погибших были тщетны. Тела четырехсот девочек полностью сгорели. Остались только зубы – ужасные улыбки на плоских сожженных лицах. Запах гари – смесь запахов удобрений и рыбы – ударил мне в ноздри, и меня стошнило.

Некоторое время спустя я увидел армейский грузовик, побежал за ним и упал.

– Подождите! – кричал я. – Подождите!

Грузовик укатил прочь. Люди в кузове тупо смотрели на меня. Они не могли отличить меня от гражданского. Я упал лицом в грязь. Еще один грузовик проехал мимо. Я поднял руку, но и он скрылся из вида. Нет, ярдов через сто машина остановилась и подала назад. В третий раз за день я поднялся с земли и, удивляясь, откуда взялись силы, побежал. И добрался до грузовика...

В шоковом состоянии я перебрался через реку Ота, направляясь обратно в Хиро. На ее берегах раскинулся ковер из людей – кровоточащие фурункулы. Тысячи ползли к воде, и их стоны слились в единую ужасную панихиду.

Огромное количество людей лежало на отмелях, пытаясь охладиться. Многие там и умирали. Ота была переполнена живыми и мертвыми. Некоторые просто тонули. Трупы плавали у берегов, или их относило течением. Матери, отцы, пожилые и молодые люди – бомба никого не пощадила.

Затем город исчез в красном зареве, и я снова увидел поля. Они не изменились. Только тени теперь тянулись не с востока, а с запада.

Глава 29

Голос императора

Следующие тридцать шесть часов я провел в казарме, лежа на койке. Однако, несмотря на усталость, отдохнуть мне не удавалось. Все тело горело. Глаза постоянно щипало. Они слезились. 8 августа, чуть-чуть поспав и перекусив, я получил приказ пролететь на скоростном двухмоторном разведывательном самолете над Хиросимой и ее окрестностями.

С высоты семи тысяч футов я посмотрел в бинокль на центр города, который еще горел. Дым висел слоями и скрывал большую часть Хиросимы. Повсюду царил хаос, и трудно было сказать, где стояли знакомые здания. Все дороги были запружены людскими потоками. Беженцы направлялись в горы и соседние города Кайтайти, Миядзиму и Удзину. Иногда эти реки формировали притоки, когда через них пробирались военные грузовики. Те сновали туда-сюда, эвакуируя армейский персонал и борясь с пожарами. Какой абсурдной казалась эта активность. Страшная бомба полностью уничтожила 2-е армейское управление вместе с другими зданиями военного назначения. Наши войска скоро начнут сдаваться.

Сквозь помехи в радиоприемнике слышался голос: «Пока власти не определили природу силы, которая... новая бомба... врачи проводят исследования, но не могут понять...»

Я попытался поймать другую станцию и услышал «Светлячка» (мелодию доброго старого времени). Затем знакомый голос произнес: «Уважаемые японские пилоты. Это Сайпан. Я такой же японец, как вы. В настоящий момент я вдалеке от ужасов войны. Здесь мир и тишина. А вы разве тоже? Так зачем, друзья, вы

должны продолжать бессмысленно гибнуть в боях? Вы, доблестные камикадзе, которые каждый день жертвуют собой. Ради чего? Зачем вы становитесь жертвами? Почему вы должны умирать?» Голос продолжал спрашивать, поняли ли мы, что сегодня случилось в Нагасаки! Америка, говорил он, может предложить вам только одну альтернативу – капитуляция или уничтожение. «Знаете ли вы, что ваши матери, жены, сестры и дети голодают сейчас из-за дьявольских амбиций некоторых людей в Токио?»

Для того чтобы сдать, нам нужно было лишь помахать крыльями перед американским летным полем. «Я снова выйду в эфир через два часа», – сообщил нам голос. Затем зазвучала популярная в Японии песенка «Старый дом в Кентукки».

Много раз я испытывал тоску по таким песням, желание перестать воевать. Много раз мне казалось, что нет ничего важнее мира. Мира любой ценой. Доходило даже до того, что я планировал побег из Хиро. Но в любом таком плане серьезной проблемой становилось топливо. Я хотел ночью оглушить охранника и надеть его форму, чтобы перенести топливо ведрами из хранилища к своему самолету. Если бы кто-нибудь застал меня за этим занятием, я сказал бы, что на складе образовалась течь и мне приказали просто перенести бензин. Поднявшись в воздух, я направился бы в Сайпан, и уже никто не мог бы остановить меня. В этом я был уверен.

Но сейчас... глядя на смерть и разрушения, царившие в Хиросиме, узнав, что враг уничтожил Нагасаки... Да, пусть голос по радио говорил правду, но мне хотелось перегрызть этому человеку глотку. Я ненавидел врагов. Появись сейчас в небе американский самолет, я сделал бы все, чтобы его уничтожить. Моя жизнь уже не имела никакого значения.

Два часа полета утомили меня, и снова начал наваливаться сон. В животе заурчало. Моя кожа шелушилась, руки и лицо опухли. Это было уже слишком. Слабость подминала меня под себя. Я связался со своими и запросил разрешение вернуться.

Приземлившись, я доложил начальству и побрел в казарму. Внутри несколько радикально настроенных летчиков спорили с либералами о ходе войны. Запоздалое желание России объявить нам войну вызвало ужас. По моему мнению, русские вели хитрую игру – как грифы, которые нападают, чтобы насытиться, после того как орел нанес жертве смертельный удар. Теперь Россия могла поделить военные трофеи с американцами, но все-таки она не вызывала такой ненависти, как ее союзники. Мало кто из японцев спустя десятилетия помнит, что сапоги советских солдат помогли растоптать нашу военную машину.

Слишком утомленный, чтобы присоединиться к спору, я, не раздеваясь, рухнул на свою койку и забылся на пятнадцать часов.

В течение нескольких следующих дней с моей кожей стало еще хуже. Поверхностный слой на открытых местах слезал, а оставшийся под одеждой разлагался с тошнотворным запахом. Лицо покрылось сыпью и пузырями. Это была прелюдия продолжительного заболевания, от которого я на несколько

месяцев лишился волос. Радиация сделала свое дело. Мне до сих пор так и не удалось окончательно излечиться.

В медицинских диспансерах врачи внимательно осматривали меня, словно больного бубонной чумой, но мало чем могли помочь. Один предположил, что ожоги явились результатом удара взрывной волны, а лихорадка была вызвана простудой. Он дал мне добрый совет: «Опускай лицо время от времени в кадку с водой. Все и пройдет».

Миссии смертников были отменены. Несмотря на бережное отношение врачей, мое состояние столь ухудшилось, что мне запретили даже разведывательные полеты. Оставалось только ждать. На базе напряжение росло с каждым днем. Сочетание надежды и страха породило новый вид тревоги. Нервы были натянуты до предела, движения стали лихорадочными. День и ночь все мое тело болело. Когда я ложился, мускулы ныли, и временами меня трясло.

14 августа ко мне в казарму зашел приятель. Он только что вернулся из разведки. – Кувахара, – прошептал он. – Они говорят, что мы завтра капитулируем! Император объявит, что Япония капитулирует! Все радиостанции только об этом и говорят!

Слух распространился очень быстро. Напряжение еще больше возросло. В ту ночь мало кто спал на базе Хиро.

На следующий день все собрались в столовой перед радиоприемником. Мы молчали, как камни. Статические помехи заглушали некоторые слова, но большинство звучало достаточно разборчиво, чтобы было понятно, что произошло. Наш император официально объявил о капитуляции Японии!

– Его заявление произвело эффект взорвавшейся ядерной бомбы. Все замерли, словно перед смертоносной вспышкой. Я смотрел на потрясенные лица, наблюдал за тем, как изменилось их выражение. Вдруг раздался крик, и один из пилотов-радикалов вскочил на ноги – Американские ублюдки! Покарай их, Господи! Мечь! Мечь! Мы что, бабы? Дайте нам возможность бороться... пока еще не поздно! Мы же камикадзе!

Он так размахался руками, что несколько кружек полетело со стола.

– Мы камикадзе! – раздался дружный крик. Группа пилотов вскочила и уже была готова броситься к своим самолетам, но тут вмешался командир.

Когда мы вернулись в казармы, в небе послышался гул моторов. Затем раздался звук пикирующих истребителей и два громких взрыва. Мы выбежали и увидели на бетонной полосе два очага пламени. Сержанты Касивабара и Киносита тихо пробрались к своим машинам и стали одними из первых японцев, не сумевшими пережить унижения от поражения в войне.

Их смерть вызвала ожесточенные споры. Либералы, естественно, утверждали, что продолжать воевать было глупо, что своей гибелью ничего нельзя было добиться. Все слышали слова императора. Радикалы, наоборот, утверждали, что наши жизни уже ничего не стоят, что американцы все равно всех поубивают. Последнее, что мы могли сделать, это отомстить за страшные преступления в Хиросиме и Нагасаки.

Капрал Есида оказался самым непримиримым. После жаркого спора он с проклятиями выбежал из казармы. Через несколько секунд он неистово прокричал:

– Эй, вы, трусливые ублюдки!

Из-за стены донесся пистолетный выстрел. Мы выбежали на улицу и увидели его лежащим в луже крови. Он воспользовался последней пулей для себя.

Затем последовала целая волна самоубийств. Некоторые офицеры поступили точно так же, как Есида. Другие сделали харакири. Летчики отрезали себе язык, перерезали горло или просто вешались.

В тот же день адмирал Матои Угаки, командир 5-го флота морской авиации, и несколько его последователей стали последними камикадзе в той войне. Они поднялись на своих бомбардировщиках с базы Оита. Последний раз их видели, когда они скрылись в облаках над Окинавой. Вице-адмирал Такихи Онити, прародитель специальных атакующих групп, в знак признания своей вины сделал харакири. Другие высокопоставленные чины последовали его примеру.

Утром 18 августа наш командир в Хиро объявил, что с самолетов сняты винты. Все оружие, кроме необходимого для охраны, было закрыто на замок. С усталым лицом он сказал:

– Все вы понимаете, что мы получили приказ воздерживаться от дальнейшей агрессии. Вне зависимости от наших личных чувств боев больше не будет. Япония проиграла войну. Пришло время задуматься о будущем, взглянуть в лицо действительности. Так сказал наш император.

Слезы покатались по щекам командира, и он их не стеснялся. Спустя мгновение плакали все двести человек.

Следующие дни были, вероятно, самыми странными в японской военной истории. Так долго просуществовавшая разница в положении офицеров и рядовых исчезла. Те, кто жестоко относился к подчиненным, сбежали в ту же ночь, и больше их никто никогда не видел. Других убили при попытке к бегству. Многие дезертировали в надежде смешаться с гражданским населением, когда придут американцы. Записи, документы, списки персонала – все было уничтожено, чтобы враг не смог ничего найти.

У складов была выставлена усиленная охрана, чтобы предотвратить мародерство, как со стороны военных, так и гражданского населения, которое норовило пробраться на базу сквозь ограждение. То и дело происходили вспышки насилия. «Сумасшедшие» и «вольнодумцы» продолжали выяснять отношения. Я старался избегать споров, проводя время в раздумьях. Мне уже надоели всякие конфликты.

21 августа на стенде у столовой я прочитал информационный бюллетень. Он ничем не отличался от обычных, но слова... «23 августа демобилизуются...» Несколько строчками ниже было написано: «Капрал Ясуо Кувахара».

Словно кто-то неожиданно ударил меня в живот. Я подумал, что это ошибка. Но это была правда. Моя демобилизация вскоре подтвердилась. Это была правда!

Через два дня я стану свободным человеком! В это невозможно было поверить! Все кончилось! Вдруг меня охватило недоверие, и я побрел по базе, сбитый с толку, покачивая головой и что-то бормоча себе под нос. Но ведь на базах Коти и Оита еще не сняли с самолетов винты! А разве некоторые наши военные

твердолобы не пытались продолжить войну? Ряд группировок пропагандировал идею, что Япония не сдалась, а лишь только достигла временных договоренностей с союзниками. Слепые глупцы! Конечно, ведь они не нюхали запаха Хиросимы и Нагасаки!

Но и здесь, в Хиро, две группировки проводили секретные митинги. Если доминировали «сумасшедшие», значит, плохо дело... Я все еще ждал смертельных приказов.

Больше чем через десять лет я узнал, что 8 августа 1945 года я должен был участвовать в последней отчаянной атаке с участием тысяч людей и самолетов. Но ее остановили. Страшная бомба, которая уничтожила так много моих соотечественников, спасла мне жизнь.

Глава 30

Прощальный кубок

Несмотря на волнения, оставшиеся дни прошли спокойнее, чем я предполагал. Утром 23 августа я надел новую форму и долго смотрел на себя в зеркало – на нашивки в виде золотых орлов. Я не узнавал своего лица, не узнавал себя. После стольких месяцев, которые должны были закончиться для меня где-то на дне Тихого океана, я собирался стать свободным. Свободным! «Все кончено! Все кончено!» Эти слова непрерывно звучали у меня в голове.

И все-таки тоска не отпускала. Картины менялись перед моими глазами. Я смотрел сквозь зеркало в прошлое – на горящие города, на мертвых людей, на самолеты, облака, небо, корабли и бесконечное море. В моих ушах звучали голоса. Прижавшись лбом к стеклу, я закрыл глаза.

Со странным звоном в ушах я вышел из казармы и зашагал по взлетной полосе. Меня словно вел чужой разум. Откуда-то доносились звуки старинной музыки. В дальнем конце базы стояли гордые самолеты-истребители. Теперь под маскировочной сеткой и без винтов.

Медленно пройдя через поле, я обошел их и приблизился к своей машине. Я оперся о крыло, затем залез в кабину и прикоснулся к штурвалу, к холодным рукояткам. Прикрыв глаза, я услышал едва различимый гул моторов над горизонтом. Он становился все тише и наконец умолк. Я вылез из самолета. Все кончено. Больше ничего не осталось.

К десяти часам я попрощался со всеми, отдал честь флагу – флагу с восходящим солнцем – и навсегда покинул авиабазу Хиро.

Возвращение домой. Еще никогда жизнь не была так похожа на сон. Я был среди совершенно других людей. Враг не стал пользоваться преимуществом победителей. К удивлению многих американцев, японцы очень быстро привыкли к новому порядку. Император обратился к ним с речью. Они смеялись от радости и плакали от горя. Многие ждали вторжения с трепетом. Другие просто с любопытством. Но большинство было счастливо. Война закончилась.

Пока грузовик с грохотом катился по дороге, я начал глубоко дышать. Моя кожа все еще шелушилась, глаза щипало, а лихорадка после 6 августа не унималась. Но

это не имело значения. Тогда не имело. Я провел пальцами по крошечной царапине на руке и стал вспоминать вчерашний прощальный вечер. Дюжина товарищей собралась в кабинете лейтенанта Куроцуки. Мы пили сакэ. Каждый надрезал свою руку и поклялся на крови в дружбе.

Заместитель командира 2-й эскадрильи Куроцука был миролюбивым человеком, но доблестным воином. Его все любили. Я и сейчас вижу его румяное лицо, добрые умные глаза, помню сказанные им последние слова: «Мы проиграли эту войну... но в душе мы остаемся непобедимыми. Давайте никогда не терять духа дружбы, духа Японии. Мы взрослые люди. И в то же время очень молоды. Будущее раскинулось перед нами. Теперь мы должны посвятить себя не смерти, а жизни, чтобы возродить Японию. Однажды она снова станет великой державой. Ее будут уважать в мире.

Кто еще на земле, друзья мои, узнает лучше нас, что такое война? И кто будет так хранить мир? Так, как будем хранить его мы?»

Чашечки с сакэ взмыли вверх.

Примечания

1

Юката – легкое просторное кимоно.

2

Большое спасибо. (Примеч. пер.)

3

Бусидо – кодекс чести самурая. (Примеч. пер.)

4

Сасими – порезанная кусочками сырая рыба. (Примеч. пер.)

5

Фундоси – набедренные повязки. (Примеч. пер.)

6

Ах ты, скотина! Дурак! Черт рогатый!

7

Прощай (яп.).